

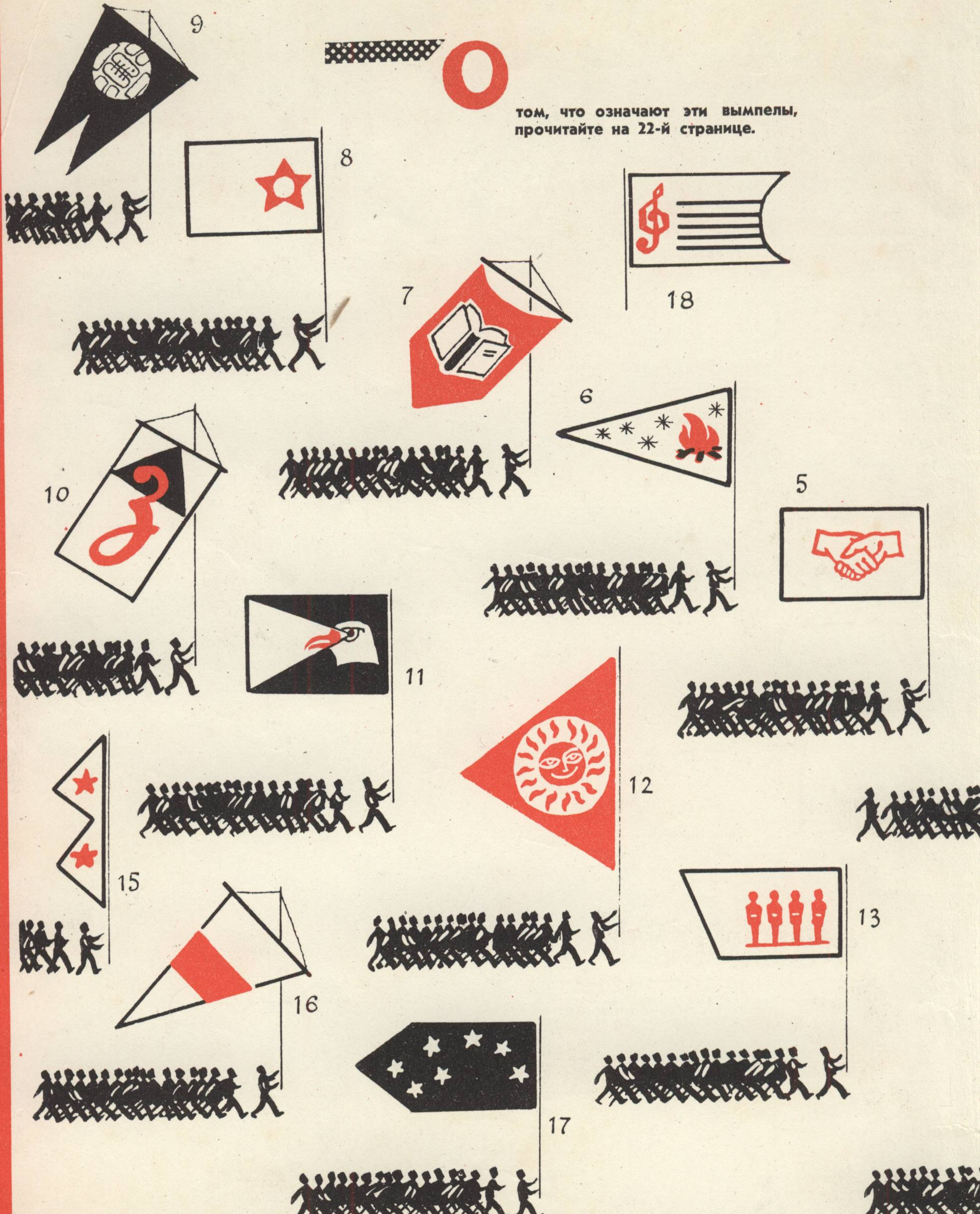
ПИОНЕР

ЯНВАРЬ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

ПОБЕДИТЕЛЯМ — ВЫМПЕЛ!

О том, что означают эти вымпелы, прочитайте на 22-й странице.

ПИОНЕР
Год издания 40-й
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

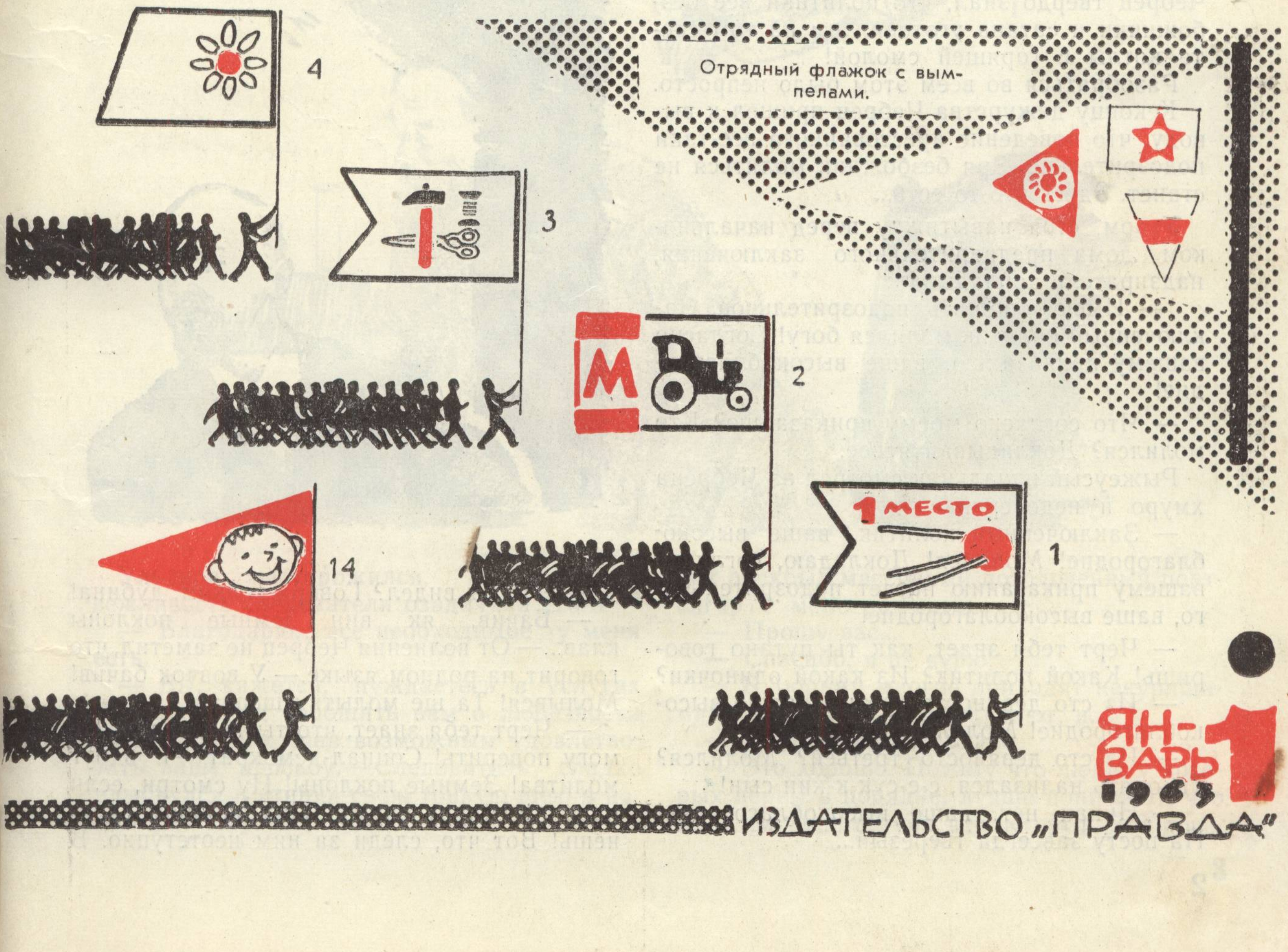
Вымпел — это узкий длинный флаг на мачте военного судна. Идет корабль полным ходом, хлопает вымпел на ветру. Но не только у моряков бывают вымпелы. В пионерских дружинах принято награждать вымпелами отряды победителей в соревновании. Особенно нужны вымпелы сейчас, когда соревнование отрядов стало всесоюзным.

За что присуждают вымпелы? Какие вымпелы учредить? Как их сделать? Сколько их должно быть? Это все надо решить в совете дружины или, быть может, на одном из общих сборов дружины.

Какого размера должны быть вымпелы? Лучше всего, если вымпел — размером с отрядный флажок или немного меньше. Форма вымпелов может быть самая разная.

Рисунок на вымпеле можно нарисовать, а можно сделать аппликацию, составить рисунок из разноцветных лоскутков материи.

Вымпелы могут быть переходящие и непереходящие. Можно их вручать и на неделю и на месяц. Пусть отряд, получивший вымпел, пришьет его маленькое изображение на свой отрядный флажок. Если вымпел отберут, память о нем останется. Мол, и мы были первыми!

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Н. ХОДЗА

Рисунки И. Гринштейна.

По докладу

Тюремный надзиратель Чебрец не верил своим глазам: политик из камеры сто девяносто три... молился! Он стоял у койки и отбивал земные поклоны.

Это было удивительно! Никогда еще Чебрец не встречал набожных политиков. Конечно, можно было бы оставить без внимания такую историю, но Чебрец помнил приказ начальника:

— С камеры сто девяносто три глаз не спускать! Обо всем подозрительном докладывать немедленно! Лично мне!

И, вышагивая сейчас по тюремному коридору, надзиратель соображал, надо ли докладывать начальнику о поведении заключенного из камеры сто девяносто три. О чем докладывать? Молиться арестованным не запрещено? Не запрещено. Значит, никаких нарушений нету? Нету. Стало быть, и докладывать не о чем! Но, с другой стороны, Чебрец твердо знал, что политики все безбожники и сатана уготовил им на том свете котлы с горящей смолой!

Разобраться во всем этом было непросто. К концу дежурства Чебрец пришел к выводу, что поведение арестованного все-таки подозрительно. Зря безбожник молиться не станет. Здесь что-то есть...

Утром, стоя навытяжку перед начальником дома предварительного заключения, надзиратель докладывал:

— Имею сообщить подозрительное. Заключенный политик молился богу! Согласно вашему приказанию, ваше высокоблагородие!

— Что согласно моему приказанию? Кто молился? Докладывай яснее.

Рыжеусый начальник смотрел на Чебреца хмуро и недоверчиво.

— Заключенный политик, ваше высокоблагородие! Молился! Докладаю, согласно вашему приказанию насчет подозрительного, ваше высокоблагородие!

— Черт тебя знает, как ты путано говоришь! Какой политик? Из какой одиночки?

— Из сто девяносто третьей, ваше высокоблагородие! Молился!

— Из сто девяносто третьей? Молился? Ты опять нализался, с-с-сук-к-кин сын!

— Никак нет, ваше высокоблагородие! На посту завсегда тверезый...

—«Тверезый»! Вот я тебе покажу «тверезый»! А ну, дыхни на меня!

Чебрец широко раскрыл обросшую волосами пасть, набрал в себя, сколько мог, воздуха и с шумом выдохнул его.

— Хм... Кажется, трезвый... Значит, перепутал номера одиночек.

— Хоть под присягой! Собственноручно видел!

Чебрец, как и полагается служаке, старался смотреть начальству в глаза, но рыжеусый тюремщик был дьявольски косоглаз, и надзирателю никак не удавалось поймать его взгляд. Должно быть, поэтому Чебрец не мог понять, верит ему начальник или нет. И для большей убедительности он повторил снова:

— Собственноручно видел... Подсматривал в спину...

— Что ты видел? Говори толком, дубина!

— Бачив, як вин земные поклоны клав...— От волнения Чебрец не заметил, что говорит на родном языке.— У вовчок бачив! Молывся! Та ще молытву шептав!

— Черт тебя знает, что ты там видел! Не могу поверить! Социал-демократ — и вдруг молитва! Земные поклоны! Ну смотри, если наврал! Шкуру спущу! Под забором сдохнешь! Вот что, следи за ним неотступно. В

надзирателя...

оба! Если повторится, немедленно доложишь. В письменном виде. Понял?

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! Глаз спущать с него не буду! — Чебрец брякнул коваными каблуками и, гремя шашкой, вышел из кабинета.

«Неужели образумился? — Хмурый начальник все еще не мог поверить донесению Чебреца.— Поразительный случай. Если подтвердится, надо немедленно сообщить следователю. Пусть вызовет его на допрос. И поскорее. Пока он в размягченном состоянии. Пока душа его открыта богу.— Начальник блудливо ухмыльнулся.— Может, теперь он и признается...»

★

— Садитесь, господин Ульянов.— Жандармский подполковник приветливо указал на стул.— Как себя чувствуете? Быть может, у вас есть претензии к администрации?

Ульянов насторожился. Подчеркнутая вежливость следователя озадачила его.

— Благодарю, все необходимое у меня есть.

— Вы, кажется, нуждаетесь в услугах дантиста. Рад сообщить вам о любезности прокурора. Он счел возможным удовлетворить вашу просьбу.— Следователь сладко улыбнулся и втянул свою тонкую шею в непомерно широкие плечи.

— Не вижу особой любезности со стороны прокурора.— Голос обвиняемого звучал сухо и безразлично.— Насколько я знаю, прокурору не дано права лишать заключенных врачебной помощи.

Сладкое выражение спорхнуло с лица жандарма, но, спохватившись, он снова растянул в улыбку толстые красные губы. Резким движением он придвинул к себе лист чистой бумаги, давая понять, что неофициальная беседа окончена и начинается очередной допрос. Скрипя новеньким пером по глянцевитой бумаге, следователь быстро вывел:

«1896 года, мая 7 дня, в г. С.-Петербурге я, отдельного корпуса жандармов подполковник Филатьев, на основании ст. 10357 уст. угол. судопр. допрашивал обвиняемого, который показал».

Поставив точку, жандармский подполковник раскрыл массивный позолоченный портсигар с монограммами.

— Прошу вас...

— Спасибо, я не курю.

— В тюрьму многие приходят некурящими, но нервы не выдерживают, и...

— Мои нервы в порядке.

— Это хорошо. Потому что люди, у которых нервы в порядке, лучше понимают, что идет им на пользу, а что во вред. Вот поче-

му, не скрою, меня крайне удивило ваше упорное запирательство на прошлом допросе. Вы сами юрист и знаете, к чему ведет запирательство обвиняемого.

— Я не знаю за собой никакой вины.

Следователь сокрушенно покачал головой.

— Ну как же не знаете, господин Ульянов? Сам факт принадлежности вашей к социал-демократической партии...

— Я не принадлежу ни к какой политической партии.

— Голое отрицание не может заменить доказательств.

— Но и голое обвинение тоже не доказательство. Нужны факты. А их нет.

Жандарм хмыкнул.

— Отдаю вам должное, вы опытный конспиратор и прямых улик своей преступной деятельности не оставляете. Но кое-какие улики у нас есть. Не станете же вы отрицать, что занимались антиправительственной агитацией среди рабочих?

— Антиправительственной агитацией среди рабочих я не занимался.

— Не занимались? — Следователь ехидно улыбнулся.— Так-таки не занимались? А вот следственным органам доподлинно известно, что вы неоднократно посещали квартиры рабочих на Васильевском острове, за Невской заставой, за Нарвской. Я могу назвать вам даже адреса и фамилии рабочих, среди которых вы вели возмутительную пропаганду. Как видите, обвиняемый, мы располагаем неоспоримыми доказательствами.

— Ознакомьте меня с этими доказательствами, и тогда я дам свои объяснения.

— Все в свое время... Все в свое время...

Опытный следователь, жандарм чувствовал себя сейчас неуверенно. Нет, он не обманывал обвиняемого. В ящике его стола действительно лежали агентурные сведения. Охранка фиксировала каждый шаг Ульянова с момента его приезда из-за границы. Но предъявить эти улики как доказательство, приобщить их к следственному делу жандарм не мог. Донесения шпиков не могли по закону фигурировать ни на следствии, ни на суде. И об этом Ульянов, конечно, знал.

— Пока не будут названы показывающие против меня лица, я не смогу дать никаких объяснений,— снова повторил обвиняемый.

— Я уже сказал, в свое время я это сделаю.— Следователь рывком придвинул к себе протокол допроса.— Обвиняемый, давно ли и при каких обстоятельствах познакомились вы со студентом Запорожцем?

— О своих знакомых я говорить не буду.

— Объясните ваш отказ.

— Я не хочу говорить из опасения скомпрометировать их своим знакомством...

Жандармский подполковник отложил ручку в сторону.

— Я понимаю ваши благородные чувства. Но, поверьте, и я руководствуюсь добрыми намерениями, когда советую вам признать свою вину. Ваши поступки противны морали и учению православной церкви, если можно так выразиться...

Следователь умолк в ожидании реакции обвиняемого. Но Ульянов не подал никакой реплики. Он смотрел на жандарма холодными, изучающими глазами. И под этим колючим взглядом жандармский подполковник терял свою обычную уверенность. Ему казалось сейчас, что Ульянов понял, почему он упомянул вдруг об учении православной церкви. И, нервно тыча в медную пепельницу потухший окурок, он заговорил торопливо, каким-то ненатуральным голосом:

— Неужели вы думаете, господин Ульянов, что я не могу испытывать добрых чувств к вам и вам подобным? Вы забываете, что прежде всего я христианин, а потом уже жандармский подполковник! И видит бог, как мне хочется помочь заблудшему человеку, ставшему во имя сумасбродных идей на ложный путь. Эти чувства продиктованы мне нашей религией.

Легкая, неуловимая усмешка скользнула по губам Ульянова. Но глаза его смотрели по-прежнему холодно и пристально. Упорное молчание обвиняемого, его невозмутимый вид начинали злить следователя. Но игру надо было вести до конца, и он продолжал тем же ненатуральным голосом:

— Я хочу вам помочь, господин Ульянов. Это мой долг, долг верующего человека. Правдивость и доброта, доброта и правдивость — без этих двух качеств вера человека мертва есть! Вы, конечно, помните, что Иисус Христос по своей неизреченной доброте простил и пожалел даже разбойника? Вы видите, даже разбойник не мог прожить без бога...

Впервые за весь допрос обвиняемый с интересом взглянул на следователя. Это был интерес натуралиста, столкнувшегося с непредвиденным, противоестественным поведением давно изученного насекомого.

— Случай мне известен, господин следователь. Известен еще с гимназической скамьи. Ну что ж, очевидно, разбойникам бог был нужен во все времена... Вы правы, бог необходим разбойникам...

Слова обвиняемого таили в себе нескрываемый вызов. Длинная тонкая шея следователя вновь начала ввинчиваться в его широкие плечи. Дернулись мясистые красные губы, но жандарм сдержал себя. Для успеха нужна выдержка.

— Позвольте, позвольте, господин Ульянов,— сказал он укоризненно.— Но вы же сами... будучи далеко не разбойником... и, тем не менее, однако... вы почувствовали в трудную минуту... почувствовали настоятельную потребность общения с богом...

Ульянов вскинул на следователя удивленный взгляд.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Не надо стесняться своих хороших чувств! Они делают вам честь, если можно так выразиться!

— Абсолютно не понимаю, о чем вы говорите...

— Господин Ульянов, мне известно все! Я знаю, что в глубине души вы тяготитесь своими проступками. Однако в грехах надо каяться не только перед богом, но и перед людьми. Иначе молитва ваша становится бессмысленной. Вот почему я вновь и вновь спрашиваю вас: признаете ли вы себя виновным в проведении антиправительственной агитации?

— Ничего добавить к вышесказанному мной я не могу. И не понимаю, о какой молитве вы говорите.

— Я знаю, что вы ежедневно молитесь богу!

— То есть как молюсь?

Удивление подсудимого было столь безгранично, что оно показалось жандарму неестественным.

— Напрасно вы делаете столь изумленное лицо. Я видел на своем веку и получше актеров. Вы спрашиваете меня, как вы молитесь? Извольте, я отвечу вам. Каждый вечер перед сном вы кладете пятьдесят земных поклонов. И шепчете молитву, если можно так выразиться...

Следователь остановился. Ему казалось правильным сделать перед решительным выпадом небольшую психологическую паузу.

Обвиняемый больше не смотрел на него. Низко опустив голову, он повернулся к окну, точно увидел на стекле что-то очень интересное.

— Можно себе представить...— Теперь следователь цедил слова медленно, стараясь, чтобы от Ульянова не ускользнул их зловещий смысл.— Можно себе представить, как отнесутся к подобному факту ваши сообщники, эти закоренелые безбожники. От меня зависит, станет ли им известен этот факт. Они отвернутся от вас, вы окажетесь в полном одиночестве! Осужденный правосудием, отвергнутый единомышленниками — какая жалкая участь!

Жандарм откинулся на спинку кресла, пытаясь поймать выражение лица Ульянова. Но обвиняемый сидел по-прежнему, отвернувшись к окну.

— Итак, господин Ульянов, надеюсь, вы понимаете, сказав «а», надо сказать и «б». Иначе молитва ваша, повторяю, останется гласом вопиющего в пустыне...

Обвиняемый медленно повернулся к следователю. Лицо его стало почти неузнаваемым. Исчезло выражение настороженности, у глаз собрались морщинки, губы плотно сжались, слегка вздрагивали широкие ноздри, увлажненные глаза блестели. Следователь недоуменно вглядывался в изменившееся лицо Ульянова, и вдруг он понял, что обвиняемый делает над собой страшное усилие, чтобы не рассмеяться.

Жандармский подполковник ожидал любой реакции обвиняемого: признания, запирательства, притворного негодования, растерянности. И вдруг — смех! Возмутительный смех! Неужели и это не более чем актерское притворство?!

Следователь рванулся с кресла. Встал и Ульянов, но смех все еще трепетал в его прищуренных глазах.

— Обвиняемый! Ваше веселье неуместно, более чем неуместно! — Мясистые губы подполковника дергались от злобы.— И не думайте, что ваше притворство введет меня в заблуждение. Передо мною документ! Донесение опытного тюремного надзирателя. Не вижу надобности скрывать его от вас. Извольте выслушать, что сказано в донесении: «Начиная с первого сего месяца числа, одна тысяча восемьсот девяносто шестого года, заключенный из нумера камеры сто девяносто три кладет перед сном господу богу нашему вседержителю пятьдесят земных поклонов аж до самого пола». Слышали, обвиняемый? Что вы можете заявить по этому донесению? Разве это не факт?!

Ульянов прищурил насмешливый глаз и ответил загадочной фразой:

— Надзиратель смотрел факту в спину. И потому факт оказался искаженным...

★

Следователь сидел в кабинете начальника «предварилки» и знакомился с делами новых подследственных. Он сделал несколько

пометок в записной книжке и повернулся к начальнику:

— Вы помните Ульянова? Помощника присяжного поверенного? Он находился у вас года полтора-два назад.

— Отлично помню. И всю историю с донесением Чебреца помню. До сих пор не понимаю, что стряслось тогда с этим болваном! Придумать такое про Ульянова, про закоренелого безбожника! Загадка!

— Загадка, представьте себе, разъяснилась. Разъяснилась совсем недавно. Пять дней назад.

— Каким образом? Ульянов, насколько мне известно, находится «в местах не столь отдаленных»?

— Потому и разъяснилась, что он сослан к черту на кулички! И вынужден общаться с родными при помощи писем. Ну, а корреспонденция его нам, разумеется, известна от первой до последней строчки.

— Что же вам удалось выяснить?

— Сейчас узнаете. Нарочно захватил, чтобы показать вам.

Следователь вынул из бумажника свернутый листок бумаги.

— Это выдержка из письма Ульянова к матери в Москву. Заботится о здоровье своего братца Дмитрия. Тоже, видать, преступная личность. Вот что пишет ваш бывший квартирант и нахлебник: «Вы, вероятно, с Митей направитесь в Кокушкино... Нехорошо это, что у него... одутловатость какая-то успела появиться. Во-первых, соблюдает ли он диету?.. А во-вторых, занимается ли он гимнастикой? Я... занимался каждый день на сон грядущий гимнастикой... Могу порекомендовать ему довольно удобный гимнастический прием — пятьдесят земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву дается, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкиной церкви!»

— Значит, Чебрец не был тогда пьян! — воскликнул начальник. — А я его выгнал! Выходит, он пострадал ни за что!

— Он пострадал за то, — глубокомысленно изрек следователь, — что смотрел факту в спину. И тем самым ввел в заблуждение нас, скотина!

И, пряча листок в бумажник, добавил:

— Если можно так выразиться...

КУЗНЕЦ

Зубер ТХАГАЗИТОВ

Рисунки В. Федяевской.

Поля рубаху снежную надели,
Вдруг поседев, как старый человек...
У нас в краю которую неделю
Зима, как самосвал, ссыпает снег.

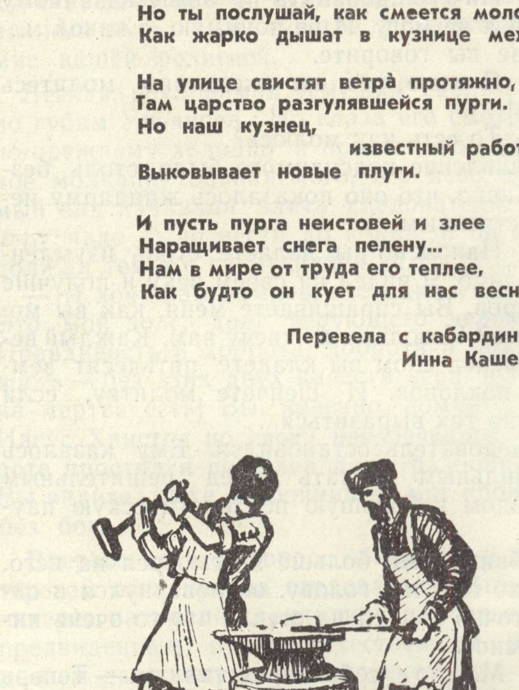
Январь стоит уж до того морозный,
Что звякают сосульки, как ключи,
Что даже солнце в кузнице колхозной
Отогревает бледные лучи.

И кажется, на свете только холод,
На свете только иней, мягче мха...
Но ты послушай, как смеется молот,
Как жарко дышат в кузнице меха!

На улице свистят ветра протяжно,
Там царство разгулявшейся пурги.
Но наш кузнец,
известный работяга,
Выковывает новые плуги.

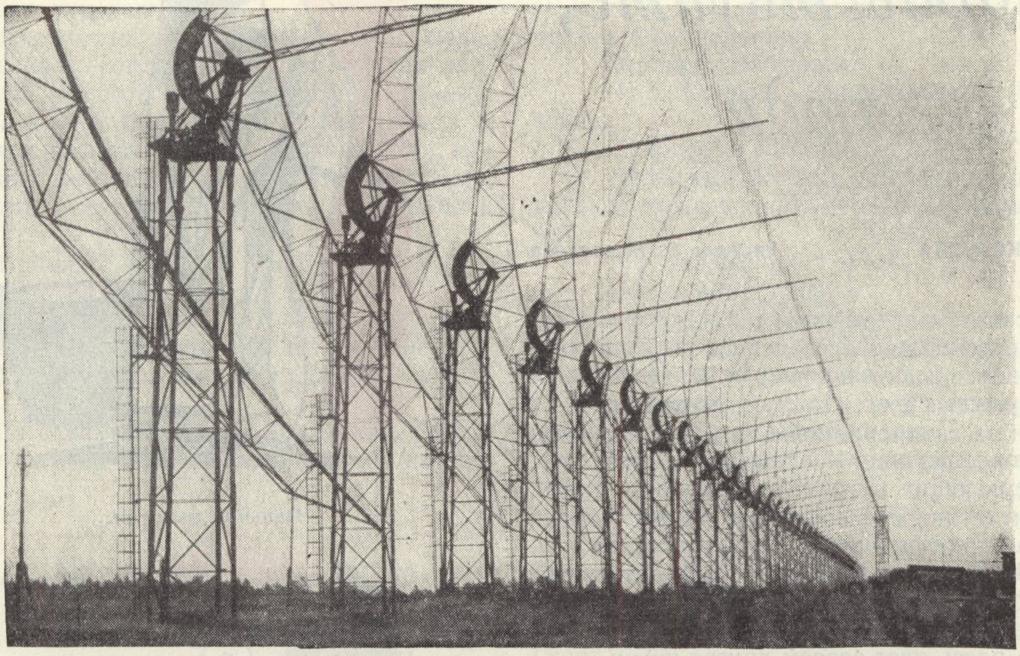
И пусть пурга неистовей и злее
Наращивает снега пелену...
Нам в мире от труда его теплее,
Как будто он кует для нас весну.

Перевела с кабардинского
Инна Кашежева.

ОРУЖИЕ УЧЕНЫХ

Тайны океанских глубин и тайны световой волны, невидимых глазу микробов и ядерных частиц, тайны живой клетки и затерянной в космосе звезды — все это человек раскрывает с помощью тонких и сложных приборов: они тысячекратно усиливают его способность видеть, слышать, измерять, рассчитывать.

РАДИОГЛАЗ

Огромное поле неподалеку от Серпухова. Восемьдесят тысяч квадратных метров крест-накрест пересечены двумя линиями высоких кружевных башен. Это антенны. Здесь строится новый радиотелескоп — гигантский радиоглаз, устремленный в бесконечную даль Вселенной.

Чем больше площадь радиотелескопа, тем выше его чувствительность. Новый радиотелескоп может обнаруживать едва уловимое радиоизлучение безмерно далеких галактик, звездных островов. Радиоволны, имея, как и свет, скорость 300 тысяч километров в секунду, идут к нам от этих галактик почти 10 миллиардов лет.

Волны, пойманные антеннами радиотелескопа сегодня, возникли в то время, когда еще не существовало Земли.

Большая площадь телескопа придает ему еще одно очень ценное качество — высокую разрешающую способность. Это значит, что, уловив с его помощью радиоизлучение, можно точно определить участок неба, с которого оно пришло.

Еще не так давно источник излучения размером с солнечный диск был слишком мелким, неразличимым объектом для радиотелескопов. Новый телескоп способен «рассмотреть» радиоисточник в 64 раза меньший, чем видимые размеры солнечного диска.

С помощью радиотелескопов разведано много нового: о звездах, о Солнце, о солнечной короне и солнечных бурях, о лунной поверхности, о температуре Венеры, о межзвездном водороде, о форме и движениях ближайших к нашей Галактике звездных миров и о существовании других, настолько далеких, что их не могут обнаружить ни мощные оптические телескопы, ни чувствительные фотопластинки.

Здравствуйте, люди

Анна АКСЕНОВА **Рисунки Е. Медведева.**

Мальчик мыл пол.

Из санатория, где мама с Генкой оставили вещи, отдохнули и переоделись после дороги, отправились искать жилье для Генки. Прошли набережную, пересекли шумную улицу с очередями за газированной водой и свернули в какой-то переулок. И сразу все изменилось. Ни сверкающих витрин, ни громкого смеха, ни фантастических зонтиков. Тихая, уютная улочка с тихими домами, притаившимися в зелени. Казалось, и солнце не палит здесь так нещадно. Редкие в этот час прохожие не поражали ни своими костюмами, ни загаром. Казалось, здесь идет совсем другая жизнь.

Во дворе дома, куда они вошли, никого не было. Но на веревке висело только что развешанное мокрое белье. Значит, кто-то здесь был недавно, сейчас.

Постучали в одну из дверей — никто не ответил. Толкнули дверь — она легко отворилась.

— Есть кто-нибудь?

Молчание.

Генка заглянул за пестрый полог и увидел... ноги.

— Можно? — спросила мать.

Ноги дрогнули, и из-под кровати вылез мальчик лет двенадцати. Оказывается, он мыл пол. Рядом стояло ведро с водой, а в руках у него была тряпка.

— Я насчет комнаты. У вас не сдается?

— Нет, — ответил мальчик.

С тряпки ручьями стекала вода, но он, видимо, нисколько не стеснялся, что его застали за таким «девчоночьим» занятием.

— Мне только для сына, я-то сама в санатории буду.

— У нас негде. Спросите в третьей квартире. Пойдемте, я покажу.

В чистой кухне резала лук городского вида кругленькая старушка.

— Ты, Сашок? — спросила она, протирая глаза.

— Я.

— Чего ж ты рубаху на солнце повесил? Выгорит!

— Я, бабушка, жильцов к вам привел.

— А-а, — приветливо откликнулась старушка, — проходите, а ты, Сашок, покличь Тоню.

В комнате с красивой мебелью было чисто. Висела на стене диковинная картина: не поймешь, что на ней, — полоски и кубики, большая фотография с чьим-то очень знакомым лицом и подписью чернилами: «Собратьям по искусству Петруше и Юленьке от Ника».

Через минуту вошла девочка. Она поздоровалась и внимательно осмотрела Генку.

— Вот, Тонечка, постояльцы просятся.

— Я знаю, — ответила девочка. — Пусть. Наши не скоро приедут.

— Готовить ему, или в едальню ходить будет? — спросила бабушка.

— В столовую? — не поняла мать.

— Ну да, по-вашему — столовая, по-нашему — едальня.

— Я была бы рада, если б вы смогли ему готовить.

— Только чтоб без заказу. Что нам, то и ему.

Мать посмотрела на румяную девочку, на приветливую, опрятную бабушку.

— Я буду очень рада. Он у меня в еде не капризный.

Потом договорились о цене. Генка с тоской поглядывал во двор. Что он здесь будет делать? Мальчишка, как баба, стирает, пол моет, может, еще и обед варит, девчонка из себя взрослую корчит.

Но вечером, когда он снова вернулся сюда, все оказалось совсем не так. На качелях, привязанных к высокому развесистому дереву, взлетал к небу Саша. А на дереве сидела и ела какие-то ягоды вся перемазанная ими, как черникой, небольшая девчушка. Саша, заметив Генку, остановил качели, подбежал к нему.

— Пришел?

— Пришел.

— На море уже был?

— Был. Только мы еще не купались.

— Мы завтра за мидиями идем. Пойдешь с нами?

— За какими мидиями? — спросил Генка. Он в жизни ни о каких таких мидиях не слыхивал.

— У вас не сдается комната?

Слезла с дерева и девочка. Она была в одних трусиках, и все смуглое тело ее было в черных пятнах, особенно перемазаны были руки и лицо.

Генка поднял голову и увидел, что все дерево усыпано крупными ягодами, похожими на малину или скорее на ежевику, потому что они были черными.

— Это как называется?

— Что? Дерево? — удивился Саша. — Шелковица.

— Никогда не слыхал.

— Да ты что! Его еще тутовым деревом называют, шелковичных червей листьями кормят.

— А-а, так это оно и есть?

— Ну да, вот попробуй.

Саша подпрыгнул, пригнул ветку и сорвал несколько ягод. Ягоды были приторно сладкие и Генке не понравились.

— Мажутся, — сказал он и посмотрел на свои сразу почерневшие ладони.

— Еще белая шелковица есть, она не красит, — сказала девочка.

— А кто за лидиями пойдет?

— За мидиями? — чуть-чуть улыбнулся Саша. — Вот Алла, — показал он на девочку, — я, Тоня.

— И она пойдет? — недоверчиво спросил Генка.

— Алла-то? Конечно, пойдет.

Генка вошел и замер: посреди комнаты, завернутая в скатерть, стояла Тоня. Одна рука у нее была поднята над головой, другая откинута назад. Черные волосы тучей вздыбились над самой макушкой. Она пристально следила за собой в большое настенное зеркало.

— Синьоры, — вдруг сказала она, — пробил час! — И взмахнула рукой.

Генка невольно фыркнул. Тоня обернулась и покраснела так, что, казалось, еще немного — и кровь брызнет из ее тугих щек.

— Чего подглядываешь? — недружелюбно сказала она.

— Я не подглядывал. Тебя Саша зовет.

— Мог бы постучать.

— А я откуда знал, мне бабушка сказала «иди», я и пошел.

— А чего ему надо?

— Завтра за мидиями идем, договориться.

Встали рано — солнце еще только подымалось над горизонтом — и отправились к морю.

У дома с голубой черепичной крышей Алла остановилась и, открыв дверь, крикнула в подъезд:

— А-у-у!

Подъезд весело подхватил ее голос и гулко понес по этажам.

Рано утром ребята отправились к морю.

Город остался позади. Лишь изредка попадались маленькие деревянные дома, до половины скрытые розовыми мальвами.

Первой по кромке моря бежала Алла. Она то и дело наклонялась, подбирала умытую, чистую ракушку, обточенный морем осколок стекла, заманчивый камушек.

Последней степенно шагала Тоня. Она скинула сарафан, голову держала высоко поднятой, чтоб лицо загорало ровно.

Саша вдруг поднял ржавое, без донышка ведро.

— Зачем тебе?

— В утиль, зачем же еще!

— Сейчас ведь каникулы.

— А я для себя.

Генка с сочувствием посмотрел на приятеля. Наверное, бедно живут, денег не хватает. Он тоже стал оглядываться вокруг, не увидит ли еще что-нибудь подходящее. Но, как нарочно, берег был пуст. Золотился под солнцем песок и тянулся ровной полосой до самого горизонта. Ничего не было, кроме песка, моря и неба, бездонно синего и заманчивого.

— Почему, когда смотришь на небо, так и хочется полететь? — мечтательно сказал Генка. — Ведь знаешь, что не можешь, а так тянет, как будто ты птица.

— Наверно, потому, что человек когда-то летал. То есть не человек, конечно, а предки... вот те, от которых млекопитающие... Архаро... не помню, как называются, ну, в общем, птицы древние.

— Человек от обезьяны, — неуверенно возразил Генка.

— А обезьяны откуда? Сначала рыбы, земноводные, потом птицы, потом уже млекопитающие — обезьяны, люди, собаки.

Оба притихли и некоторое время шли молча.

— А как ты думаешь, рак заразный?

— Какой рак? — оглянулся Генка.

— Болезнь — рак. Слыхал же.

— А-а... не знаю. А что?

— Да так. Вот я читал: раньше думали, что чахотка незаразная. Может, и рак тоже.

Ну и Сашка, о чем думает! Генка силился сказать тоже что-нибудь умное, но, может, оттого что он торопил свои мысли, они все разбежались, а в голове осталось, непонятно почему: «В лесу родилась елочка». «Я сейчас скажу, — лихорадочно думал Генка, — я вот сейчас тоже спрошу...» А на языке, хоть тресни, повисла проклятая «Елочка» и ни туда, ни сюда...

Выручила Тоня. Она громко взвизгнула и помчалась вперед, оставляя за собой кружева брызг. Алка оставила свои камушки и тоже засверкала мокрыми ногами. Как тут было удержаться! Генка и Саша побежали тоже.

В нескольких метрах от берега расположилась нефтебаза. Громадные цистерны выси-

лись над дощатым забором. На заборе надписи: «Не курить», «Не купаться».

От берега уходил в море и там неожиданно обрывался мост. Генка сам догадался, что это для кораблей. Ближе к нефтебазе они подойти не могут: мелко. Мост держался на железных стояках. К стоякам гроздьями прилепились темные ракушки — мидии. Колеблющиеся от воды водоросли то прикрывали, то вновь открывали их.

Саша сложил руки вместе и нырнул в прозрачную воду. Лягушатами попрыгали за ним Тоня и Алла. Генка тоже присел, ахнул и... отступил.

А внизу визжали, плюхались...

— Генка-а, — закричала Тоня, — чего же ты?!

Генка закрыл глаза и прыгнул. Тысячи острых иголок пронзили его. Он вынырнул и замолотил руками. Наверное, у него был очень смешной вид, потому что все захохотали.

— Обжегся? — спросил Саша.

— Угу.

Он подплыл к рельсу и стал отдирать ракушки. И скоро стало совсем тепло. А когда набрали полную сетку-авоську, то уже и не хотелось вылезать из воды.

Потом валялись на песке, ели хлеб с черешнями и снова купались.

— Вы как хотите, а я буду загорать, — сказала Тоня и легла, раскинув руки — точь-в-точь чайка на ее купальнике.

Генка с Сашей ловили крабов, для которых Алла рыла колодец в песке, чтоб не подохли от жары.

— Дождя бы не было, — вдруг заметил Саша.

В самом деле, со стороны города плыла огромная, в полнеба туча.

— Пошли, что ли, — сказала Тоня. — Сейчас польет, наверно.

Только встали, как начался дождь, крупный и сильный. Расхватали вещи и кинулись бежать.

Суматошно метались взъерошенные пляжники, прикрываясь от дождя зонтами, как только что прикрывались от солнца.

Генка скачками догнал Сашу, отнял у него дырявое ведро, надел на голову и подскочил к Тоне.

— А ну, постой!

Та остановилась. Генка, важно выпятив живот, косясь на нее, сделал круг. Тоня пригнулась от смеха.

— Ты что?

Генка и сам не знал, «что». Просто все снова засмеялись, и Тоня тоже.

И вдруг, точно с неба, грянул оркестр. Сколько было голов на пляже — все повернулись в одну сторону. На штабелях строительного ракушечника под проливным дождем в одних трусах устроились отчаянные музыканты и дули в свои серебряные и медные трубы.

Горохом покатилась к оркестру малышня, за ней — взрослые.

А через минуту уже шлепался волейбольный мяч, танцевали мокрые пары. Все радовались небывалому развлечению.

— Здорово!

Ища, с кем бы поделиться, Генка обернулся и увидел счастливые лица Тони и Аллы. Сашки не было. Он стал искать его и не мог найти. Потом увидел маленькую одинокую фигуру на берегу. Она удалялась прочь от них, и в руке у нее было ведро с оторванной дужкой.

Генка, забыв про все, бросился догонять.

— Сашка-а! — кричал он.

Из-за дождя или музыки Саша не слышал. Он уходил все дальше и дальше.

Генка с Сашей ловили крабов, для которых Алла рыла колодец в песке, чтобы не подохли от жары.

— Сашка-а!! — надрывался Генка.

Саша наконец услышал. Он остановился и ждал, когда подбежит запыхавшийся Генка.

— Ты что ушел?

Саша не смотрел на него.

— Не люблю я.

— Чего не любишь? Духовой оркестр? Вот чудак!

— У меня отца хоронили... с духовым.

Генка попытался представить, как его собственный отец... Нет, нет, такое нельзя думать. Они медленно пошли домой.

— Семь лет мне было, — говорил Саша, — не маленький, а вот почему, скажи, я его не помню совсем? Как хоронили, как музыка играла, помню, а больше ничего. И хоть бы одна фотография была. Ничего нет.

— А почему он... Саш? — осторожно спросил Генка.

— Рак у него был.

Дождь кончился, но в городе на неровном асфальте поблескивали лужи. Саша неожиданно поскользнулся и выронил ведро. Оно загремело и покатилось по мостовой. Генка посмотрел, как Саша бежит за ним.

Наверное, трудно им без отца, одна мать работает. Он вспомнил, что дома у него богатая коллекция марок, которая валяется в шкафу, никому не нужная.

— Саш, ведро-то зачем? То есть деньги... купить что-нибудь?

— На микроскоп я коплю.

— Что-о-о?

— Рот-то закрой, — засмеялся Саша. — Ну чего уставился? Микроскоп хочу купить.

— За-зачем?

— Так, — уклончиво ответил Саша, — проверить кое-что.

— Расскажи, а? Я никому, честное слово!

— Потом, может, расскажу.

На столе дымилась целая гора блинов. Мать уже ждала Генку. Она отругала его за то, что ушел без завтрака. Генка съел штук десять блинов с творогом и, подумав, взял еще. Он ждал, что мать похвалит его, потому что обычно она всегда жаловалась, что он мало ест. Но, к своему удивлению, он услышал другое:

— Вот что значит с утра голодный ходишь, никак наесться не можешь!

Скоро пришла Тоня. Она тащила целую сетку мидий.

— Сами убежали, а я вам носильщик, — несердито сказала она и набросилась на еду.

Под вечер, когда во дворе подсохло, стали варить мидий. Собрались все: Федя — брат Аллы, из ремесленного городского училища, Тоня, Алла, Генка и Саша.

Сначала поставили боком два кирпича и развели между ними огонь. На кирпичи поставили чугунок с водой, а когда она закипела, всыпали туда рис, вымытые мидии, прямо в скорлупе, и соль.

Когда чугунок сняли, Тоня и Федя, к удивлению Генки, от своей доли отказались, Саша положил себе на тарелку одного рису. Только Алла набрала себе мидий и стала их есть, причмокивая и пофыркивая.

— А ты чего не ешь? — спросила Тоня у Генки.

Генка осторожно взял одну ракушку. Створки ее были раскрыты, и внутрь забрался рис. Генка осторожно сглотнул рис — вкусно. Под рисом что-то желтело. Генка поборол в себе брезгливость и, выковырнув, надкусил. Что-то похожее на курицу, а в общем, кто его знает. Лягушка жареная, возможно, еще вкуснее. Он сплюнул.

— Не нравится? — разочарованно спросила Тоня. — Вкусно ведь.

— А сами чего не едите?

— Ну, мы... мы раньше ели. Знаем.

Дни катились за днями, как веселые Алкины камушки. Генка все думал о Сашиной тайне. Когда же он узнает ее?

И наконец узнал.

Бабушка послала Генку за хлебом. У булочной была вырыта канава, и через нее перекинут почти новенький кусок рельса. Люди поругивались и осторожно ступали на рельс. Впрочем, канаву можно было и так перешагнуть, стоило сделать шаг пошире, но почему-то никто этого не делал. Генка машинально стал в маленькую очередь, образовавшуюся у рельса, потом, спохватившись, перепрыгнул канаву. За ним стали прыгать и другие.

Когда он вышел из булочной, никто уже и не думал пользоваться неудобной переправой, и почти новехонький рельс сиротливо поблескивал на солнце.

Генка взглянул на рельс и понесся к Саше.

Мать Саши, тихая женщина с большими ласковыми глазами, сидела за столом, склеивала листы потрепанной книги. Она работала в детской библиотеке и часто приносила домой то одну, то несколько таких вот замурзанных книжек. Генка как-то раз сам помогал их обертывать.

— Нет уж, Сашок, давай на этот раз договоримся: тебе надо новую форму, — говорила женщина.

— А на кой она мне? — отвечал Саша. — Что я, по очереди то одну, то другую носить буду?

— Старая-то уже мала тебе.

— Скажешь, мала. Хоть еще десять лет носить, все впору будет. Купи вон себе кофту или туфли.

Женщина засмеялась. Смеялась она всегда так, что не поймешь, если не видеть ее, смеется она или плачет.

— Да что ж это такое, а, мать я тебе или дочь?

Саша тоже засмеялся.

— Внучка! Ну, я пойду, мам.

— Иди, иди.— Она ласково посмотрела на обоих.

Генка рассказал о своей находке. Саша так и загорелся.

— Большой? Килограмм двадцать будет?

— Может, и больше.

Саша живо притащил из сарая доску.

— Подойдет заменить?

— Подойдет, велика даже.

С трудом подняли рельс и поволокли его. В сарае у Саши, в углу, были свалены старые консервные банки, железный обод от тележного колеса, знакомое ведро.

Саша подошел к клетке с двумя кроликами, бросил им капустных листьев. Кролики, поглядывая преданными глазами, принялись с хрустом разгрызать их. Генка заметил, что один кролик странно острижен и один бок у него черный.

— Чего это он? — спросил Генка.

— Сажей я его.

— Покрасил, что ли?

Саша усмехнулся.

— Говорят, трубочисты часто болеют раком.

Опять этот рак! Генка начал догадываться, что именно где-то здесь скрывается Сашина тайна.

У малюсенького, чисто промытого окошка стоял стол, на нем — стопка брошюр. Генка взял одну, другую. «Ранняя диагностика рака», «Пособие для учебного микроскопа»...

— А сколько микроскоп стоит?

Саша помрачнел.

— Разные есть. Простой школьный... Тут надо электронный, да... Ну ничего, у меня глаза хорошие, я даже в темноте, как кошка, все вижу.

— Сашк,— несмело предложил Генка,— у меня марки есть... коллекция старая. Если продать...

— Ну?

Генка ободрился.

— Она никому не нужна. Если хочешь, я пришлю.

Саша помолчал.

— Нет,— сказал он наконец,— я сам.

— Да чего ты! Ведь она никому не нужна, все равно валяется. А там знаешь, какие марки!

— А мать что скажет?

— Вот еще! Она же моя, я собирал. А теперь валяется — ни себе, ни людям.

Саша пристально посмотрел на него.

— Ты только не думай... я ведь для дела.

— Ну, конечно! — Генка положил ему руку на плечо.— Врачом тебе надо стать.

— Сам, что ли, не знаю! Кончу седьмой — в училище пойду, в медицинское.

— Там же одни сестры выходят, засмеют.

— Ну и пусть. Я уж все обдумал. Кончу училище, пойду в больницу работать и в институт поступлю.

— Молодец ты, Саша, а я вот ничего про себя не могу придумать.

— Ну чего «молодец»,— застеснялся Саша. И побледнел.— А я своего все-таки добьюсь, поймаю этого проклятого рака. Как от гриппа лечить будут.

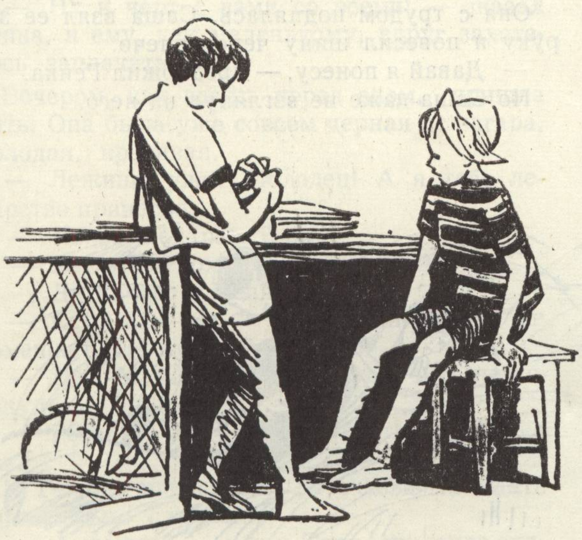
А на другой день случилась беда. Пришла мать и заметила, что у Генки насморк.

— Купаться сегодня не смей!

Генка попробовал было спорить, но мать пригрозила:

— Выкупаешься — неделю будешь дома сидеть.

Не слишком весело сидеть на берегу, когда палит рассвирепевшее от жары солнце. Тонька на пляж не пошла, видимо, опять задумала вертеться перед зеркалом, потому что слишком уж нетерпеливо выпроваживала она Генку, а на столе у нее лежали Шекспир и ночная рубашка.

Генка заметил, что один кролик странно острижен.

Алла взяла с собой автомобильную шину и заботливо опустила ее в воду, чтоб не потрескалась на солнце.

— Ген, а у вас море есть?

— Есть. Белое.

— Совсем белое?

— Да нет, называется Белое. У вас Черное, а у нас Белое.

— Лучше, чем у нас?

Генка вспомнил свое море. Оно, пожалуй, светлее этого и мельче у берегов. Долго идешь, чтоб до колен стало. И дно ребристое от плотного песка, смятого водой. Идешь и чувствуешь ногами песчаные ребрышки. Хорошо! И ничего, что вода холодная, много не накупаешься: там ведь жары такой нет.

— Летом у нас хорошо.

— А зимой?

— Зимой еще лучше. Снег сухой, морозный, так и хрустит, как стекло толченое. На лыжах с горы — вззз! — катишься, не остановиться.

— А у нас снегу нет, — вздохнула Алла.

— Совсем нет? — удивился Генка.

— Есть, — неохотно сказал Саша, — слякоть от него одна.

— Нет, у нас сугробы — во! — Генка поднял руки над головой. — Зима у нас что надо.

— Геночка, — уважительно сказала Алла. — Ты посиди тут, мы недолго покупаемся.

...Она бросилась в воду, и забрызгала, запенилась вода вокруг ее маленького, худенького тельца. Саша заходил в море иначе. Он подходил к воде, пригибался и с вытянутыми руками рывком кидался в нее.

Генка с завистью смотрел на них. Ну какой у него насморк! Разве это насморк? Один раз носом потянул — и готово: «Купаться не смей!»

Первым из воды вылез Саша. Он повалился на песок и долго лязгал зубами: никак не мог согреться. Генка накрыл его полотенцем.

— Грипп схватишь — узнаешь!

— И... и... ничего, п-ервый озноб не с-страшен, в кн-н-иге написано.

И тут с моря донесся истошный крик. Генка вскочил и увидел, что двое каких-то мальчишек тянут в глубь моря шину с накрепко вцепившейся в нее Аллой. Алла то высовывалась из воды, то совсем исчезала. Саша кинулся на помощь.

Он налетел на мальчишек и пытался отогнать их: то брызгал в глаза водой, то молотил по рукам, но мальчишки только гоготали и тащили, тащили шину с замолчавшей уже Алкой. И вдруг она странно взмахнула руками и... пропала.

— Сашка-а!! — не помня себя, заорал Генка. Он не замечал, что уж по колено стоит в воде. До рези в глазах вглядывался туда, где только что была Алка. «Ну же, ну, скорее!» — торопил он Сашу и облегченно вздохнул, когда Саша подхватил вынырнувшую Аллу и поплыл с ней к берегу.

Генка расстелил на песке полотенца и бросился, чтоб помочь выходившему из воды с Аллой Саше, но тот неожиданно сурово отстранил его.

— Не трожь!

Совсем зеленая Алка легла, и сразу ее начало тошнить. Саша поддерживал ее за голову. А Генка стоял над ним, переминаясь с ноги на ногу, и не знал, куда кинуться, чем помочь.

— Ну, как ты, Ал? — спросил он, когда девочка легла наконец на спину и утомленно закрыла глаза.

— Устала чего-то, должно, воды много наглоталась.

Мальчишки, те, что отнимали шину, тоже вылезли из воды и остановились поодаль.

— Шину отдавайте! — крикнул им Генка.

Один из мальчишек поспешно подтолкнул шину, и она покатилась прямо к Генке. Он погрозил им кулаком. Они никак не отозвались на это, все стояли и смотрели на Аллу.

— Саша, — слабо попросила Алла, — ты только маме ничего не говори.

Она с трудом поднялась. Саша взял ее за руку и повесил шину через плечо.

— Давай я понесу, — предложил Генка.

Но Саша даже не взглянул на него.

Двое мальчишек тянули шину в глубь моря.

«Ну чего он злится? Что я в воду не пошел? Так знает же, что мне нельзя. И Алка жива, и шину отдали...» Но хотя Генка не мог найти своей вины, чувствовал он себя все равно почему-то виноватым и несчастным.

У подъезда дома с голубой крышей Алка, как всегда, остановилась и покричала:

— А-а-а-уу!

Но голос подъезда сегодня был тихим.

На качелях в белом платье, с книгой в руках сидела Тоня. Она снисходительно проводила глазами Сашу с Аллой, посмотрела на Генку.

— Поссорились? Эх вы... дети!

— Сама ничего не знаешь, а говоришь!

— Ах, пустяки! — Она уткнулась в Тургенева.

Генке не терпелось рассказать все, услышать, что все правильно, что он иначе и не мог поступить.

— Пустяки?

И он стал рассказывать.

Тоня слушала с небрежной улыбкой, но постепенно улыбка сползла с ее лица.

— А ты что? — перебила она его.

— А я что... сама слышала — нельзя купаться.

— «Купаться»! Да я бы!.. Да ты знаешь... У нас тут женщина тонула, так один безрукий кинулся спасать! Без-ру-кий! Он и плавать не мог, а кинулся за ней.

— Так тонула же!

— А ты откуда знал, что она не потонет?

— Там ведь Сашка был.

— Эх ты!..

Тоня отвернулась, словно ей противно было смотреть на такого человека.

— Ну и черт с вами со всеми! — сказал Генка, и ему, как маленькому, вдруг захотелось заплакать.

Вечером, как всегда перед сном, пришла мать. Она была уже совсем черная от загара, молодая, красивая.

— Лежишь уже? Молодец! А я тебе лекарство принесла.

— Какое лекарство?

— Вот это. Нюхай — и все пройдет.

— Да ничего у меня и нет.

— Есть или нет, а на всякий случай не помешает. Не купался сегодня?

— Нет. Мам... а сегодня Алка чуть не потонула.

— Господи, этого еще не хватало! Как же так?

И Генка опять стал рассказывать. Мать внимательно слушала.

— А ты что? — как и Тоня, спросила она.

— Ты же не велела купаться.

— И правильно. Кроме того, я тебе раз навсегда запретила лезть в драку.

— Я не лез, — угрюмо сказал Генка. — А если б она потонула?

— Но ведь не потонула же! О чем говорить!

Мать встала, легко прошла по комнате, заглянула в зеркало.

— Ну спи, я пойду.

Ушла и оставила в комнате только едва слышный запах духов.

Первый раз, сколько помнил себя Генка, он не смог удержать слез. А почему ему плакалось — он и сам не знал.

Скучно стало во дворе. Алла шила в своем палисаднике платья куклам. Сашка где-то пропадал, наверное, собирал свой утиль. Генка ходил один купаться, пересматривал от скуки Тонины альбомы с фотографиями разных артистов.

Тоня разговаривала с ним скупо и неохотно. И вообще она эти дни была какая-то странная: все словно прислушивалась к чему-то слышному ей одной, а сама была бледная, с чужими глазами в синих полукружиях.

Только одна Алла сочувственно поглядывала на него, когда он проходил мимо. Один раз позвала:

— Гена!

Он подошел, стал разглядывать лоскутки.

— Вы с Сашей поскандалили, да? — спросила она.

— Нет. Просто он взъелся, что я спасать тебя не стал.

— Меня? — удивилась Алла. — Чего меня спасать? Вот какая ерунда!

— Ну да, а он считает... И Тонька тоже.

— Да чего меня спасать! — расстроилась Алка. — И все равно тебе нельзя было: у тебя насморк.

— Какой там насморк! — уныло сказал Генка. — Никакого насморка и нет!

— Так, значит, из-за меня и поссорились?

— Из-за тебя.

Алка вскочила.

— Где Сашка?

— Не знаю. Думаешь, он тебя послушает?

— Послушает, раз из-за меня. А не послушает, так я... так я... вот буду сидеть в своем палисаднике и никуда не пойду.

Голос у нее задрожал, и Генке захотелось сказать ей что-нибудь очень-очень хорошее, но что он мог сказать? Он только спросил:

— Красивое платьице пошила. Сама?

— Это шорты, брючки такие короткие, видал?

Все-таки она подстерегла Сашку. Генка видел, как они разговаривали. После этого

она, так и светясь вся, подбежала к Генкиному окошку.

— Пошли с нами цирк смотреть.

Какой цирк, Генка не спросил, он быстро выскочил из дому.

Оказывается, на пустыре строился цирк-шапито. Скоро должны были приехать артисты из Таллина.

Генка ахал, шумно восхищался, как ловко пятеро рабочих сооружают каркас, какие громадные рулоны брезента привезли для покрытия этого каркаса.

Алла тоже ахала, заглядывала Саше в лицо и дергала за руку, чтоб он повернулся туда, куда показывает Генка. Вернулись домой, и тут их ждала новость.

— Алк! За тобой приходили! — крикнула Тоня.

— Кто? От бабушки?

— Ага!

Все знали, что Алла должна уехать на зиму в Харьков: ее мать ждала ребенка, и дед с бабкой приглашали внучку к себе. Но весть свалилась неожиданно.

— Когда, Тонь, сегодня, да? — жалобно спросила Алла.

— По-моему, завтра едут.

И вдруг оказалось, что всем не хочется расставаться с этой маленькой, тихой девочкой.

— Я тебя провожу, — сказал Саша.

— И я,— откликнулся Генка.

— С ночным уезжают, — заметила Тоня, поглядывая на Генку.

— Ну и что ж, все равно пойду.

Саша еле заметно усмехнулся.

Провожали Аллу одни ребята. Полина Васильевна, мать Аллы, плохо себя чувствовала, и отец остался при ней.

Тусклые фонари неровно освещали платформу. Было многолюдно, и ребят все время толкали, задевали корзинами, чемоданами.

— Саш, Ген, пишите мне, — просила Алла.

Она крепко держала их за руки, пока Тоня устраивала в вагоне ее вещички.

— Напишем. Ты тоже пиши, а мы напишем, — утешал ее Саша.

И Генка с благодарностью отметил это «напишем», объединяющее их.

— Ну иди! — скомандовала Тоня. — Сразу же ложись спать. Приедете рано, а там тебя встретят.

Алка пожала всем руки и влезла в вагон. Она тут же высунулась из окна. Ребята снизу смотрели на нее. Им видно было, как она изо всех сил держится, чтобы не заплакать.

— Скоро приедешь. Зима быстро пролетит, а там и приедешь...

— Саш, — всхлипывая, спросила Алка, — а вы помирились с Генкой?

— Конечно, помирились. Завтра опять за мидиями пойдем. Пойдем ведь? — спросил Саша Генку.

— Пойдем, конечно, — заторопился Генка. — Знаешь, сколько наберем! А я камушки тебе буду собирать. Как попадется красивый, так и возьму. Матери твоей отдам.

— Камушки я с собой взяла, — печально отозвалась Алка. — Ты скажи маме, чтоб в синенькую коробочку спрятала, а то потеряются.

Без сигналов поезд медленно пошел вдоль платформы. Алла наполовину высунулась из окна и двумя руками махала бегущим за поездом ребятам. Видно, ее кто-то тащил от окна, потому что она странно дергалась и все махала, махала...

Вот уже замелькал красный огонек последнего вагона.

— Пошли.

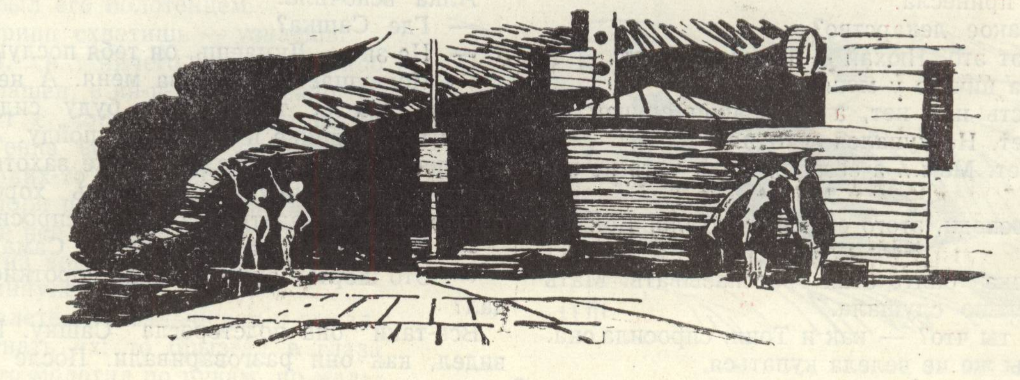
Они вышли из вокзала и по темным улицам молча зашагали домой. Когда поравнялись со знакомым подъездом, Генка отворил дверь и позвал:

— А-уу!

И подъезд невесело откликнулся:

— У-у-у!

— Ты вот что, — сказал Саша, — марки-то, если хочешь, присылай.

Турбьерн ЭГНЕР

Рисунки Ф. Лемкуля.

Ловля трески у Лофотенских островов

Хожу я с давних пор
На шхуне «Элинор».
Всего матросов пятеро,
И все как на подбор.
Далеко дом и Снурпефьорд,
Эхей охо!
Как дует норд!
Но сеть давно готова,
Она пойдет за борт,
Едва услышим слово
От старшего по лову.
Пускай резвится норд!
Нам надоело вдаль смотреть,
И вдруг:
«Охо эхей!
Здесь рыба есть!
Берите сеть
И за борт поживей!»
Гудит протяжно шхуна,
Идет на разворот,
Мы все летим, как пули,
К своим местам.
И вот
Огромным полукругом
За судном сеть плывет.
Мы по своим
Местам стоим,
Стоим
И на воду глядим,
Тревожимся слегка:
«А есть ли там треска?»
И волны поминутно
Кидаются на судно.
Но старший в лодочке своей
Гребет спокойно
Вдоль сетей:
«Эхей охо!
Местечко — клад!
Здесь настоящий
Рыбный склад!
Охо эхей!
Тяни живей!»

Мы тянем,
Ветер
Хлещет,
В сетях
Треска трепещет.
«Тут сколько ж будет
килограмм!»
«Да тысяч десять с лишком!
Эхей охо!
Тут хватит нам,
И хватит им,
Девчонкам и мальчишкам».

Солнечный день

Мария ГАМСУН

Жара сильней,
И даль синей...
Танцуют два мальчишки
На берегу
Среди камней,
Как дикари из книжки.
Улитки на камнях сидят,
Как будто бородавки,
Расположились чайки в ряд,
Что кумушки на лавке.
А вот медлительна,
Важна,
С трудом плывет медуза.
Невольно думаешь:
«Она
Сама себе обуза».
Мальчишки ящик принесли,
Застрявший меж камнями,
И в порт неведомой земли
Пошли под парусами.
Туда не ходят никогда
На шхунах настоящих.
Плыви,
Плыви,
И не беда,
Что это просто ящик.

Четыре времени года

Херман ВИЛЬДНЕВЕЙ

Как на огромном корабле,
По кругу во Вселенной
Плывем, плывем мы на Земле
Дорогой неизменной.
Нам надо Солнце обогнуть
И совершить обычный путь —
Зайти в четыре порта.

Сперва плывем в страну Зимы,
В серебряную сказку,
Там синий снег увидим мы,
Снежинок белых пляску...
Цветы под снегом крепко спят,
Пока Земля несет ребят
Все дальше, в край весенний,
Безостановочно вперед,
Сквозь вьюги и метели,
Земля
Плывет,
Плывет,
Но вот
Мы слышим звон капели.
Все пробуждается от сна,
И в порт с названием Весна
Заходит наше судно.
Смотри, как вспыхнула листва,
Цветы глаза раскрыли,
И засияла синева,
И замелькали крылья!

И все, что на Земле живет,
Летит, бежит, идет, ползет,
Весну встречает песней.

В зеленый бархат мир одет,
Весна пропала где-то,
И вот меняется напев,
И наступает Лето.
Листом становится листок,
Зеленой завязью — цветок.
И радуются дети.

Ты царства летнего простор
Полюбишь непременно.
Запомни ягодный ковер!
Запомни запах сена!
Купанье, солнце, дым костров!
Ты будешь весел и здоров,
Когда вернешься в школу.

Но вот и Осень — край плодов
И убранного хлеба,
Край облетающих садов
И пасмурного неба.
Как заведенный, шторм гудит.
Кто знает: может, он сердит,
Что улетают птицы!
Даров осенних взяв на борт,
Мы вновь без опозданья
Находим тот же зимний порт
В небесном океане.

Нам надо Солнце обогнуть
И снова совершить свой путь —
Зайти в четыре порта.

Ингер ХАГЕРУП

На дне морском

Буря шхуну исковеркала,
Шхуна спит на дне морском.
В стекла круглые, как в зеркало,
Спруты смотрятся тайком,
И тогда рыбешка дерзкая
В них кидается песком.
Крабы старые и малые
Носят панцири, клешни,
Бродят потные, усталые,
Но не выйдут без брони.
До чего же толстопалые
И несчастные они!

Там всегда погода мокрая,
Можно грипп схватить вполне,
Да и качка там жестокая...
Только в самой глубине
Раковина одинокая
Мирно дремлет в тишине.

И, никем не обнаружена,
Триста лет и триста дней
В ней живет одна жемчужина.
В мире нет ее крупней.
В воскресенье после ужина
Расскажу тебе о ней.

Перевел с норвежского Ю. Вронский.

Рождение металла.

Фото В. Минкевича.

Г. ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧЕРСКИЙ

Песня солнцу

ИЗ РАССКАЗОВ ОХОТНИКА

Рисунки И. Кузнецова.

Митрич

В кармане старенькой фуфайки — три патрона, за плечами мальчишки — день ходьбы по болотинам. Заморозки еще не ударили. Выводки прячутся по рассохам, в густой и высокой траве. Никакими силами не заставишь их подняться на крыло. Если и взлетит, то неожиданно, из-под самых ног, только «фр-фр-фр!..» разнесется вокруг.

А стрельнуть хочется.

Выйдя на поля, мальчишка увидел на жнивье пичугу. Серенькая, с желтой грудкой, она, попискивая, искала что-то. Не утерпел, сдвинув на затылок старую заячью шапчонку, чтобы не мешала целиться, выстрелил.

Приклад ударил в плечо. Ружье чуть не выскочило из рук. С кончика языка капала кровь — прикусил.

«Так и надо — не высовывайся!»

Не заметил мальчишка, что старик, ремонтирующий прясла для сушки ячменя, грозит ему кулаком. Когда увидел Митрича, уже гремело:

— Брысь домой! Мешала тебе птаха?

— А что? Пользы-то нет от нее. Гляди — попал. А далеко была.

— Я тебе покажу далеко! Стервец! — взбеленился старик. Мальчишка видел, что добра не жди.— Чему вас в школе учат? Садись. Куришь, жених?

— Нет!

— Удивительно: охотник и не курит! Да и я только для сердца: затянешься — и легче вроде. От отца давно писем не было?

— С полгода уже...

— М-да! И нам от сына нет. Зарыть надо птаху-то. Дурень. Разума еще нету, а уже ружье в руки. Она все лето трудилась на тебя. Сколько хлеба спасла, а ты...

Вокруг их, на поле, стояли золотистые суслоны ячменя, который в ту осень дал богатый урожай. Радости было!.. Скупая на отдачу северная земля словно поняла, что туго приходится людям в войну, и поддержала их.

Маленький, сухонький старичок с клочковатой бородой сидел на куче сосновых жердей, положив топор на колени, и тянул самосад, от запаха которого можно было потерять сознание. Сквозь клубы дыма видны его чистые-чистые и строгие глаза под сдвинутыми к переносью бровями.

— Чем стреляешь-то?

— Свинец с Тришкой рубим. Когда нет,— проволоку или гвозди.

— Ружье испортишь. Отец вернется — даст жару. Крутое! — И он, закрыв ладонью дуло, показал круглый бурый рубец — верный признак хорошего боя.— Заходи, мужик, вечером. Дроболейку смастерим. И в амбаре поищем, может, найдем что, промышляли раньше с сыном. А на охоту рано еще ходить — не взматерела дичь, переводить только. Худо тебя учат, не тому, чему надо бы... Кормилица наша, земля, обидеться может. Не любит она таких. Это фашисты все живое изводят. А мы не сегодняшним только живем... Раскинь умишком, не маленький, чай... Ружье-то большевато для тебя. Почисти и на гвоздь повесь. Я тебе другое дам. В самый раз будет. И на охоту свожу. Собак и то натаскивают!.. Ну, чего сидишь? Боишься, матери скажу? Это не бабье дело. Брысь!

Когда ударили заморозки, старик повел мальчишку в свои угодья.

Силки на птицу поставили. С лайкой побродили. Дичи домой привезли. В тот голодный год понял мальчик, как щедра родная природа, если чувствует в тебе хозяина.

Много лет прошло. Все такими же широко раскрытыми глазами смотрю я на родную землю, дивясь ее богатствам, и все чаще думаю: не обидел ли ее чем-нибудь?

Азбука

Как ни хороша весна, а осень я люблю больше. В наших местах она начинается с морошки. «Поспела!» — слышишь, бывало, от соседей и наутро бежишь через поля, хвойник, борки к излюбленным болотцам. Сапоги большие, ноги в них болтаются; присядешь где-нибудь, нарвешь травы, стельки подложишь да в голенища набьешь, чтоб не так терло,— и мягче и легче вроде.

Мы в войну росли, плохо было с обувкой, отцовскую донашивали.

Придешь к болотцу, а там ало. Крупная! Так и просится в туес или ведро. Вкусной тогда морошка казалась, хотя на самом деле кислая ягода, сахару для нее много нужно.

По совести сказать, я хотя и собирал ее, как все, но проку от меня в семье не было. Засматривался в лесу.

Спустя годы я понял, что уже тогда рвался к охоте, что ягодничать не мой удел. И сейчас с удовольствием покажу такие места, что ахнешь от удивления, но собирать — как-нибудь без меня обойдитесь, не до ягод.

Вокруг мелких разрозненных болот, неподалеку от деревни, тянулись борки. Это сухие возвышенные места, где растет не темный, покрытый ползучим мхом ельник, а ровный, с тонкими прямыми стволами сосняк. И по соседству с ними лес был как-то светлей, приветливей, чем у болотин. Ель в нем перемежалась березой, ольшаником, осиной. Он-то и кружил меня.

Черничники там богатые, любит птица кормиться на них по утрам. Смотришь, бы-

вало,— кочка. Ягода вся исклевана. Аккуратненько. Лишь кожура на стебельках осталась. Поедь! Так это охотники называют.

«Ага,— думаешь,— вот где вы!» И начинаешь посматривать по сторонам. Иной раз на росе следы заметишь — дорожки от кочки до кочки; переплетаются друг с другом.

«Выводок!» Ходишь-походишь — пусто. На борок поднимешься. «Может, на солнышко перебрались?» Так и есть. Метка около упавшей сосны в корнях оставлена, или, как у нас называют, порхалище — круглая ямка с оброненными птицей перышками. Она для птиц, как ванна для малышей.

Перо большое, голубоватое — пеструшка прилетала. Чуть подальше, на сопочке, марьюшки себе место облюбовали. А вот еще перья, на пух похожи. Здесь рябчики «купались». Вот бы «сторожок» наладить, когда заморозки ударят, рябинку подвесить, силок поставить. Попали бы. И видишь перед собой, как приходишь домой из леса с вязанкой рябчиков. Нос кверху задран. Лицо горит. Все смотрят на тебя.

Замечтаешься, а мать уж охрипла, тебя окликаючи, аукает, ищет по лесу, не потерялся бы, думает. Для матерей мы всегда остаемся неразумными, даже когда за тридцать, как мне сейчас, перевалит.

Тогда всего десять было. Увлекусь и не слышу ничего.

Косач муравейник разрыл, капли серы искал, которую муравьи с деревьев к себе таскают. Это поделкой зовут. Зачем ему сера, я и сейчас не знаю, но старик Митрич, что обучал меня охотничьей науке, говаривал: «К ранней зиме». В конце осени вся птица на галечники вылетает — к реке, на дороги, на опушку леса. Без камушков (я это рано узнал!) ни рябчик, ни глухарь жить не могут. Они им зимой за жернова служат, грубую пищу перемалывают.

— Ау! Куда ты запропастился?!

— Иду!..— А сам, потирая лоб, пытаешься вспомнить, где оставил ведерко. Попробуй найди его в лесу! Хорош помощничек! Когда морошку берем, птицы еще не видно. Старая перо меняет, молодь еще на крыло не поднялась, не взматерела, в траве прячется до времени. Но тому, кто любит и знает лес, еще задолго до заморозков, когда начинается охота, уже ясно, есть ли птица в угодьях, где и сколько. Настоящий охотник не станет зря время и ноги убивать. Он иной раз и дальше, напрямик идет, наверняка: весь лес, он у нас без конца и края тянется, не облазишь.

Заморозки ударят — рябчики из рассох, травянистых лесных ручьев, в ельники перелетят, к сухим болотам, где к тому времени брусника поспевает, крупная, как черная смородина. Тетерева, те больше на борках держатся, на край — к реке начинают вылетать табунами. Глухаря, его у нас чухарем зовут, на лиственницах ищи. Он любит ее мягкую, прихваченную первыми заморозками хвою клевать, слаще сахара для него это лакомство.

Тоже метка остается — общипанные ветки деревьев, желтые иголочки на земле.

Так по мелочам и узнаешь все, что другим неизвестно. Приметы для настоящего охотника словно стрелки приборов, по которым с самолета месторождения руд отыскивают. Их за один раз не перескажешь. По приметам и время можно узнать и дорогу найти. Никуда в лесу без примет. Их, как азбуку, с детства заучивают, а потом и сами находят.

ПОБЕДИТЕЛЯМ—ВЫМПЕЛ!

В начале этого номера журнала нарисованы вымпелы пионерских дружин. Здесь мы рассказываем, за что можно вручить каждый вымпел.

1. Этот вымпел — самый почетный. Он вручается тем, кто победил в общем соревновании отрядов.

2. Вымпел «Трактор» вручают отряду, собравшему больше всех металлолома. Если вы собираете лом не на трактор а, например, на тепловоз, то и вымпел этот будет называться по-другому.

3. Вымпел «Ловкие руки» вручите ребятам, которые дружат с рабочими инструментами.

4. Вымпел «Цветок» — тем, кто выращивает цветы и деревья.

5. Этот вымпел вручается за хорошую интернациональную работу.

6. Вымпел «Дружные ребята» — самому сплоченному звену или отряду.

7. Вымпел «За знания» — отряду, где все учатся на совесть.

8. Вымпел «За дружбу с малышами» получит отряд, где много хороших вожатых октябрятских звездочек.

9. Вымпел «Чемпион» — самому спортивному отряду.

10. Вымпел «Лучшим в зоне». Его вручают тем, кто отличился в зоне пионерского действия дружины.

11. Вымпел «Сокол» — зорким разведчикам пионерских дел.

12. «За чистоту и уют» — такой вымпел должен висеть в классе, где действительно чисто и уютно и этого добились пионеры, а не нянечка.

13. Вымпел «Марш» присуждается победителям дружинного смотра строя.

14. «За хорошее настроение» — этот вымпел вручите бодрым и веселым ребятам. Такие ребята в трудную минуту первые запевают хорошие песни.

15. Есть у вас в дружине отличные тимуровцы? Вручите им такой вымпел.

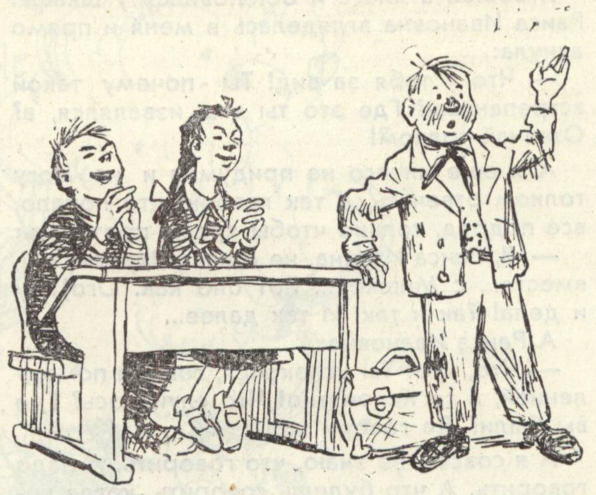
16. Этот вымпел чаще других будет переходить из рук в руки. Он называется «За лучшее дежурство».

17. Если отряд отличился в туристских делах, наградите его вымпелом «Большая Медведица».

18. Такой вымпел можно вручить победителям конкурса песен.

Пожар во флигеле, или подвиг во льдах...

Виктор ДРАГУНСКИЙ
Рисунки Е. Ведерникова.

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего дяденьку, который час, он нам сказал:

— Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

— Бегом давай, Мишка!

И мы полетели, как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом. Мишка сказал:

— Не торопись, теперь уже все равно опоздали!

Я говорю:

— Ох, влетит!.. Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины!

Мишка говорит:

— Надо ее придумать, уважительную эту причину. А то на совет отряда пригласят! Давай выдумывай поскорее!

Я говорю:

— Давай скажем, что у нас зубы заболели и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

— У обоих сразу заболели, да? Хором заболели? Нет, так не бывает. И потом, если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

— Что же делать? Прямо не знаю!.. Ой, вызовут на совет и родителей пригласят! Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас еще и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

— Это как?

А я:

— Ну, например, выдумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребенка из этого пожара вытащили. Понял?

Мишка обрадовался.

— Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то еще лучше сказать, как будто лед на пруду проломился, и ребенок этот — бух! — в воду упал. А мы его вытащили... Тоже красиво!

— Ну да,— говорю я,— правильно! Но пожар все-таки лучше!

— Ну, нет,— говорит Мишка,— именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним еще немножко поспорили, что интересней и храбрей, и недоспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тетя Паша вдруг говорит:

— Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Все равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

— Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тетя Паша шуганула меня:

— Иди, иди! А он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

— Птенцы пищат!

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами: «Пценцы песчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

— Можно войти, Раиса Иванна?

— Ах, это ты, Дениска! — сказала Раиса Ивановна.— Что ж, входи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошел в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна вгляделась в меня и прямо ахнула:

— Что у тебя за вид! Ты почему такой встрепанный? Где это ты так извалялся, а? Отвечай толком!

А я еще ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так говорю что попало, все подряд, только чтобы время протянуть:

— Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоем мы, вместе... с Мишкой... Вот оно как. Ого! Ну и дела! Так и так! И так далее...

А Раиса Ивановна:

— Что, что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

— Мы шли с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Ивановна, прямо ох-ох-ох! Ух ты! Ай-яй-яй!

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко возликовал Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «пценцов».

А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать! Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

— Тише,—сказала она,—дайте разобраться! Кораблев! Отвечай: где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего заявил:

— Мишка сейчас тетю Пашу к пуговице пришивает! То есть воротник пришивает к тете Паше!

Опять шум и смех, а Раиса Ивановна ужасно покраснела, и тут я понял, что хочешь не хочешь, а теперь уж надо что-нибудь сказать.

Я взял и брякнул:

— Там пожар был!

И сразу все утихли. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

— Где пожар?

А я:

— Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит прямо клубами. А мы идем с Мишкой. Мимо этого... как его... мимо черного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припер. Вот. А мы идем! А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы ее за руки, за ноги и спасли. А тут ее мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу!» А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности. Мы скромные советские ребята!» Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у нее были серьезные и счастливые. Она сказала:

— Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись.

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошел потихоньку на свое место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

— Входи,— сказала она,— входи, Мишук, садись. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался!

— Еще как! — говорит Мишка.— Я боялся, что вы заругаетесь.

— Ну, раз у тебя уважительная причина,— говорит Раиса Ивановна,— ты мог не волноваться. Все-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видимо, совершенно забыл, о чем мы с ним говорили.

— Ч-ч-человека? — говорит Мишка и даже заикается.— С... с... спасли? А кк-кк-то спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас все испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил. Я так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

— Ничего не поделаешь, Мишка, брось притворяться! Я уже все рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением, что я уже все наврал и чтобы он не подвел! А этот дурачок смотрит на меня, как баран на новые ворота. А я ему подмигиваю уже прямо двумя глазами и вдруг вижу: он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше!

Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным приличным голоском говорит:

— Ну, зачем ты это! Ерунда какая!..

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти, а он сел за парту как ни в чем не бывало и давай тетрадки раскладывать. И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И, наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут черт все-таки дернул Мишку за язык. Мишка огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

— А он вовсе и не тяжелый был. Кило десять—пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

— Кто? Кто нетяжелый, кило десять — пятнадцать?

А Мишка:

— Да мальчишка этот.

— Какой мальчишка?

— Да которого мы с Дениской из-подо льда вытащили...

— Ты что-то путаешь,— говорит Раиса Ивановна,— ведь это была девочка! И потом, откуда же там лед?

А Мишка гнет свое:

— Как откуда лед? Зима, вот и лед! Все Чистые пруды замерзли. А мы с Дениской идем, слышим, кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну, а лед что? Лед, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, сейчас этого мальчишку за руки, за ноги и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слезы лить...

Я уже ничего не мог поделать. Мишка врал, как по писаному, еще лучше меня, а в классе уже все догадались, что он врет и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все прямо покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал. Но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьем:

— Ну, тут дедушка его говорит: сейчас я вам именные часы подарю. А мы говорим: не надо, мы скромные!

Я не выдержал и крикнул:

— Только это был пожар! Мишка перепутал!

А он мне:

— Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты все позабыл!

А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают. А Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу!

— Как стыдно врать! Какой позор! Продолжаем урок!

И все ребята сразу перестали на нас смотреть. Я написал Мишке записку: «Вот видишь, надо было получше сговариваться!» А он в ответ: «Ну, конечно! Или получше сговариваться, или говорить правду».

Наша Зима

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ

«Пур-р-га! Пур-р-га!» — кричат
вороны,
Но льют зимой у нас дожди,
И лютых вьюг у нас не жди,
И снег не часто землю тронет,

Снежок посыплет не спеша,
Поля погладит белой лапкой,
Но под кустами камыша
Все так же зеленеет травка.

Морозов нет во всей красе,
Снеговика не слепишь — тает.
И даже птицы-то не все
От нас на зиму улетают.

Не надеваем теплых шуб,
На лыжах не бежим по следу.
...Валит густой дымок из труб,
И долго не остыть обеду.

Проглянет солнце в вышине,
Пичуги звонко защебечут...
Тюльпанам, травам и весне
Зима торопится навстречу.

Перевел с туркменского
Я. Аким.

Рисунки О. Зотова.

Сорок первая небылица

Рассказал **САДЫК ДАУТОВ.** Рисунки **Ю. Кискачи.**

Была у хана дочь. Вот какая красавица!

— Кто сорок раз соврет, кто сорок небылиц расскажет, тому ее отдам,— сказал хан.

Выходит первый жених. «Я,— говорит,— по небу летаю...»

— Ой, замолчи,— перебил хан,— я сам тоже летаю! Самолетом мой конь называется.

Выходит второй жених. «Мой дом,— говорит,— под водой плавает».

— Ой, довольно,— вздохнул хан,— это подводная лодка!

Плачет дочь хана:

— Э-э, видно, не быть мне замужем. Не умеют люди врать. Ой, несчастная я, ой!

Услыхал эти слова бедный Ийлкыши. Вышел он на середину двора. «Я,— говорит,— один пасу тысячу табунов, а в каждом по четыре тысячи голов. Днем я лошадей считаю по ушам, ночью считаю по ногам. Один раз проснулся, вижу: заяц по небу плывет. Я кнутом прицелился. Из кнута выстрелил. Зайца убил, принес в свой шалаш, содрал шкуру, стал жир топить. Четыре пуда сала в чугун натекло, восемнадцать пудов вылилось на пол. Жареной зайчатиной я лошадей накормил, топленым салом сапоги надумал чистить. Чищу-чищу, чищу-чищу — правый сапог начистил, а на левый сала не хватило. «Не обижайся,— говорю,— милый, пожалуйста, не обижайся, будь другом, не обижайся». Как человека прошу его, а он уперся в стену подошвой и молчит, как бык. Ладно, думаю, молчи, собака, молчи! Я тоже молчать буду, посмотрим, кто первый заговорит. Ждал я, ждал и уснул. Вдруг слышу:

— Ты, начищенный болван, уходи!

— Ты, нечищеный дурак, убирайся!

Просыпаюсь, смотрю: мои сапоги дерутся!

Ах ты, сальная кожа! — кричит пыльный сапог и трах по начищенной подметке!

— Я тебе покажу, грязный чурбан! — отвечает начищенный сапог и трах по пыльному носку!

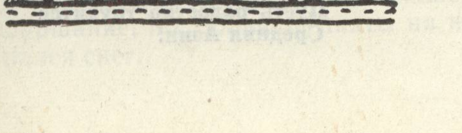
— Тише,— кричу им,— тише, спать пора!

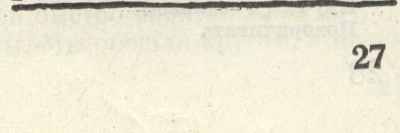
Не слышат, каблуками топают, голенищами хлопают. Ну, подумал я, пропали подметки. Встал, взял начищенный сапог, под подушку положил, нечищеный в угол бросил.

— Молчать! — говорю.— Завтра днем разберетесь, сейчас ночь, спать надо.

Утром встаю, из-под подушки сапог вынимаю, на правую ногу обуваю. А левого сапога нигде нет. Я его не почистил. Я его спать с собой не положил. Обиделся он. Ушел. Если теперь одну ногу обуть, а другую нет,— тоже обида выйти может. Ладно. Сунул обе ноги в правый сапог и прыг-прыг

по дороге — левый сапог догонять. Вижу, в одном доме свадьбу играют. Смотрю, мой нечищеный сапог там мясо делит, гостям раздает. Я ему моргнул, он в ответ мигнул. Вхожу, сажусь. Сапог мне чашек пятнадцать мяса сразу подал.

— Кушай,— говорит,— пожалуйста, кушай! Будь гостем, кушай!

Я, конечно, ем. А время жаркое. А мясо очень соленое было. Ну, думаю, надо к озеру за водой идти. Подошел я к своему пыльному сапогу.

— Пора тебе, брат, на ногу лезть. Довольно, погулял — и будет. Пора,— говорю,— свое место знать.

А он носок отвернул, подошву выставил, прикидывается, будто ничего не слышит. Все только повторяет:

— Кушай, пожалуйста, кушай! Будь гостем, кушай!

Смеется он надо мной, бессовестный!

Что делать? Ушел я в одном сапоге. Иду степью. Жара нестерпимая. Ручьи моего пота в камнях журчат. Бабочки ко мне на лоб садятся. Хоботки вытягивают, пьют. Подхожу к озеру. Оно замерзло.

Вижу, ломы железные на берегу в снегу лежат. Взял я самый тяжелый.

Кхак-кхок! — стучу об лед. Кхрак! — согнулся лом. Кхрок! — сломался. Такой крепкий лед.

Э-эх, снял я шапку да головой — кок! Сразу прорубь прошиб. Выпил воды, обратно на свадьбу иду шербет [1] пить.

Навстречу кара-ногайцы [2] едут.

— Здорово,— говорят,— что нового?

— Все по-старому,— отвечаю.— Кара-ногайцы в бесколесных арбах и без мешков просо в Астрахань везут. Своему хану дань платят. А вы что видали?

— О-о, большую новость видим! Идет молодец в одном сапоге с одной половинкой головы.

Я — за голову. Половины головы нет. Это я об лед ее разбил. Скорей, скорей, прыг-прыг обратно — на льду полголовы, как пол-арбуза, валяется. Поднял, поставил на место. Вот!

Обрадовалась красавица. Засмеялся хан.

— Бери,— говорит,— пастух, мою дочь!

— Спасибо,— отвечает Иилкыши,— у меня у самого семь дочерей: одна — в Нахичевани, другая—в Тамани, третья—в Эривани, четвертая — в Дербенте, пятая — в Гудермессе, шестая — в Чир-Юрте, седьмая — в Кар-Джурте, восьмая еще не родилась. Ну вот, пересчитал тебе дочерей, пойду лошадей считать. Я один пасу тысячу табунов, а в каждом по четыре тысячи голов. Счастливо оставаться!

— Постой, постой! — кричит красавица.— Ты про дочерей неправду сказал.

— Ладно,— вздохнул Иилкыши,— я согласен на тебе жениться, и это будет в моей сказке сорок первая небылица.

Тут же и свадьбу сыграли. Меня позвали. Веселая была свадьба! Жених сказки сказывал, а мы песни пели.

Желаю и вам так же веселиться. От смеха люди молодеют, от злости — сами себя съедают до кости.

На этом сказке конец.

Записала и обработала Анна ГАРФ.

[1] Шербет — сладкое прохладительное питье.
[2] Кара-ногайцы — дагестанская народность.

Владимир ЛИФШИЦ

ВОДА

1

Не привыкли мы
Воду беречь —
Позволяем ей
Бёз толку течь...
А в степи
Над водою дрожат,
Каждой каплей воды
Дорожат!

Не будет воды —
Напрасны труды:
Погибнут
Поля и сады.

2

Научился человек
Поворачивать
Из рек
Воду
По каналам —
По большим и малым.
Много нужно
Затратить труда,
Чтобы в степь
Прибежала вода!

3

Вода бежит арыками,
Вода бежит лотками,
Ее встречают криками,
Пьют жадными глотками!
Эту степь
Называют Голодной,
А будет она
Плодородной!

4

Теперь начинается
Наша фантазия:
В воде не нуждается
Средняя Азия!
Туда, где особенно
Знойно и душно,
Бегут
Облака дождевые
Послушно.
Простая на вид
Нажимается кнопка —
И ливень шумит
Над посевами хлопка!..
Я верю, что сбудется
Эта фантазия.
Пусть радостно трудится
Средняя Азия!

Наша почта

Как мы летели на «ТУ-104»

Самолет был большой. Мы с мамой и Наташей залезли в него по длинной лестнице, которая подъехала сама, как грузовик. Самолет заревел и побежал по земле, и все быстро замелькало. Потом он стал подниматься выше и выше. Внизу было все хорошо видно: лес, поле, дорога, на дороге автомобили, а вдоль дороги домики. Все это было совсем маленьким.

Потом мы летели выше облаков. Там светило солнышко, а облака были, как снег. На облаках под нами бежала тень от нашего самолета, а вокруг нее была круглая радуга.

До Москвы мы летели всего 55 минут.

Маша Кондратенко,
ученица 3-го класса.
г. Петродворец.

Нечаянное знакомство

Однажды вечером у себя во дворе я увидела небольшого ежика. Он резво бежал куда-то, смешно семеня ножками.

Вдруг, увидев кота, еж в нерешительности остановился. Попыхтел и подошел к Мурику. Тот нюхнул пришельца и, уколов нос о ежиные иголки, отскочил, сердито фыркнул.

А через минуту нечаянные знакомые мирно лакомились хлебом с молоком — скромным кошачьим ужином. За этим занятием я их сфотографировала.

Галя Филиппова,
ученица 5-го класса.
ст. Слащевская, Волгоградская область.

В лесу

Один раз во время зимних каникул папа взял меня и брата на прогулку в лес. В лесу было тихо-тихо, только издали доносился какой-то стук. Папа сказал, что это дятел долбит кору, вытаскивает из-под нее личинки короеда. И дерево лечит и себе корм добывает.

Мы стояли и слушали, как стучит дятел, в какой стороне. Мы хотели пойти туда и увидеть дятла. Вдруг послышалось легкое шуршание, и с большой пихты на нас посыпался снег.

— Там кто-то есть,— сказал папа.

Мы стали смотреть, потом брат как закричит:

— Вон, глядите, кто это?

Маленькая зверюшка смотрела на нас с ветки. Спинка у нее была полосатая, щеки светлые, глаза — как бусинки.

— Это бурундучок,— сказал папа.— Тихо стойте. Он очень любопытный, обязательно спустится посмотреть.

Бурундучок и правда спустился. Мы его хорошо рассмотрели. Потом нам захотелось его сфотографировать. Но стоило пошевелиться, как он быстро спрятался на другую сторону пихты. Мы обошли кругом, а он то-

же кругом и опять очутился на другой стороне ствола.

Долго он так играл с нами в прятки, пока удалось щелкнуть затвором. Но снимок все равно получился плохой. Вместо бурундучка вышла какая-то мутная клякса, и все-таки нам было очень весело в лесу и очень там понравилось.

Витя Холодков.
г. Красноярск.

ПИОНЕР ДРУЖИТ С ДЕТЬМИ ВСЕХ СТРАН

ФЕСТИВАЛЬ РАЗНОЦВЕТНЫХ ГАЛСТУКОВ НА СТРАНИЦАХ «ПИОНЕРА»

Ребята! В майском номере «Пионера» состоится ФЕСТИВАЛЬ РАЗНОЦВЕТНЫХ ГАЛСТУКОВ.

Мы приглашаем все клубы интернациональной дружбы нашей страны и других стран принять участие в фестивале.

Срочно присылайте самые интересные письма ваших зарубежных друзей, рассказы о работе вашего клуба, песни и стихи, игры детей разных стран.

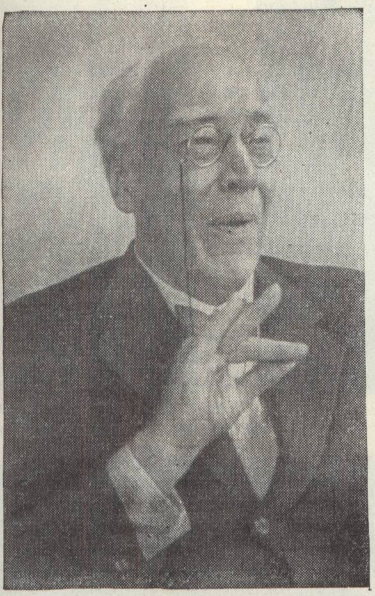
НА ФЕСТИВАЛЕ БУДЕТ ВЫСТАВКА.

Что вы можете на нее прислать? Коллекцию пионерских значков? Открыток? Марок? Этикеток?

Письма и посылки с пометкой «ФЕСТИВАЛЬ» шлите в редакцию до 1 марта 1963 года.

После выставки экспонаты вернутся к своим владельцам, а лучшие будут премированы.

К. С. Станиславский на репетиции.

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

Алмаз доброй феи Бирилюны поворачивается. Брызнули, зароились цветные зайчики — синие, зеленые, красные, как будто заиграл огромный драгоценный камень или же елочные огни отразились на морозном стекле... Тише, тише!.. В бедном домике дровосека, где живут дети Тильтиль и Митиль, начинаются чудеса! Все ожило. Вздыхая, поднялся из квашни толстый Хлеб. Красный Огонь, заметавшись, выскочил из печки. Вода обернулась плаксивой женщиной.

И вот уже, смотря на детей обожающими глазами, заговорил верный Пес. Коварный Кот начинает строить свои козни. Дети дровосека, мечтающие о счастье, вместе с феей идут на поиски Синей птицы. Много волшебных стран повидают они на своем пути, а птица счастья все будет ускользать из их рук...

Сколько раз совершалось это таинственное путешествие!.. Сколько сотен раз, на радость больших и маленьких, разыгрывалась на сцене Московского Художественного театра поэтическая сказка!

Менялись артисты. Вслед первым исполнителям пришли мы, артисты второго поколения МХАТа. Теперь в роли вступают молодые. Менялись зрители. Каких только ребят не перебывало на представлениях «Синей птицы»! Приезжали в театр чинные дети с гувернантками и гувернерами. Вскрикивая от восторга, смотрели спектакль ребятишки окраин, дети первых лет революции, наконец-то попавшие в театр.

И вы, ребята, хоть раз побывавшие в Москве — я не говорю уж о москвичах! — наверно, видели «Синюю птицу». А не видели, так слышали о ней от мамы или от бабушки... Более пятидесяти лет живет у нас на сцене сказка бельгийского поэта-драматурга Мориса Метерлинка, поставленная могучим чародеем театра Константином Сергеевичем Станиславским.

Как всякое настоящее произведение искусства, этот спектакль неувядаем. Но ведь и картины лучших мастеров нуждаются иной раз в восстановлении, реставрации. То же происходит и с театральными постановками: время от времени их приходится подчищать, оживлять поблекшие краски... Таким восстановлением «Синей птицы» не так давно занимался я — исполнитель роли Кота, и другие товарищи, издавна связанные с жизнью нашего театра.

Премьеры спектакля я не видел и не мог видеть по возрасту: она была в 1908 году. Однако же в Художественном театре я начал работать еще при Станиславском. Все мы, молодые тогда артисты, вступавшие в роли «Синей птицы», стремились следовать советам Константина Сергеевича. Все знали, о какой постановке он мечтал.

— Постановка «Синей птицы» должна быть сделана с чистотою фантазии десятилетнего ребенка,— говорил он работникам театра после первого чтения пьесы,— она должна быть наивна, проста, легка, жизнерадостна, весела и прозрачна, как детский сон, красива, как детская греза...

Станиславский создал на сцене предчувствие, сон, сказку... И эта «кружевная работа» удалась потому, что ставил «Синюю птицу» Художественный театр. Театр, какого еще не было у нас до той поры, театр, где все складывалось по-новому: игра артистов, художественное оформление, отношения между людьми...

Не только вам, но и нам, старшим, трудно представить теперь, как ставилась бо́льшая часть спектаклей в те годы, когда Станиславский заключил свое творческое содружество с Немировичем-Данченко и они стали создавать совсем новый театр...

Общий смысл, идея пьесы мало кого интересовали, артистам чаще всего дела не было до замыслов автора. Репетировали наспех, в особенности в провинции, где за сезон играли множество пьес. Артист не имел возможности или даже не находил нужным вживаться в роль. Отсутствие живого чувства и мысли он возмещал зычностью голоса и эффект-

А. М. Комиссаров в роли Кота.

ным жестом. Во власти штампов находились и видные артисты. Об артистах же на малые роли и говорить не приходится. Те вовсе не играли, а кое-как проходили по сцене. Людей, изображающих «толпу», набирали чуть ли не с улицы.

А декорации! В бедных театрах одна и та же «гостиная» или же «лес» перекочевывали из пьесы в пьесу. Театры, располагавшие средствами, стремились удивить зрителя ярко размалеванными декорациями, кричащими костюмами. Ошеломить публику, любыми средствами привлечь ее внимание!.. Этой же цели служила и музыка в театре. Нередко перед началом спектакля, будь то даже трагедия, оркестр играл оглушительный марш или польку с кастаньетами.

Зритель посещал подобные представления, чтобы развлечься, позабавиться, как-нибудь «убить время».

И вот в русский театр пришел Станиславский.

Станиславский поставил перед театром иные, благородные задачи. В Художественном театре зрителя не «увеселяли», здесь стремились возбудить у него серьезные мысли и глубокие переживания.

Эту же цель ставил перед собой и перед всеми участниками спектакля Станиславский, воплощая на сцене «Синюю птицу».

Если бы волшебную сказку ставил театр прежнего типа, он, несомненно, удивил бы публику внешними эффектами: огнем, грохотом, неожиданными трюками... Константин Сергеевич сосредоточил общее внимание на другом: на внутренней стороне, на смысле и характере пьесы.

Почему оживают вещи в этой сказке? Почему одушевляется природа? Да потому, что кто-то прислушивается к ней с любовным вниманием. Для наблюдателя, умеющего вникать в шелест каждой былинки, мир открывается с неожиданной стороны... Метерлинк говорит в своей пьесе, что природа охотней всего делится своими тайнами с теми, кто ей ближе,— с детьми...

— Сведите дружбу с детьми, вникните в их мир! — убеждал Станиславский артистов, художников, музыкантов и других участников спектакля, — приглядывайтесь больше к природе, к вещам, которые нас окружают, сдружитесь с собакой, с кошкой...

Мы так и поступали, работая над своими ролями. Я, например, не только внимательно приглядывался к кошачьим повадкам — эластичной, неслышной походке, способности внезапно выпустить когти, — я старался завязать дружбу с нашими домашними котами. Вглядываясь в зеленые глаза пушистого Васьки, я пытался вникнуть в самую суть его характера. И, право же, я согласен с Метерлинком: кошки — загадочные существа. В отличие от собаки, сердце которой целиком, безраздельно принадлежит человеку, они что-то прячут от нас, их поведение трудно предугадать...

Так, следуя советам Константина Сергеевича, мы брали уроки у жизни, у природы. Только тогда образ на сцене и будет правдивым. Станиславский учил нас не только вдумываться в роль, но добиваться того, чтобы почувствовать ее всем своим существом. Артист должен глубоко переживать то, что играет на сцене, лишь тогда он заставит переживать и зрителя.

Все должно помогать артисту в его творчестве: декорации, костюмы, свет, музыка... Говоря о декорациях «Синей птицы», Константин Сергеевич предлагал художникам отказаться от пестроты и сложности, излюбленной постановщиками волшебных «феерий». «Декорации должны быть наивны, просты, легки и неожиданны, как детская фантазия». Они должны приближаться к детским рисункам.

— Посмотрите, как просто и талантливо изображают дети облака, постройки и окружающие их предметы! — говорил Станиславский.

Интересно, что в вопросе о внешнем облике сказочных персонажей Константин Сергеевич иной раз расходится с мнением автора пьесы. Метерлинк, например, в своей ремарке изображает Хлеб в костюме турецкого паши. Станиславскому такой образ показался пошло-театральным, и он попросил своего тринадцатилетнего племянника нарисовать, каким представляется ему хлеб в образе человека. Мальчик изобразил на бумаге какое-то существо с большим животом... Взгляните на эскизы художника Егорова к «Синей птице» — и вы увидите, что образ Хлеба гораздо ближе к этому детскому представлению, чем в ремарке Метерлинка. Разумеется, художник не скопировал рисунок мальчика, а усвоил характер этого рисунка.

И музыка «Синей птицы» тоже соответствует духу детских песен. Прежде чем создать ее, талантливый композитор Илья Сац провел все лето с детьми, играл с ними, пел, танцевал, заставлял их сочинять песенки... Так были созданы эти пленительные мелодии, эта совсем новая музыка. Да и роль Ильи Саца в Художественном театре тоже была новой. Впервые в драматическом театре композитор занял подобающее ему место: стал сорежиссером, одним из творцов спектакля.

Да не только композитор, не только художник, не только осветитель!.. Каждая портниха, каждый рабочий сцены почувствовали себя участниками спектакля! Я не говорю уже об исполнителях маленьких, бессловесных ролей. В Художественном театре, где часто повторялись слова Станиславского, что «нет маленьких ролей, есть маленькие актеры», все почувствовали себя равноправными, все стали трудиться во славу искусства.

Да, да, все работники театра, включая билетеров, ощутили волнения и радости творческого труда. До прихода в Художественный многие из них были всего-навсего добросовестными ремесленниками. Но вот явился чародей, повернул волшебный камень искусства, и случилось превращение, почти такое же, как в сказке: сердца преобразились, ожили, открыли в себе способность к творчеству... Ведь только благодаря совместному творческому труду всех этих людей, вдохновленных Станиславским, возникла на сцене чудесная сказка... Возникла и живет до сих пор...

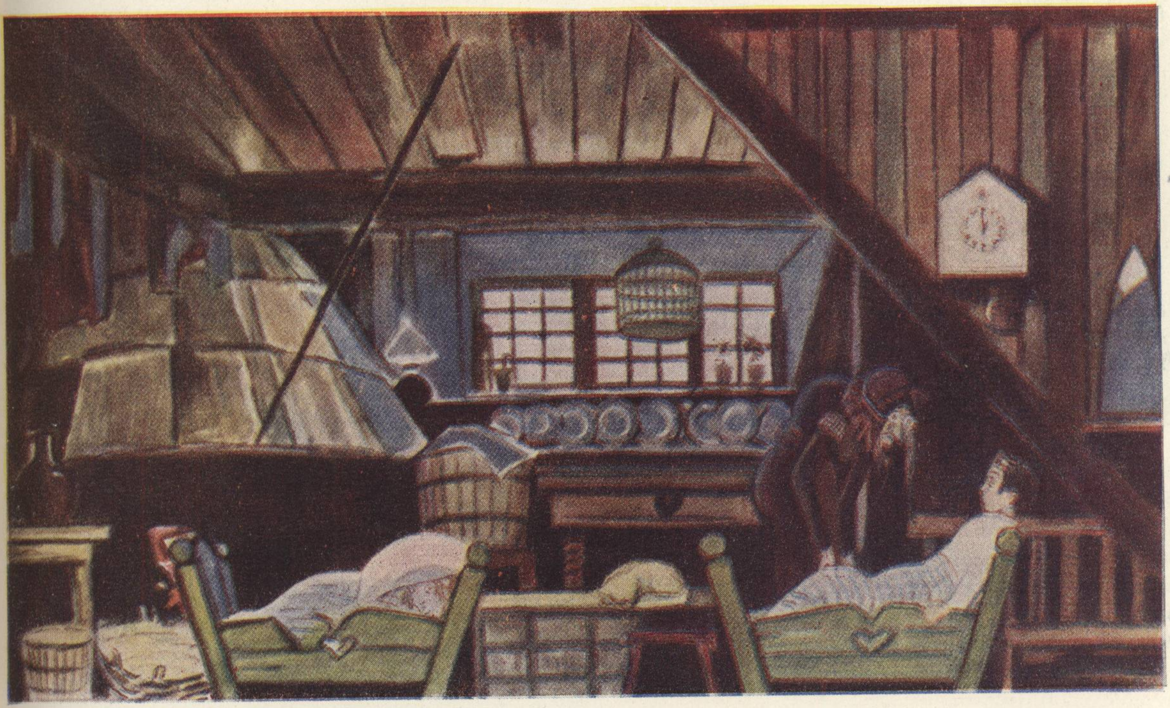
Есть в этом труде и еще участники — те, о которых я не упоминал. Это вы, ребята, сидящие в зрительном зале. Константин Сергеевич называл вас «самыми благородными, отзывчивыми и экспансивными зрителями». Так оно и есть в большинстве случаев... Но мы с вами знаем и другое. Мы знаем, что иные ребята приходят в театр, чтобы подурачиться, пошуметь... Такие зрители мешают не только своим соседям, не только нам, артистам, но и самой сказке... И мне хочется обратиться к вам со страниц журнала так, как будто вы сидите в зале, а я, Кот, стою перед занавесом:

— Сидите тихо! Слушайте нас внимательно!.. Иначе волшебный камень повернется зря: превращение не состоится. Сказки не будет.

А. Комиссаров,
народный артист РСФСР.

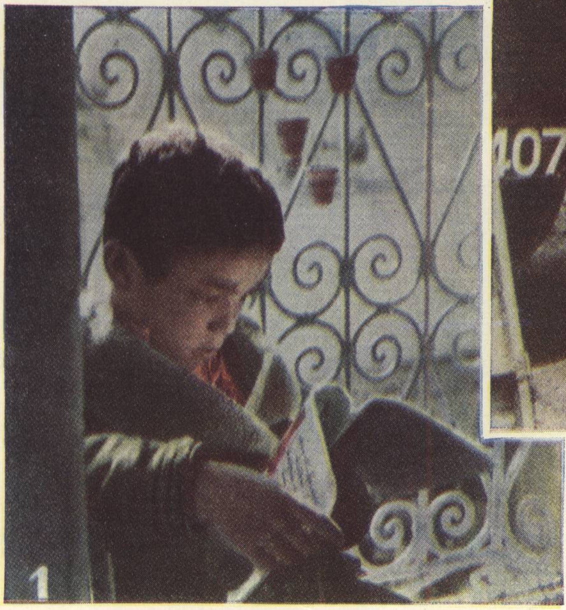
Перед вами эскизы декораций и костюмов к сказке «Синяя птица», поставленной в Московском Художественном театре гениальным режиссером К. С. Станиславским.

Посредине вклейки — эскиз декорации первого действия. Такой была комната в домике дровосека до волшебного превращения: мирно горел в печке огонь, хлеб дремал в квашне, белело в кувшине молоко.

Но как только алмаз доброй феи повернулся, Огонь, Вода, Молоко превратились в те фантастические существа, которые вы здесь видите. Кот и Пес заговорили человеческим языком; Тильтиль и Митиль отправились в свое путешествие. Такими их всех представил себе и изобразил художник В. Е. Егоров.

Древней страной с молодым лицом называют Тунис. Больше семидесяти пяти лет там хозяйничали французские колонизаторы, и только в 1956 году тунисский народ выгнал захватчиков и провозгласил независимую республику. В стране принят десятилетний план экономического и культурного развития.

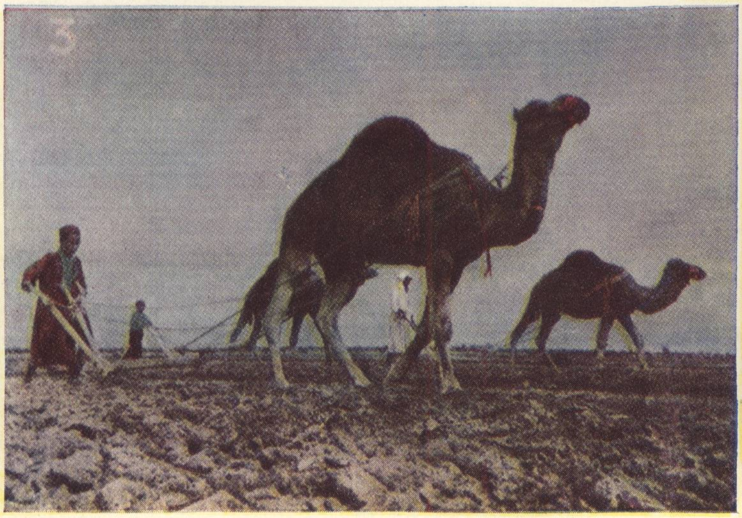

1. Книга на родном языке.
2. В деревню привезли новые книги.
3. Сегодня поля еще пашут на верблюдах, завтра верблюдов заменят тракторы.

Много новых заводов, дорог, школ будет выстроено за эти годы. Молодое государство заботится о тунисских ребятах. Открываются детские читальни, стадионы, клубы, студии для юных художников и музыкантов.

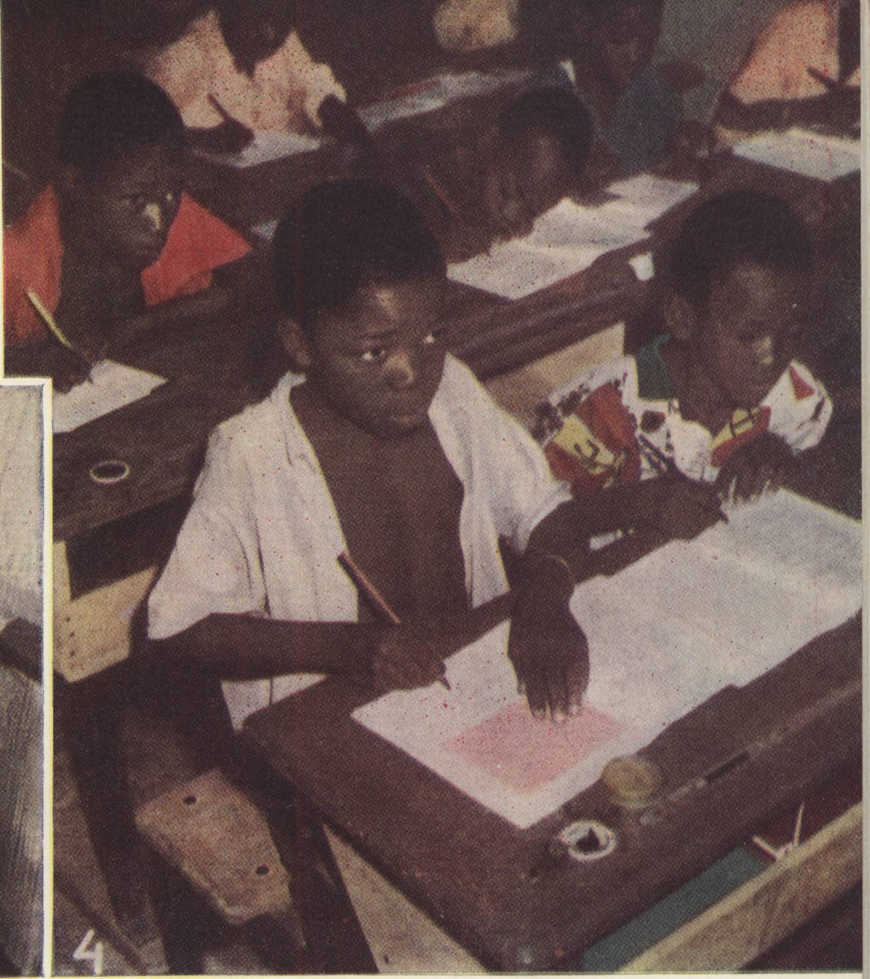
Будущие граждане свободного Туниса вырастут образованными и крепкими.

МОЛОДОЕ ЛИЦО ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ

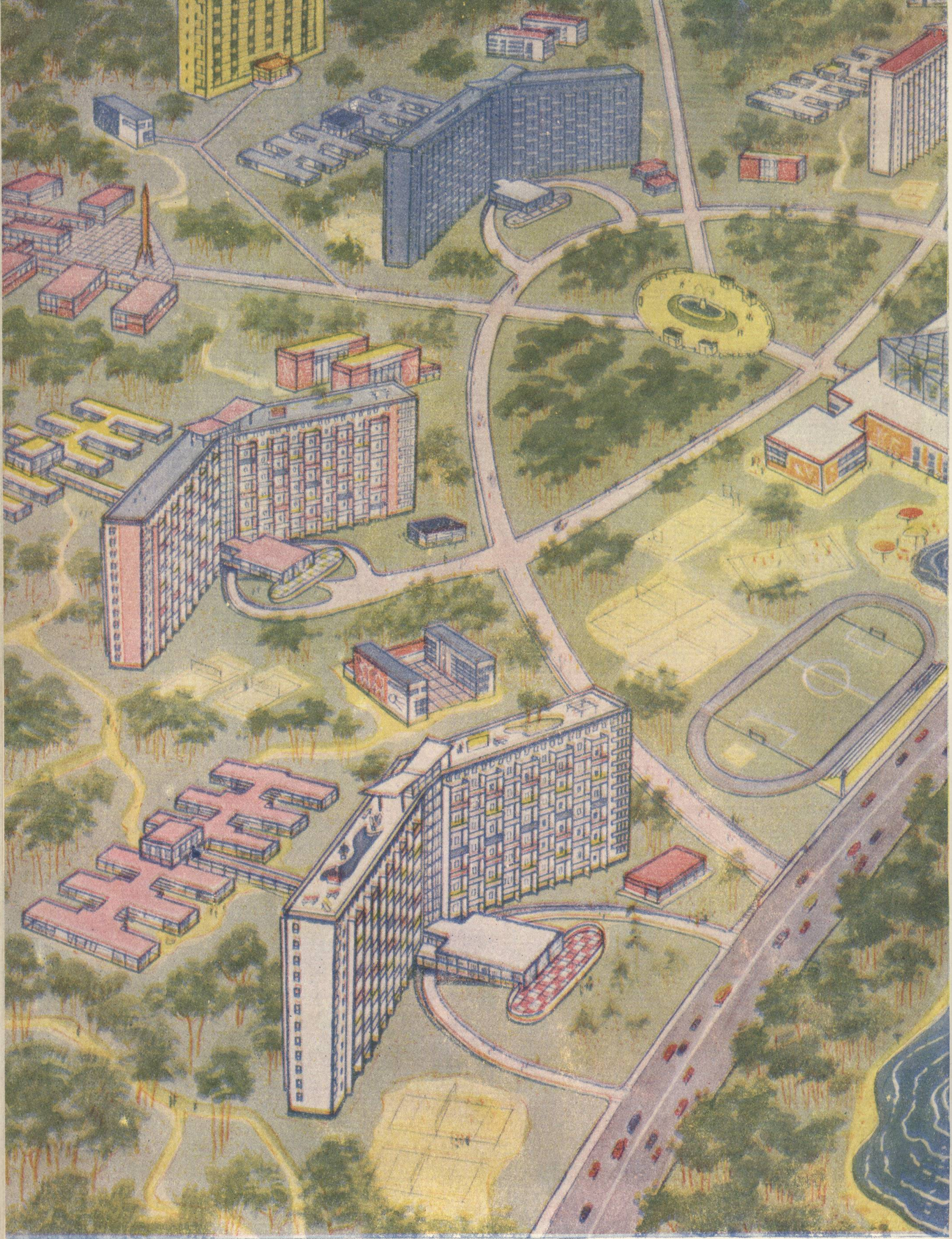
4. В новой школе.

По закону о реформе образования в школах введено производственное обучение. Девочки-старшеклассницы учатся ткать красивые ковры.

5. На берегу Средиземного моря.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД БУДУЩЕГО

Мы пригласили в редакцию корреспондентов и сказали им:

— Напишите о городе будущего. Покажите его на рисунках и фотографиях. Чтобы ребята знали, как они будут жить при коммунизме. И чтобы, когда станут взрослыми, сами строили такие города. Задание очень важное, поезжайте...

И корреспонденты поехали. Куда? Пути они выбрали разные. Один отправился на новостройки, другой — в технический проектный институт, третий выбрал себе библиотеку, четвертый... Впрочем, обо всем этом вы и сами догадаетесь, когда прочитаете и посмотрите материалы наших корреспондентов.

«Наши населенные пункты должны все больше соответствовать представлениям о «зеленых городах», «городах-садах». Они будут сочетать в себе все лучшее, что имеет современный город, благоустроенные дома, транспортные магистрали, коммунально-бытовые, детские, культурные и спортивные учреждения, со всем лучшим, что имеют сельские местности,— богатой зеленью, водоемами, чистым воздухом».

Н. С. ХРУЩЕВ. Из доклада о Программе КПСС на XXII съезде партии.

Микрорайон города будущего. По проекту архитектора Г. А. Градова. На рисунке вы видите жилые дома, детские ясли-сады, школу-интернат, уголок общественного центра.

Рисунки Г. Алимова.

В МАСТЕРСКОЙ АРХИТЕКТОРА

Первое, что я увидел, войдя в проектную мастерскую, это город. Да, да, целый город! Дома, шоссе, фонтаны, деревья, даже люди — все тут было, как на самом деле, только из папье-маше и очень, очень маленьких размеров. Город стоял на столе. Архитектор в белом халате выглядел рядом с этими игрушечными домиками, будто Гулливер в стране лилипутов. Он пригласил нас с художником подойти поближе к столу, и мы прочитали на табличке: «Микрорайон города будущего». Художник стал тут же зарисовывать макет. А архитектор между тем рассказывал нам об этом городе.

Архитектор. Город будущего не отвлеченное понятие. В наших проектах запечатлен точный его портрет. Вот эти корпуса на макете, похожие немного на крылья летящей бабочки, скоро станут бетонными великанами. В них поселятся люди. Обратите внимание на планировку — здесь свободное расположение домов. Это вы, конечно, видели на новостройках, в московских Черемушках, например. Будущее уже входит в нашу жизнь. А то, чего еще нет, обдумывается у нас до мелочей. Тут не только архитекторы, тут и физики над проектом работают, и конструкторы, и врачи...

— Интересно,— сказал я, разглядывая макет.— Даже солярий на крыше. И бассейн.

Архитектор. Ну, на макете показано далеко не все. Маленький бассейн есть, а целого второго города не видно.

— Какого? — не понял я.

Архитектор. Подземного. Города метро и огромной сети труб. Откуда идут водопровод, телефон, электричество...

— Да, об этом мы часто забываем. Но скажите, что, по-вашему, самое главное в городе будущего?

Архитектор. Главное — это деревья. Не удивляйтесь. Воздух в городе не может быть абсолютно чистым, здоровым, если наши «зеленые друзья» живут только на бульварах. Горожанам нужна громадная фабрика кислорода. Вот мы и проектируем города-сады, города-парки. Для этого и «свободная» планировка и такие высокие дома — в 10—14 этажей. В микрорайоне живут 10 тысяч человек, а всего пять домов. Зато сколько места для зелени! Заметьте: на макете мы «посадили» деревьев гораздо меньше, чем надо,— тут они помешали бы. В деревне проблему озеленения решить легче, там...

— Простите, но мы ведь говорим только о городе?

Архитектор. Я не ошибся. Деревня тоже станет городом. Пятиэтажные дома со всеми удобствами, такие же, как в больших городах, магазины, кинотеатр... Но вернемся лучше к нашему макету. Около каждого жилого дома вы видите невысокие постройки, соединенные крытой галереей. Это детские ясли-сады. Малыши там будут жить постоянно, но навещать их родители могут каждый день — очень близко! Между прочим, у входа в ясли-сад будет установлена «стража» — бактериоцидные лампы, лучи которых убивают бактерий.

— Ловко придумано!.. Посмотреть бы еще на школу, где она?

Архитектор. Школа-интернат здесь, у левого края. Видите, несколько корпусов: учебный, спальный, комнаты для кружков и домашних занятий, столовая. У ребят свой большой фруктовый сад, площадки для спорта.

— А кинотеатр отсюда далеко?

За двадцать лет в Советском Союзе вырастет столько домов, что вся жилая площадь городов и поселков увеличится примерно втрое.

Уже сейчас на каждую тысячу человек мы строим в д в о е больше квартир, чем самая богатая капиталистическая страна — США.

ЗА СЕМИЛЕТКУ:
— более одной трети населения СССР отпразднует новоселье;
— в два раза больше квартир будет на Украине;
— 2,8 миллиона квадратных метров жилья получат свердловчане — целый новый Свердловск!

На жилищное строительство Советское государство расходует почти 30 п р о ц е н т о в своего бюджета.

Каждый день советские люди получают 8 тысяч квартир.

Если собрать вместе все дома, построенные в СССР за один только год, то получится город больше, чем Москва.

А р х и т е к т о р. Вот он, справа. Видите зимний сад, стадион? Как раз рядом стоит клуб с кинотеатром. Чуть дальше — магазины, кафе, почта, комбинат бытового обслуживания, поликлиника — все, что нужно для жизни и отдыха людей. Это общественный центр микрорайона. Жилые дома огибают его как бы подковой. От каждого дома не более 7—10 минут ходьбы. Парк, в котором находится этот центр, сливается с другим — большим парком, площадью в 20 гектаров. Его у нас на макете, к сожалению, не видно. К этому большому парку примыкает несколько микрорайонов, и он является уже их общим центром. На его территории располагаются школа-одиннадцатилетка, больница, универмаг, стадион на десять тысяч мест, панорамный кинотеатр, гараж легковых машин для проката. Тут же и вертолетная площадка.

— Интересно бы заглянуть в какой-нибудь дом.

А р х и т е к т о р. Пожалуйста. Осмотрим жилой корпус. На первом этаже — вестибюль, бюро обслуживания, приемные пункты прачечной и мастерской по ремонту обуви, фотолаборатория, дежурный буфет. Весь второй этаж занимает столовая. Выше — квартиры. Они расположены по обе стороны двух коридоров, идущих от центрального лифта. На каждом этаже — просторный холл для отдыха и дружеских вечеров.

— А квартиры будут отличаться от теперешних?

А р х и т е к т о р. Непременно. Возьмем хотя бы мебель. Она уже не будет загромождать комнату. Все шкафы в стенах. Простые, изящные выдвижные столики; кровати, которые легко превратить в диваны, кресла. Исчезнут радиаторы. Их заменят обои из токопроводящей резины или установка микроклимата. Действует она как печка-холодильник: зимой нагревает воздух, а летом охлаждает. Люстры тоже, видимо, уйдут в прошлое. Светиться будет... потолок. Да, да. Для этого надо только покрыть его кристаллами из полупроводников и провести ток. И еще новшество: квартиры без кухонь. Зачем кухня, когда в доме хорошая столовая!

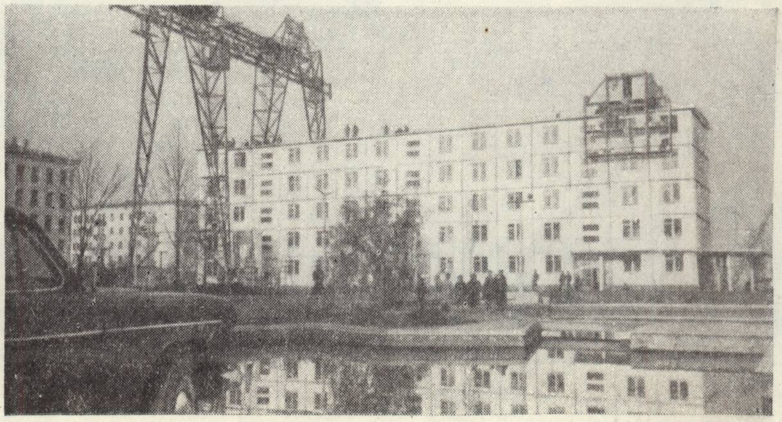
— Да, но чашку кофе приятно выпить и дома.

А р х и т е к т о р. Конечно. Для приготовления легкого завтрака или ужина останутся электроприборы. Будут в квартирах небольшой стенной холодильник и, по всей вероятности, высокочастотная печка. У нее удивительное свойство. Продукты в печке подогреваются не снаружи, а изнутри — токами высокой частоты. Сосиски, например, можно приготовить за одну минуту, и они будут гораздо вкуснее вареных — витамины целиком сохраняются... А вообще в городе будущего каждой семье будет предоставлена не только отдельная удобная квартира, но и постоянные кресла в кинотеатре, столик в обеденном зале на втором этаже, места для ребят в школе-интернате, яслях, фотолаборатория, стадион — словом, все, о чем мы с вами сегодня говорили.

— Да, это чудесно,— сказал я.— Признаться, мне уже сейчас очень захотелось жить в вашем городе. Большое спасибо за беседу.

М. ФАРКО

Этот дом построен за пять дней. Монтажники сложили его не из блоков, а из целых квартир, изготовленных на домостроительном комбинате. А вот так складывались квартиры (снимок слева).

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД БУДУЩЕГО

МЕЧТЫ УТОПИСТОВ

Библиотекарь знал, что я собираю факты о городе будущего. Но ничуть не удивился, когда я попросил книгу, которой исполнилось почти что 450 лет.

— Дайте мне про остров Утопию Томаса Мора...

Томас Мор был английским ученым-гуманистом. Он глубоко сочувствовал народу, который тяжко страдал от притеснений богачей. Томас Мор хотел, чтобы жизнь на земле изменилась. Чтобы показать, какой она может стать, он и придумал фантастический остров, описал утопийцев, их обычаи и нравы, совсем не похожие на то, как люди жили тогда на самом деле. На Утопии не было ни богатых, ни бедных. Все имели одинаковые права и все трудились. Работали утопийцы шесть часов в день, а досуг посвящали наукам и искусству. Жили они в «обширных и великолепных» городах.

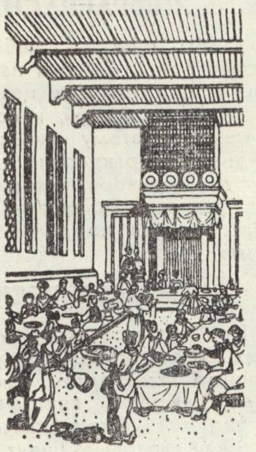
У Мора было много последователей. Их называют социалистами-утопистами. Они тоже мечтали о справедливом обществе и рисовали в своих сочинениях прекрасные города будущего. Я взял в библиотеке все, что там было про утопистов, стал читать и делать для себя выписки.

Вот знаменитый мыслитель Томмазо Кампанелла. «Город Солнца» — так называется его лучшая книга. Писал он ее в холодных и мрачных застенках тюрьмы, куда попал за подготовку народного восстания против власти испанского короля, угнетавшего тогда Италию.

...Красивые, утопающие в зелени улицы, светлые, просторные палаты, мраморные лестницы, галереи для прогулок. Граждане Города Солнца свободны, каждый занят полезным трудом. «Каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов... у них нет; они в полной мере обеспечивают себя сами и даже с избытком».

Солнце заливает город. В этом городе все для человека. Все служит человеку. Свободный труд принес небывалый расцвет наукам, технике, искусствам. Женщины избавлены от тягот домашнего хозяйства...

«Город Солнца» — это город счастья. Так представлял себе Кампанелла будущее.

Столовая на острове Утопия.

А вот «Путешествие в «Икарию» Этьена Кабэ. Этот утопический роман появился уже двести лет спустя, в 1840 году.

«Икария,— пишет Кабэ,— это страна чудес и сокровищ: дороги, реки, каналы — прекрасны, поля — восхитительны, сады — волшебны, жилища — уютны, деревни — очаровательны, города — великолепны». Много внимания уделяют икарийцы благоустройству своих домов. Икар — главный герой романа — «установил образцовый план дома после совещания с жилищным комитетом и всем народом, после того, как исследовал дома различных стран».

О домах и городах будущего утописты писали подробно. В их книгах есть и планы, и рисунки, и чертежи. Я рассматривал их с огромным интересом. Конечно, теперь они выглядят наивно, да и раньше никому не пригодились — утописты не знали, как осуществить свои планы, как избавить народ от власти богачей. Но ведь прекрасная мечта о счастливом городе Солнца жива! И он вырастет на земле, этот город. Только будет он гораздо лучше, чем в несбыточных проектах утопистов,— наш новый коммунистический город!

ГРИГОРЬЕВ

ЛЕД-СТРОИТЕЛЬ

В 1790 году по желанию царицы Анны Иоанновны был построен ледяной дом. Из льда были сделаны и деревья в саду, вся мебель, даже пушки. Из этих пушек стреляли ядрами — настолько прочным оказался лед.

Но то была просто прихоть капризной царицы. Теперь лед используют как строительный материал в народном хозяйстве нашего Севера.

Строительный лед выполняет необычную на первый взгляд роль: он сберегает тепло. Слой за слоем наморaживают его на стены домов, складов, временных сооружений. Стены становятся «теплыми», за ними никакие морозы, ветры и вьюги не страшны.

Недавно советские инженеры изобрели «льдожелезобетон». Лед наращивают на железные сетки и балки, и получаются плиты, которые по прочности не уступают бетону. Из них можно делать фундаменты зданий, мосты для шоссейных и железных дорог, строить небольшие дома для геологов и рабочих, прокладывающих северные трассы. Такие дома изнутри будут обшиты специальным пластиком, чтобы предохранить помещение от подтеков.

БЕТОНЫ-САМОЦВЕТЫ

Скучно, когда в городе много серых домов. Вот если бы все дома были разноцветными, как радуга!.. Что ж, скоро это осуществится. В новых кварталах и новых городах среди зелени парков и скверов вырастут веселые дома — розовые, желтые, сиреневые. Будут даже разноцветные тротуары, голубые шоссе и оранжевые мосты. И что самое интересное: не понадобится для этого никаких маляров. Они вообще исчезнут со строительных площадок. Дело в том, что инженеры нашли способ, как изготовлять цветные бетоны. Производится это так: на заводе в цементную массу добавляют различные примеси. Окись марганца дает бетону темно-фиолетовые, почти черные цвета. Сурик и охра — все оттенки от цвета слоновой кости до шоколадного, обычная стиральная синька — голубизну летнего неба.

Краски таких бетонов не выгорают на солнце, не боятся снега и дождей.

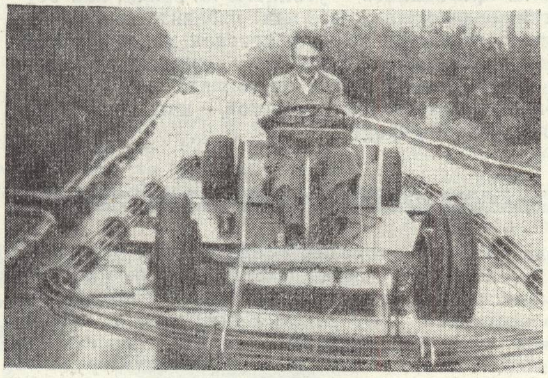
ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД БУДУЩЕГО

ИНФРАКРАСНАЯ «ПЕЧКА»

Чтобы обогреть небольшую комнату, достаточно одной батареи парового отопления. А как быть с огромным цехом или крытым стадионом? Тут, пожалуй, и сотней батарей не обойдешься. Поэтому инженеры придумали специальные инфракрасные установки. Они согревают воздух не своей поверхностью, как батареи, а инфракрасными лучами. Поток невидимых лучей рассеивается по помещению и отдает воздуху свое тепло.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ БРАТЬЯ

Пройдет пятнадцать — двадцать лет, и автомобиль, отравляющий воздух, будет таким же допотопным транспортом, как сейчас лошадь. На смену двигателю внутреннего сгорания придет электрический ток. Помчатся по проспектам аккумобили, которые будут заправляться не бензином, а электричеством, из аккумуляторов. Можно будет встретить на шоссе жиробус. Ему и вовсе не понадобится питания: маховик, вмонтированный в корпус этой стремительной машины, своим вращением заставит работать электрический генератор, а тот сообщит движение жиробусу. Появятся юркие, маневренные вечемобили — потомки нашего троллейбуса. Они будут двигаться без проводов, с помощью электромагнитного поля. Такое поле создадут над поверхностью дороги проложенные под асфальтом кабели с токами высокой частоты.

Первый вечемобиль. За рулем его изобретатель советский ученый и конструктор Г. И. Бабат.

ЛАМПА-СОЛНЦЕ

Этой лампе конструкторы дали имя самой яркой звезды — Сириуса. На первый взгляд «Сириус» ничем не отличается от обыкновенной лампы дневного света. Трубка из кварцевого стекла длиною в метр, по ее концам вольфрамовые электроды.

Но вот включается ток, и пространство между электродами, заполненное газом ксеноном, начинает излучать свет, почти не уступающий по яркости солнечному. Температура газа близка к солнечной — около 6 тысяч градусов! Чтобы трубка не расплавилась, она помещена в другую, тоже из кварцевого стекла, и между ними пропускается охлажденная вода.

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛУНОГОРСКА

Честно говоря, я еще спал, когда в комнате закукарекал «петух». Я завел «петуха» на шесть часов утра. Глупо спать, приехав на сутки в Луногорск. Приехав на сутки из 1963 года в год... 1990-й.

Вы спросите: разве так бывает? Одно дело — поехать в Артек или в Африку, отправиться в город Сыктывкар или на Южный полюс... Но города Луногорска еще нет сегодня. И нет вокзала, откуда идут поезда в этот город.

А я приехал в Луногорск не на поезде. Расскажу потом, как я туда попал.

...И вот я проснулся. Проснулся в городе, который получил свое имя в честь первой советской экспедиции на Луну.

— Доброе утро,— сказал заводной «петух», который разбудил меня своим кукареканьем.

— Доброе утро, петух,—сказал я.—Разве ты умеешь и разговаривать?

— Доброе утро,— повторил «петух».

А потом пришли Димка с Мариной.

— Это вы корреспондент журнала «Пионер»? — спросил Димка.

— Да, я из 1963 года.

— Как интересно! — сказала Марина.

Димка учился в пятом классе, Марина — в четвертом. Димка знал все: и какого цвета облака на Венере, и сколько зубов у крокодила... А Марина умела делать карнавальные маски. Одну свою маску она принесла мне.

— Возьмите. Сегодня воскресенье, и вечером будет карнавал.

Это была маска огромного вопросительного знака.

— Потому что,— объяснила Марина,— вы корреспондент, и ваша профессия — задавать вопросы.

Потом мы шли по аллее мимо высоких разноцветных домов. В одном доме жили Димкины родители. На спортивной площадке возле этого дома взрослые играли в волейбол. Сам Димка жил в интернате при школе.

— В интернате интереснее,—сказал Дима.

— В сто раз,— добавила Марина.

Мы обогнули теннисный корт и очутились у фонтана. Кругом были деревья, цветы. Смешно, наверное, ездить на дачу, если ты живешь в Луногорске. Мы отдыхаем на даче от городского шума и пыли, от запаха бензина, а я еще не встретил в Луногорске ни одной машины...

— Неужели все ходят здесь пешком?

— Машины? Вы говорите об электромобилях? Конечно, есть,— сказал Димка.— Хотите покататься? Только я, например, предпочитаю монорельс.

Въезд в жилые кварталы в Луногорске машинам запрещен. Для них — специальная магистраль вокруг города. Можно подъехать на электромобиле и к общественному центру, который расположен на границе двух районов. Но зачем электромобили, когда есть монорельс? Представьте вагон метро, который бесшумно скользит в воздухе, подвешенный на стальном канате. Он быстрее метро, а тем более машины. Пять—семь минут ходьбы от любого дома — и ты у станции монорельса.

— На электромобиле хорошо только в лес ездить, за грибами,— сказал Димка.

— А у твоего папы есть электромобиль? — спросил я.

Димка ответил вопросом:

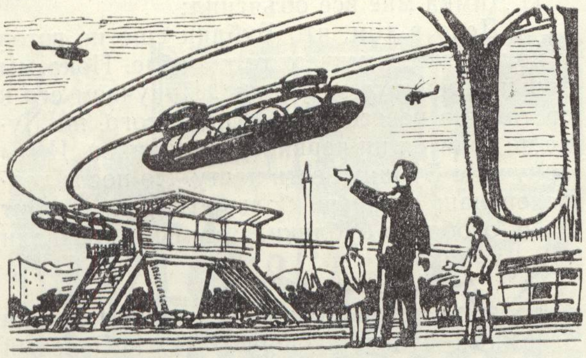
— А у вас есть слон?

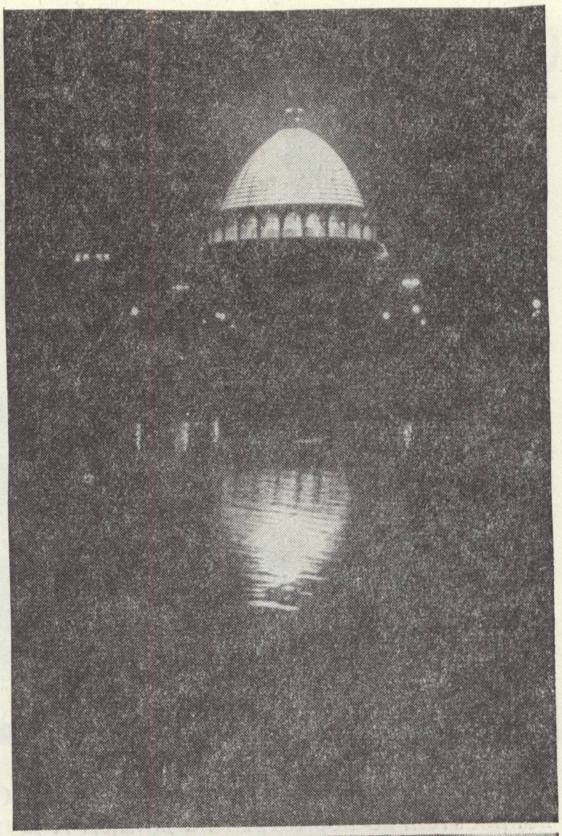
— Слон? Зачем мне слон?

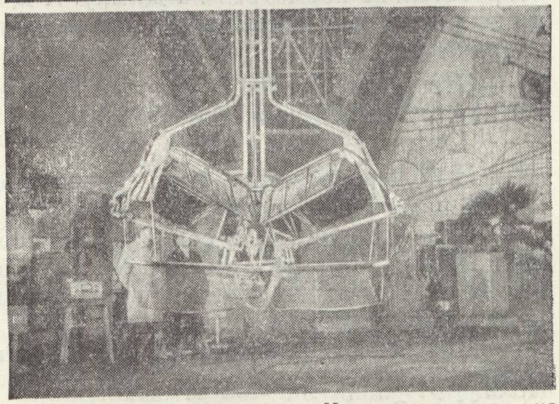
— Не говори глупостей, Димка,— сказала Марина.— Слон — это домашнее животное. У нас — собака, а в Африке — слон.

— Извините,— сказал Димка.— Собственного слона действительно иметь не стыдно. А собственных машин у нас нет, мы их берем напрокат.

Аллея привела нас к широкому стеклянному зданию. Там была оранжерея и выставочный павильон. Мы обошли это здание и направились к станции монорельсовой дороги.

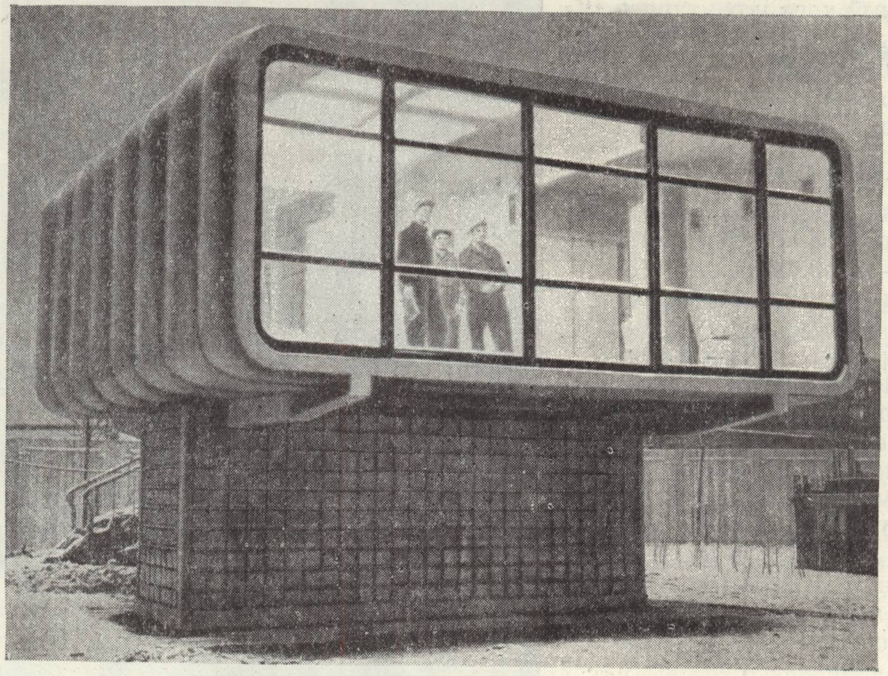

Под куполом павильона «Машиностроение» на Выставке достижений народного хозяйства зажглось искусственное солнце — «Сириус». Внизу вы видите, как поднимали «Сириус».

«Сириус» — не проект и даже не действующая модель. Он уже установлен в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства. Это самый мощный в мире искусственный светильник. Он состоит из трех трубок по 100 киловатт каждая и отражателей. Двенадцать тысяч электрических лампочек по 100 ватт не дают столько света, сколько одна эта «люстра»!

Площадь, которую может осветить «Сириус», равна 100 гектарам. А это значит, что достаточно нескольких таких ламп — и вечерние улицы целого города будут залиты мягким солнечным светом. Большое будущее ожидает лампу-солнце «Сириус»!

ВСЕ — ИЗ ПЛАСТИКОВ

Можно ли построить дом из пластмассы? «Можно!» — отвечают специалисты.

В Ленинграде уже построена опытная пластмассовая квартира.

Потолок, стены, пол квартиры сделаны из двух слоев стеклопластика. Между ними проложен специальный пластик, не пропускающий тепла и звуков. Обои, трубы, лестницы — тоже из пластиков. Место целой стены занимает окно из органического стекла, у которого можно даже загорать: оно не задерживает ультрафиолетовых лучей.

Пластмассовые дома будут в четыре раза легче домов, сложенных из кирпича.

На станции к нам подошел мальчик. Он вопросительно посмотрел на Димку. А Димка вопросительно посмотрел на меня. И тут Марина сказала:

— Это очень большой секрет. Но ведь вы никому не расскажете?

— Только ребятам из 1963 года.

— И больше никому,— взял с меня слово Димка и сказал мальчику:—Говори, Игорь.

— Сдал дежурство в семь утра,— сообщил Игорь.— Бублик уже проснулся и попил воды. Потом поклевал пасту из тюбика номер один. И меня в палец клюнул.

— Дразнил Бублика? — строго спросил Димка.

— Нет. Он просто так клюнул. Из любопытства.

Когда Игорь ушел, Марина сказала:

— Бублик — это скворец.

— Первый скворец, который будет жить на Луне,— добавил Димка.

— Скворец на Луне?

— Думаете, на Луне не нужны скворцы? — воскликнула Марина.— Очень даже нужны!

О том, что на Луне работает первая советская обсерватория, я уже знал. Слышал по радио концерт по заявкам покорителей Луны. Читал в газетах про шахматный матч, который уже два года продолжался между Луной и городом Мирным в Антарктиде. Люди жили на Луне со всеми удобствами. Под прозрачным куполом, который защищал обсерваторию, была создана земная атмосфера...

— Плохо жить без птиц,— сказал Димка.— В Антарктиде хотя бы пингвины есть, а на Луне и пингвинов нет. Вот мы и решили отправить на Луну Бублика. Ему там построят первый на Луне скворечник. А через много-много лет, когда на Луне будет много-много скворечников, тот, в котором жил наш Бублик, будут показывать как достопримечательность.

— Какой же здесь секрет? — спросил я.— Почему вы скрываете, что пошлете Бублика на Луну?

И Димка мне все объяснил:

— Дело в том, что Бублик еще не готов к полету на космическом корабле. Пока мы только тренируем Бублика. Приучаем его к состоянию невесомости. Кроме того, на Луне не водятся ни червяки, ни личинки. И мы приучаем Бублика есть пасту. Но после червяков наш скворец больше всего любит хлеб, особенно бублики. Вот мы и прозвали его Бубликом.

Голубой вагон монорельса привез нас на огромный бульвар. Он назывался Зеленый луч и шел к самому центру Луногорска.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД БУДУЩЕГО

На Зеленом луче я увидел дома, похожие то на опрокинутые чаши, то на раковины. Их стены украшали мозаика, яркие росписи художников. Это студии кинолюбителей и профессиональные клубы физиков, архитекторов, садоводов.

Мы шли по Луногорску майским, солнечным днем, и я очень удивился, когда встретил на Зеленом луче двух мальчиков, которые на ходу надевали свитеры и вязаные шапочки.

— Они будут играть в снежки,— сказала Марина.

«Она смеется надо мной», — подумал я. Но виду не подал. Я сказал:

— А может, и мы сыграем в снежки? Давно не играл в снежки. Лет десять уже!

— Терпеть не могу взрослых, которые делают вид, что им не интересно играть в снежки,— сказал Димка.— Мы с папой всегда играем — и зимой и летом.

Димка говорил совершенно серьезно.

Мы прошли мимо Дома искусств и остановились около большого здания с куполом. Через его прозрачные стены я увидел детей и взрослых, которые бегали по кругу на лыжах и играли в снежки. Над ними кружились снежинки. Там была зима.

— Я бы тоже сыграла,— сказала Марина,— но надо идти за одеждой. В летнем платье в зал искусственного климата нельзя.

И еще один зал показал мне Димка. Там пахло смолой и свежей стружкой. Двигались люди в спецовках. В руках у них были столярные инструменты. И я опять удивился:

— Мастерская? Но сегодня же выходной день...

— Так у нас отдыхают,— сказал Димка.

Оказывается, всю тяжелую работу в Луногорске выполняют машины. Стоит лишь приказать машине, составить ей программу, и машина сделает все сама. И вот, чтобы поупражнять свои руки, набраться свежих сил, жители Луногорска в часы отдыха приходят в мастерские физического труда.

Близился вечер. В кафе «Кольцо Сатурна» тихо играла музыка. Марина доедала свою манную кашу, а мы с Димкой пили кофе.

— Когда вы уезжаете? — спросил Димка.

— После карнавала.

— Я видел сейчас директора музея прошлого. Если бы вы могли выступить в его музее! — И Димка вопросительно посмотрел на меня.

— Это было бы так интересно!— сказала Марина.— В музее есть чучело мамонта, потом коллекция ключей...

— Каких ключей? — спросил я.

— Ну, от разных замков. Знаете, есть такая игра — в прятки. Так вот раньше и взрослые играли в прятки: скрывались друг от друга за замками и вещи прятали. Смешно, правда?

— Да, смешно,— ответил я Марине и достал из кармана... ключ от своей московской квартиры.

— Так вы знали про наш музей! — воскликнул Димка.— Вы для музея привезли этот ключ?

— Конечно,— сказал я, немного смутившись, и отдал Димке ключ.

Между тем все больше людей стекалось на Зеленый луч. Жители Луногорска — и дети и взрослые — любят быть вместе. Конечно, готовить уроки или писать стихи вместе нельзя. Но как хорошо зато свободным вечером идти вместе со всеми по Зеленому лучу! Рядом с тобой — друзья. Сколько их? Весь город!

И я, надев Маринину маску, шел в тот вечер карнавала по Зеленому лучу. Зажглась над городом искусственная луна. Маски танцевали, пели. Каких только не было масок: космонавты, марсиане, полярники!..

Зеленый луч и другие бульвары города сходились к огромной площади. Это была площадь Манифестаций и Праздников. Ее

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД БУДУЩЕГО

окружали Дворец Советов, Мемориальный музей, театр... Но в тот вечер актеры давали представление не в театре, а прямо на площади. Вся площадь была сценой. В праздничном карнавальном спектакле вместе с актерами участвовал весь Луногорск.

Тут я и расстался с Димкой и Мариной.

— Мне нужно завтра утром на работу,— сказал я.— Чтобы не опоздать, пора возвращаться в свой 1963 год.

— Приезжайте еще! — сказала Марина.

— Приезжайте проводить на Луну Бублика,— сказал Димка.

— Конечно,— сказал я.— Конечно, приеду.

— Дедушке космоса Гагарину — пионерский привет! — вслед мне крикнула Марина.

Извините, ребята, что я так мало рассказал вам о Луногорске. Я не успел все увидеть. Я не был в школах и на заводах, даже скворца Бублика не успел посмотреть.

Ну, ничего! В следующий раз. Я еще буду в Луногорске. И вы, ребята, тоже будете. Димка и Марина ждут вас.

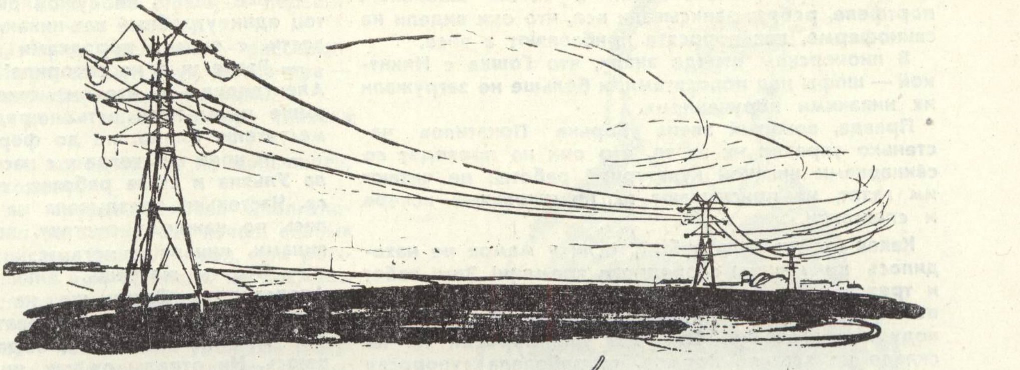
Как попасть в Луногорск, которого нет на карте? Неужели это надо объяснять? Ведь мы живем в такое время, ребята, что путешествовать в будущее просто необходимо. Так же необходимо, как ходить в школу или делать утром зарядку. Не за горами от нас Луногорск и другие замечательные города. Вы сами будете их строить, когда подрастете. Так что вам непременно надо уже сегодня видеть эти города. Хотя бы так, как я,— в своем воображении.

Ю. ЗЕРЧАНИНОВ

Алексей МУСАТОВ

Рисунки Н. Борисовой

Повесть

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

«ШПИТОМЦЫ»

Метель бушевала целую неделю.

Колючая снежная карусель без передышки крутилась над крышами изб, над полями, над всем белым светом.

Снег замел все дороги и тропы, насыпал у плетней и заборов высокие остроганные сугробы, вплотную подступил к окнам изб и так завалил ворота у ферм и сараев, словно запер их на тяжелые замки.

Метель выла, посвистывала, пела на десятки голосов, белесая снежная мгла застилала горизонт, и Гошке Шарапову казалось, что Клинцы занесет снегом до самых коньков изб.

Ребятишки в эти дни в школу не ходили. Взрослые старались пореже показываться на улице. И только на колхозные фермы тянулись люди.

Чуть свет выходила на свиноферму Гошкина мать Александра Шарапова и ее напарница Ульяна Краюхина.

Свинарки отгребали снег от ворот, расчищали дорожку, таскали воду, сено, силос: метель метелью, а поить, кормить поросят и свиней надо.

В один из таких дней, когда метель бушевала над Клинцами, Гошка Шарапов надумал соорудить на крыше свинарника маяк.

— Какой маяк! Зачем! — удивился его дружок Никитка Краюхин. Малорослый, большеголовый, медлительный, он не всегда понимал быстрого на выдумку и спорого в деле приятеля.

— А чтоб светило всегда,— объяснил Гошка.— Чтоб огонек все видели и шли на него, кого метель в поле застанет. Вчера вон какой-то человек с дороги сбился. Плутал, плутал, чуть не замерз...

Никитка только пожал плечами, но спорить не стал. У Гошки всегда так — придумает что-нибудь, загорится, вспыхнет, и никакая сила его не остановит.

— Давай сделаем...— согласился Никитка.— А только из чего...

— Это мы сообразим.

Мальчишки разыскали в чулане у Краюхиных старый четырехгранный фонарь, промыли стекла, покрасили их красной краской и укрепили фонарь, как скворечник, на крыше свинарника. Потом Гошка попросил в колхозной мастерской несколько метров провода, достал патрон, стосвечовую лампочку и, сделав нехитрую проводку, поместил лампочку в застекленном фонаре.

Два вечера работы — и самодельный маяк загорелся на крыше фермы.

Маяк на крыше увидела Гошкина мать.

— Ды вы знаете, зачем красные звезды зажигают! — растерявшись, спросила она.— Ну, там на стройке или на шахте! Это когда люди работают отменно, когда дело всех радует. А разве у нас так!

— Мы для людей сделали... Чтоб не заблудились, на свет шли,— принялся объяснять Гошка.

— А что люди у нас на ферме путного увидят! Одно запустение да развал. Нет, нет, и не конфузьте меня с Ульяной, погасите скорее...

Но маяк потух и без того. Ночью порыв ветра оборвал провод и опрокинул фонарь. На другой день Гошка с Никиткой принялись было чинить маяк, но проломили дряхлую крышу и свалились внутрь свинарника.

Узнав об этом, завфермой Ефим Кузяев, густоусый, плотный мужчина в брезентовом плаще поверх полушубка, в шапке-ушанке, рассердился, накричал на ребят и запретил им показываться на ферме.

Но Гошка только хмыкнул. Чего-чего, а кричать дядя Ефим умеет. И на ребят и на взрослых. Заявится небритый, не выспавшийся с похмелья, с мутными глазами, разнесет всех в пух и прах, отдаст десятки наказов и снова исчезнет на целую неделю.

— Голова болит у нашего Ефима Степановича,— насмешливо говорила Никиткина мать.— Лечиться пошел.

Гошка с Никиткой, конечно, понимали, что это значит. Сидит, наверное, сейчас Кузяев с приятелями, раскупоривает одну за другой бутылки с белой головкой и закусывает яичницей с молодой свининой.

Пока Кузяев «лечился», матери Гошки и Никитки работали на ферме. Им помогала молодая свинарка Стеша Можаева и ночной сторож дед Афанасий Гвоздев.

Работы было по горло: поросят и свиней насчитывалось на ферме больше двухсот.

Как же тут не помочь мамкам! И Гошка с Никиткой после школы почти бессменно дежурили в свинарнике. Помогали подвозить корма, раскладывать их по кормушкам, выгонять поросят на прогулку, вычищать навоз из станков.

Они вели дневник наблюдений. В заветную тетра-

дочку, которую Гошка носил в своем школьном портфеле, ребята записывали все, что они видели на свиноферме, как поросята прибавляют в весе.

В пионерском отряде знали, что Гошка с Никиткой — шефы над поросятами, и больше не загружали их никакими поручениями.

Правда, вожатый звена Борька Покатилов частенько упрекал их за то, что они не проводят со свинарками никакой культурной работы: не читают им газет, не приглашают их на школьные вечера и спектакли.

Какая уж тут культработа, если у мамок не находилось ни минуты свободного времени! Зато забот и тревог было полным-полно. То на ферму не завезли вовремя дров, чтобы растопить печку, согреть воду и приготовить болтушку для поросят, то на складе не хватило кормов, то заболела супоросая свинья и ее пришлось прирезать.

— Эх вы, Кузяевы, до чего ферму-то довели! — с досадой выговаривала Александре Ульяна Краюхина.

— Не Кузяева я,— возражала Гошкина мать.— Шарапова...

Мальчишки укрепили фонарь на крыше свинарника.

— Все равно, не чужой он тебе, Ефим-то... братец единоутробный как-никак. Вот и скажи ему, усовести, с такими порядками мы в трубу вылетим...

— Разве ж я не говорила! — устало отмахивалась Александра.— А что он может, Ефим! Над ним повыше начальники есть... председатель колхоза, заместители. Видно, не до фермы им...

— А коли так, тогда и с нас взятки гладки,— решила Ульяна и стала работать на ферме спустя рукава. Частенько опаздывала на дежурство, раздражалась по каждому пустяку, замахивалась на свиней вилами, пинала их ногами.

— Что ты лютуешь, Ульяна! — останавливала ее Александра.— Зачем же на свиньях злость срывать!.. Они-то в чем виноваты!

— А я по ним сохнуть да убиваться не собираюсь. Ни отрады от них, ни прибытка. Если угодно — могу и уйти с фермы. Мы с Василием теперь не пропадем, за артель цепляться не будем,— говорила Ульяна. Ее муж вот уже с год, как ушел из колхоза в город.

Не по душе пришлось Ульяне и Никиткино шефство над поросятами. Хватит и того, что она целыми днями крутится в свинарнике. А сыну здесь делать нечего, найдется ему работа и в своем хозяйстве.

Только Александра Шарапова работала как заведенная, ходила сутулясь, была молчалива, редко улыбалась, и Гошка с тревогой замечал, что мать у него быстро стареет.

Отгуляли метели, отыграли трескучие морозы, и зима повернула на весну. Дни стали длиннее, на солнцепеке вытаивали черные завалинки, с крыш зазвенела частая капель, а к вечеру под застрехами намерзали метровые сосульки, похожие на алмазные клинки.

На ферме в станках около розовых гороподобных маток захрюкали десятки сосунков-поросят.

Гошке казалось, что мать в эти дни словно оттаяла: стала оживленнее, разговорчивее, не могла усидеть на месте, не давала покоя ни Ульяне, ни Стеше, то и дело посылала их разыскивать по колхозу Кузяева.

— Встань, братец, проснись. Опохмеляться потом будешь,— выговаривала она ему, когда Ефим появлялся на ферме.— Смотри, сколько живности прибавилось. Теперь только бы сберечь да вырастить...

Не было покоя в эти дни и Гошке с Никиткой. Они навещали ферму каждый день и записывали в дневник, сколько какая матка принесла детенышей.

Однажды, заглянув в свинарник, мальчишки застали своих матерей в полутемном проходе около породистой свиньи Булки.

Ребята подошли ближе и увидели на рогожной подстилке трех поросят. Поросята были синие, сморщенные, жалкие.

— Что это, мама! — спросил Гошка.

— Да вот Булка пятнадцать штук принесла,— помолчав, объяснила мать.— А эти трое — последненькие. Не принимает их Булка...

Гошка с Никиткой склонились над поросятами.

— Ну чего вы глазеете, чего! Не вашего ума здесь дело! — прикрикнула на них Ульяна.— Шли бы по домам...

Подошел Ефим Кузяев. Носком сапога небрежно пошевелил поросят.

— Дохляки... Не жильцы на белом свете... Можно выбраковывать.

— А если обогреть да с соски поить! — заметила Александра.

— Да где там... Одна морока с такими ледащими. Спишем по акту — и вся недолга.

— Что ты только, Ефим, делаешь! — рассердилась Александра.— Вчера списал двух, позавчера — четырех. Да так мы всю ферму разбазарим...

— К тому, видно, дело идет,— уныло сказала Ульяна.

Кузяев нахмурился и, покосившись на мальчишек, отвел свинарок в сторону.

— Ты, сестрица, не ерунди,— сказал вполголоса.— Кормов все равно не хватит. Уж лучше слабых да ледащих сейчас списать. Подохли, мол, при рождении — и никто нас ни в чем обвинить не посмеет. Так председатель колхоза распорядился, Калугин... Александра горестно всплеснула руками.

— И куда ж это несет нас!.. Люди урожаям радуются, приплодам, а мы себя ж под корень рубим.

— Начальству виднее, что делать,— вздохнув, сказал Кузяев.— Мы люди маленькие: приказано — исполняй.

— Не усердствуй, Александра,— заметила Ульяна.— Дохляков спишут, нам же с тобой легче будет.

— Ни совести у вас нет, ни радения.— Александра сердито махнула рукой и вернулась к поросятам. Кузяев подозвал к себе Гошку с Никиткой.

— Ну вы, народец, на все руки от скуки. Опять вы здесь! Тащите дохляков в овраг. Закопайте их там...

Мальчишки посмотрели на матерей. Александра хмуро смотрела в сторону, а Никиткина мать прикрыла поросят рогожей и кивнула на них ребятам:

— Тащите, коли так...

Ребята, завернув поросят в рогожку, понесли их к оврагу... Вернее, нес их Гошка, а Никитка, прихватив заступ, плелся сзади. Он до смерти боялся дохлых мышей, кошек и птиц.

Гошка шел и злился. И почему это Кузяев всегда зовет их «народец», помыкает ими и командует! Небось, своего Митьку не пошлет закапывать дохлых поросят.

Дорога стала спускаться в овраг.

Поросята в рогожке еле слышно попискивали. Гошка сунул под рогожку руку и осторожно потрогал «дохляков». Они были тепленькие. Один из поросят слабо ухватил Гошкин палец и принялся сосать его.

Гошка остановился.

— Слышь,— позвал он Никитку.— А они еще живые... палец сосут. Попробуй вот...

Никитка не без робости сунул руку под рогожку, и вскоре лицо его расплылось в улыбке.

— И впрямь живые... Наверное, есть хотят. Им бы сейчас молока теплого... Из соски. Помнишь, как мы кроликов отпаивали!

Мальчишки, словно по сговору, посмотрели на овраг, потом на тяжелый зазубренный заступ.

— Молоко-то у нас найдется,— задумчиво заметил Гошка.— А вот где соску взять!

— Поискать надо,— сказал Никитка.— У нас где-то валялась.

— Тогда пошли к нам,— распорядился Гошка.

В сумерки, когда Александра вернулась с фермы домой, она услышала в углу за печкой подозрительную возню. Заглянула туда.

На мягкой соломенной подстилке лежали поросята, а Гошка с Никиткой, сидя на корточках, по очереди поили их молоком из бутылки с резиновой соской. Им помогали младшие дети Александры — Клава и Мишка.

С простенка, из черной тарелки репродуктора, вовсю гремела музыка.

— Что ты только, Ефим, делаешь? — рассердилась Александра.

— Это что ж такое! — взмолилась мать.— Свинарник в избе устроили!

Гошка подбежал к матери.

— Ты же сама говорила, что поросят с соски можно выпоить,— торопливо заговорил он.— И они совсем не дохлые... молоко лопают, только подавай. Уже третий раз кормим... И списывать поросят не надо. Мы их выходим... Помнишь, как с кроликами было. Ни один не подох...

— Тетя Шура,— вмешался Никитка.— А пусть поросята одну неделю у вас живут, другую — у нас. Только вот мамку уломать надо.

— А радио зачем гремит! — спросила Александра.

— А мы все по-научному будем делать,— оживился Никитка.— Электричеством поросят греть, витамины им давать. И пусть они музыку слушают... Лучше расти будут. Мы в книжке читали...

Подойдя к репродуктору, Александра приглушила музыку и невольно усмехнулась. Ладно, пусть ребятишки выпаивают дохляков. Может, и в самом деле у них что-то получится. Справились же они с кроликом, вылечили молодого грача с подбитым крылом. А Шелопут! Был жалкий щенок-подкидыш, а теперь вырос в здоровенного пса, и ребята подарили его колхозному сторожу.

— Тогда уж на тройке поросят не останавливайтесь,— сказала Александра.— Берите больше, заводите свою ребячью ферму.

А про себя она подумала, что неплохо было бы по примеру ребят и другим свинаркам взять на дом по нескольку списанных поросят и вырастить их для фермы.

На другой день Александра принесла ребятам еще четырех дохляков.

Гошка с Никиткой разыскали белый крученый провод, ввернули в патрон лампочку и принялись обогревать поросят электрическим светом.

— По науке им солнечные ванны положены,— важно заявил Никитка.— Кости укрепляет...

Потом мальчишки подумали о витаминах. До зеленой травы было еще далеко, и они решили выращивать ее в избе. Наполнили землей противни, тазы, деревянные ящики, засеяли овсом и заставили ими в избах все лавки и подоконники.

Вскоре поросята ожили, окрепли, встали на ноги.

Как-то раз к Шараповым в избу пришел вожатый звена Борька Покатилов. Приземистый, круглолицый, с ямочками на щеках, он подозрительно оглядел поросят и набросился на мальчишек с упреками.

Ну что они за пионеры! Нашли такое дело и молчат про него, скрывают от остальных ребят. Да если про спасенных дохляков умеючи отрапортовать на совете отряда или написать в стенную газету, так о третьем звене заговорят по всей школе.

— У тебя, Шарапов, всегда свои особые планы,— выговаривал Борька Гошке.— И Никитку за собой тянешь. Прячетесь, отдаляетесь от всех.

— Мы не прячемся,— нахмурился Гошка.— Мы сами не знали, как с поросятами будет... А вот теперь вроде получается. Если хотите, давайте все вместе ухаживать, по очереди.

Через неделю ребята перевели поросят из избы во двор к Шараповым, в утепленный закуток.

В этот же день Александра показала поросят Кузяеву.

— Взгляни-ка, Ефим... Узнаешь списанных-то!..

Поросята с доверчивым хрюканьем подбежали к ногам Кузяева. Они были розовые, с золотистой щетинкой, с хвостиками-спиральками и влажными пятачками.

Недоверчиво покрутив головой, Кузяев словил одного из поросят, ощупал его, заглянул в рот. Потом осмотрел второго, третьего.

— Постарались ребятишки...— сказала Александра.— Добрый подарок ферме будет.

Присев на корточки и почесывая поросятам шеи и спины, Гошка рассказал Кузяеву, как они с Никиткой отпаивали дохляков молоком.

— Мы им и клички всем дали,— сообщил он.— Это вот Лебеденок, это Вьюн, это Черныш...

— Чудо прямо, воскресение из мертвых,— сказал Кузяев и подозвал к себе ребят.— Ну и головастые же вы, до чего додумались! Быть вам с премией за таких «шпитомцев».

— А какая премия, дядя Ефим! — заинтересовался Борька.

— Каждому по свиному хрящику, не меньше,— отшутился Кузяев.— Ладно, народец, я вас не обижу, будут вам подарки, будут...

— Дядя Ефим, а еще на ферме дохляки найдутся! — разошелся Гошка.— Мы можем всех к себе забрать... Отпоим, вырастим...

— Чего, чего, а этого добра хватит,— ухмыльнулся Кузяев.— Вот это подмога будет, это выручка...

На другой день он передал пионерам еще двух поросят, потом еще и еще. Вскоре в закутке Шараповых их набралось четырнадцать штук.

— Только, чур, помалкивайте о своих «шпитомцах»,— предупредил Кузяев ребят.— Тихо работайте, без огласки... Потом к Первому мая вы колхозу подарок поднесете... В честь, так сказать, международного дня труда и весны...

Ребятам, особенно Борьке Покатилову, такая затея понравилась. Борька даже представил себе, как в канун майского праздника в сельском клубе на торжественном собрании будут рапортовать о своих успехах доярки, полеводы, свинарки, птичницы. Потом на сцену выйдет он, звеньевой третьего звена Борька Покатилов, и передаст Кузяеву визжащих поросят: «А мы, пионеры, спасли четырнадцать списанных, забракованных дохляков. Передаем их на колхозную свиноферму». А кругом музыка, аплодисменты...

— Так, значит, молчок! — еще раз спросил ребят Кузяев.— Все в тайне держать будете! Договорились!

— Договорились,— кивнул за всех Гошка.

— Зачем же секретничать,— заспорила было Александра.— Дело общее, артельное.

— Ничего, ничего,— отмахнулся Кузяев.— Ребятня, она секреты, загадки любит. От этого только запала в работе больше...

РОДНОЙ ДЯДЯ

Утром, чуть свет, без стука распахнулась осевшая дверь, и в избу по-хозяйски вошел Ефим Кузяев.

Гошка, его младшая сестренка Клава и братишка Миша в ожидании завтрака сидели за столом. Мать поставила перед ними чугунок с дымящейся картошкой, запотевшую крынку с молоком.

— Завтракайте — и марш в школу,— сказала она.— А мне на ферму пора.

— Заправляйтесь, едоки-хлебоеды.— Кузяев покосился на чугунок с картошкой, на ребят.— А не густо у вас на столе, не велики разносолы.— И он поставил на лавку небольшой кузовок.

Потом прошелся по избе, потрогал еще не нагревшуюся печь, посмотрел на отсыревший угол, на заткнутое тряпкой окно, откуда тянуло холодом, и покачал головой:

— Да-а, неказисто у вас, холодновато... Опять, значит, без дров сидите...

Кузяев достал из кузовка увесистый кусок свинины.

Кузяев был родным братом Гошкиной матери. После смерти отца он помогал семье Шараповых. Приносил хлеб, мясо, раздобывал дрова, сено для коровы, ссужал Александру деньгами.

Опекал он и ребятишек. Гошку наставлял уму-разуму, поучал, как надо жить: не зевать, не упускать своего, быть оборотистым, смекалистым.

— Это как ваш Митька? — спросил его однажды Гошка.

— А что ж... парень он дошлый, держись за него... Такого не затрут, не затопчут.

За шумливый нрав, за горячность и вспыльчивость Кузяев нередко поругивал Гошку, а за озорство иногда пребольно драл за уши.

— Это я по-родственному, для твоей же пользы,— говорил обычно Ефим.— Имею на то полное право.

Гошка злился, а мать грустно усмехалась:

— Потерпи, дурачок... Он ведь не чужой нам, дядя-то Ефим. Как бы мы без него-то жили...

Но Гошке от таких слов было не легче. И когда Кузяев приходил к ним с подарками, Гошка старался поскорее уйти из дома. Вот и сейчас он вылез из-за стола и принялся собираться в школу.

Книжки и тетради оказались под кузовком. Гошка сердито отодвинул его.

— Это чего? — спросил он.

Кузяев достал из кузовка увесистый кусок парной свинины и протянул сестре.

Александра замахала руками и растерянно отступила к печке.

— Опять ты, Ефим, за свое... Не приму я.

— Бери, бери, сгодится.— Кузяев положил свинину на лавку.— Вон у тебя орава какая. Щей им со свининой наваришь, картошки нажаришь со шкварками.

— Откуда же такая жирная?

— Да хряка пришлось прикончить... Ваську. Помнишь, что ногу на днях сломал? — пояснил Кузяев.

— Это племенного-то? — ахнула Александра.— Неужто вылечить было нельзя?

— Не удалось... начальство порешить приказало. Да ты не сумлевайся. Все по закону сделано. А свинина — это тебе вроде аванса на трудодни...

Гошка испытующе посмотрел на мать: возьмет или нет?

Александра молчала.

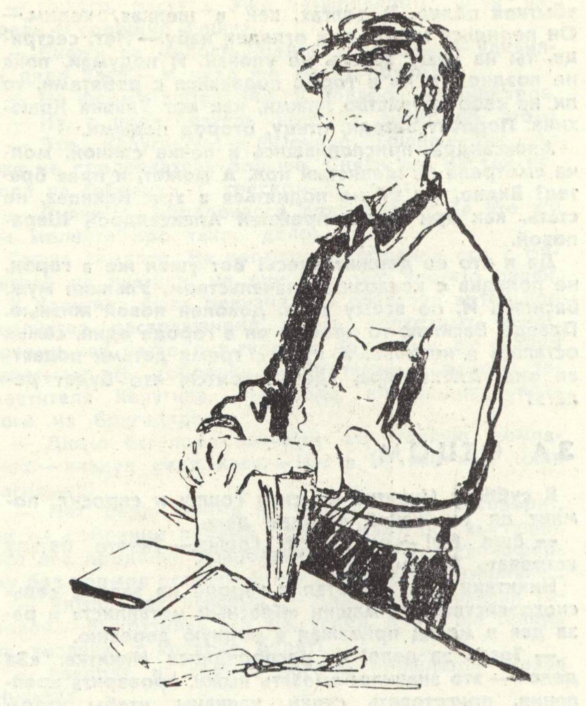
Гошка достал свою заветную тетрадку и, присев к столу, принялся что-то писать.

— Ты чего это строчишь там? — полюбопытствовал Кузяев.

— Дневник веду, дядя. Хотите, почитаю? «На ферме сломал ногу породистый хряк Васька. Начальство приказало его порешить». Правильно? Без вранья? Все ведь с ваших слов записано... А вот чего я позавчера записал: «Сегодня заведующий свинофермой Кузяев словил поросенка, который покрупнее, сунул в мешок и отнес его председателю колхоза. А мамке сказал, что это по распоряжению начальства: приехали какие-то гости из района, их надо угостить».

— Погоди, племяш, погоди! Зачем же писать об этом? — опешил Ефим.— Дело это свое, хозяйское, никого не касается...— Он пристально вгляделся в Гошку.— Ты что же, родная душа? Я тебя на ферму допустил, а ты, значит, ходишь, высматриваешь да в тетрадочку все заносишь!.. Уж не ты ли в комсомольской стеннушке всякие пакости строчишь?

— А что? — вспыхнул Гошка.— Разве там неправда какая?

— Ну и бери свинину, бери! — взорвался Гошка.— Принимай подачки!

Честно говоря, сам он в комсомольскую стенгазету ни о чем не писал, но свой дневник показывал Стеше Можаевой, члену редколлегии.

Стеша с интересом просматривала Гошкины записи.

— Ну и дела! — говорила она.— Это надо обнародовать!

И в стенгазете появились острые заметки о непорядках на ферме.

— Вот оно как! — развел руками Кузяев.— В своей же семье и зловредничаешь... На родного дядю тень наводишь... А того не понимаешь, что я тоже не велик хозяин на ферме. Надо мной и повыше начальство есть. Как прикажут, так и делаю. Вот хоть с хряком этим... Распорядился председатель, и пришлось прикончить... Александра! — обратился он к сестре.— Ты уйми своего писаку, внуши ему...

— Ты слушай, сынок, слушай,— растерянно заговорила мать.— Ефим же нам добра желает...

— Ну и бери свинину, бери! — взорвался Гошка.— Принимай подачки!..— И, схватив портфель с книгами, он выскочил за дверь. Вслед за ним ушли в школу Клава и Мишка.

— Взрывной он у тебя,— покачав головой, сказал Ефим.— Так и полыхает.

— Будешь тут полыхать,— вздохнула Александра.— Мальчишке правды хочется, доброго да хорошего, а кругом обман один, бестолковщина...

— Чего-чего, а этого хватает,— согласился Кузяев.

— Кормов на ферме в обрез, поросята тощают, свинарки от работы отказываются,— продолжала Александра.— Сколько раз я тебя просила, хоть бы навоз из свинарника вывезли да воду по трубам провели. Замучились мы ведрами-то воду таскать... Сил больше нету.

— А на какие все это шиши делать прикажете? — спросил Ефим.— Доходов у колхоза кот наплакал, а

убытков полно. В долгах, как в шелках, ходим.— Он поднялся и еще раз оглядел избу.— Нет, сестрица, ты на нашу артель не уповай. И подумай, пока не поздно. То ли в город подавайся с ребятами, то ли на свое хозяйство нажми, как вот Ульяна Краюхина. Поросят заведи, птицу, огород подыми.

Александра, прислонившись к печке спиной, молча смотрела на щелястый пол. А может, и прав братец? Видно, уж ей не подняться в этих Клинцах, не стать, как при муже, прежней Александрой Шараповой.

Да и что ее держит здесь? Вот ушел же в город, не поладив с колхозным начальством, Ульянин муж, Василий. И, по всему судя, доволен новой жизнью. Правда, Василию-то просто: он в городе один, семья осталась в колхозе. А куда с тремя детьми подастся она, Александра, где устроится, что будет делать?

ЗА ОТЦОМ

В субботу Никитка отыскал Гошку и спросил, помнит ли он, какой сегодня день.

— Еще бы! — отозвался Гошка.— Твоего батьку встречать будем.

Никиткин отец работал в городе на заводе сельскохозяйственных машин «Красный металлист» и раза два в месяц приезжал в родную деревню.

— Тогда за дело! — распорядился Никитка. «За дело» — это значило: смазать лыжи, проверить крепления, приготовить силки, капканы, чтобы утром чуть свет отправиться на охоту. Ни с кем и никогда ребятам не бывало так хорошо, как на охоте с дядей Васей. Он знал все заповедные места в округе, умел читать заячьи и лисьи следы, показывал ребятам, где и как надо ставить силки и ловушки. И хоть невелика была добыча — всего какая-нибудь пара зайчишек на всю компанию, но ребята надолго запоминали такие вылазки. А летом дядя Вася водил их на рыбалку, за грибами, за ягодами. Клинцовские мальчишки прямо-таки сгорали от зависти, но Никитка всем говорил, что ни зайцы, ни рыба, ни грибы больших артелей не любят, и никого к себе не принимал.

Приготовив к утру все, что нужно было для охоты, Гошка с Никиткой на лыжах отправились встречать дядю Васю. Ребята уже заранее знали, как все это произойдет.

Они побегут на лыжах по хрустящему насту вдоль обочины шоссейной дороги и будут зорко смотреть на все встречные грузовики. В кузове одного из них они, конечно, увидят дядю Васю. Тот постучит кулаком по крыше кабины, грузовик остановится, Гошка с Никиткой заберутся в кузов и вместе с дядей Васей доедут до Клинцов.

Для Никитки приезд отца всегда был большим праздником. Отец привезет подарки, дома, за чаем, будет много разговоров, а утром они пойдут на охоту.

Да и Гошка с радостью встречал Никиткиного отца. Дядя Вася хоть и не родня ему, но, пожалуй, дороже родного. Он был большим другом умершего два года тому назад Гошкиного отца. С дядей Васей можно поговорить по душам, он всегда внимательно выслушает, даст совет.

Мальчишки пробежали на лыжах километра три и пропустили уже не один грузовик. В кузовах машин сидели какие-то люди, Гошка с Никиткой на всякий случай заранее начинали махать руками, но грузовики, гремя и подпрыгивая на вытаявших крупных булыжинах шоссейки, пролетали мимо.

Сумерки синели, сгущались, из низины поднимался молочный туман. Прошло еще несколько грузовиков, а дяди Васи все не было.

— Наверное, у тятьки работа срочная... В ночную смену остался,— вслух подумал Никитка, замедляя шаг.— Пошли по домам, пожалуй...

— А кто он там на заводе-то, тятька твой? — спросил Гошка.— Слесарь, токарь?

— Я ж тебе говорил: слесарь-сборщик,— пояснил Никитка.— Жатки собирает, косилки, сеялки...

— А чего дядя Вася в город ушел? — допытывался Гошка.— Почему он в колхозе не живет?

— Ты же знаешь, что он с Калугиным не поладил. Вот и ушел.

— Так это когда было-то. А теперь мог бы домой попроситься, в колхоз. Знаешь, как хорошо было бы... И ты всегда с ним вместе, и на охоту ходи хоть каждый день...

— Знамо дело, хорошо,— вздохнув, согласился Никитка.— Только его не отпустят... Без тятьки там никак не могут, зараз все остановится.

— Вот и тятька! Я же говорил, что встретим! — вскриннул Никитка и побежал к грузовику.

Ребята неохотно повернули к дому, но тут один из грузовиков с зажженными фарами прижался к самой обочине дороги. В кузове поднялся мужчина в стеганом ватнике и замахал мальчишкам рукой.

— Вот и тятька!.. Я ж говорил, что встретим! — вскрикнул Никитка и, сняв лыжи, перепрыгнул через дорожную канаву. Не отстал от него и Гошка.

Дядя Вася помог мальчишкам забраться в кузов, постучал по крыше кабины, и машина тронулась.

Никитка с Гошкой уселись на дне кузова рядом с дядей Васей.

Рослый, сильный, в чесаных белых валенках, в шапке-кубанке, с серым верхом, он казался совсем еще молодым. Усы были аккуратно подстрижены, щеки и подбородок выбриты до синевы.

«Видать, хорошо живется, сытно»,— подумал Гошка.

Впереди, у самой кабины, сидел на большом рыжем чемодане сухощавый, средних лет мужчина в кепке и легком бобриковом пальто.

Рядом с ним лежал кто-то закутанный, словно кукла, в клетчатый платок и старый дубленый полушубок — не то девочка, не то мальчик. Сквозь щелочку в платке выглядывал только кончик розового носа да задорно поблескивали глаза.

Мужчина наклонился к «кукле» и вполголоса спросил:

— Ну как, птица-синица, не замерзла еще! Оттаивать тебя не придется!..

«Кукла» что-то пискнула и пошевелилась, пытаясь выбраться из полушубка, но мужчина закутал ее еще крепче.

«И впрямь, синица заморская, мерзлячка,— подумал Гошка.— Куда ее только везут такую!» — И, жуя вкусную баранку, преподнесенную ему дядей Васей, сделал вид, что совсем ему не холодно, и перестал растирать ухо, хотя мороз заметно крепчал.

ДЕВЯТЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

— А теперь рассказывайте, какие дела в колхозе,— обратился к ребятам дядя Вася.— Что на ферме!

Хотя Никиткин отец после ухода в город считал себя вольным казаком, не подвластным колхозу человеком, но все же он продолжал интересоваться артельными делами и каждый свой приезд домой подолгу ходил по колхозу и беседовал с людьми.

И Гошка с Никиткой всегда были первыми, кто встречал дядю Васю и с удовольствием рассказывал ему о колхозных новостях.

— А что ж на ферме,— заговорил Гошка.— Работают мамки, ишачат...

— Это как то есть «ишачат»! — переспросил мужчина в бобриковом пальто.

— А так вот... Крутятся целый день на ферме с поросятами, и почти что задарма. Уже весна скоро, а мамки на трудные дни ни шиша еще не получили...

— «Трудные дни» — это, значит, трудодни! — вновь переспросил мужчина.— Ничего не скажешь— метко. Это вы сами придумали!

— Зачем сами,— ответил Гошка.— У нас все их так называют.

— Ребятишки вам наговорят — только слушайте,— заметил дядя Вася и, желая переменить тему разговора, спросил ребят, как поживают их «шпитомцы».

— Ничего, растут... Уже четырнадцать штук набрали,— сообщил Гошка.

— Скажи на милость, целое поголовье,— удивился дядя Вася.— И куда же вы их потом!

— На ферму передадим. В подарок от пионеров.

— Ну, а председатель колхоза знает об этом!

— Это Калугин-то! — фыркнул Гошка.— Так он уже не председатель больше. Сняли его на той неделе на собрании. С треском да свистом...

— Сняли!! — обрадовался дядя Вася.— Да что же вы молчите про такое дело...

Гошка замялся. На колхозное собрание его с Никиткой не пустили, но они все же кое-что знали. У Калугина была ревизия. Он развалил артельное хозяйство, растранжирил много колхозных денег, потому как часто пил-гулял с дружками да сладко закусывал. На собрании сняли также с работы заместителя Калугина, счетовода, кладовщика, коекого из бригадиров...

— Давно бы пора вымести эту теплую компанию,— кивнул дядя Вася.— Ну, а Кузяев как, тоже загремел!

— Нет, дядю Ефима не тронули. Мамка говорит, он на собрании первый против Калугина выступил. Все его проделки разоблачил. И как тот свиноферму без кормов оставил, и как поросят разбазаривал...

— Хитер, бес лукавый...— Дядя Вася покачал головой.— Выкрутился все же, успел. А кто же теперь за хозяина в колхозе будет!

— Говорят, из города кого-то пришлют,— сказал Никитка.

— По счету девятый, значит,— вздохнул дядя Вася.— Будет ли толк! Как в Клинцах-то судят!

— Да по-разному,— отозвался Гошка.— Одни говорят, он честный и дело понимает. А другие — сердитый очень, все криком берет, приказом. И зашибать любит. Не хуже восьмого. Без поллитра в день не обходится.

— А еще сказывают,— добавил Никитка,— семья у него в городе и квартира с ванной. Так он только наездом в колхозе жить будет, как дачник.

— Слыхали, мил-человек! — Дядя Вася обернулся к мужчине в бобриковом пальто, как видно, продолжая разговор, начатый еще до ребят.— Ну, что тут скажешь... Не везет нашим Клинцам. Никак колхоз на ноги встать не может. Чуть только оправится — и опять его под корень валят. А все почему — головы самостоятельной нет, хозяина. Чтоб тот дело свое понимал, душой за него болел. Вот люди и уходят из артели.

— Председатель колхоза — дело, конечно, большое,— негромко ответил мужчина в бобриковом пальто,— но и с членов артели спрос тоже немалый. И бежать из колхоза на легкие хлеба, бросать свое кровное — честь невелика. Не так ли, Василий Егорыч!

— Погодите, мил-человек. Да мы вроде и не знакомились. Откуда же вам знать меня!

— Как же мне не знать старшину Краюхина! Три года войны... стрелковая рота... Курская дуга.

Дядя Вася подался вперед.

— Товарищ старший лейтенант! Николай Иваныч! — вскрикнул он.— Вы ли это!.. Вот не признал... Едем, болтаем себе... Ну, и встреча...

— Я, Василий Егорыч, я...

Гошка с Никиткой во все глаза смотрели, как два взрослых человека обнимались и хлопали друг друга по плечам. Такие встречи случаются не каждый день...

Вскоре грузовик, затормозив, остановился около правления Клинцовского колхоза.

— Ну вот и приехали,— объявил Николай Иванович и первым спрыгнул на землю.

— А вы куда, собственно! К кому! — спросил озадаченный дядя Вася.

— Сюда... в Клинцы.— Николай Иванович кивнул на деревню.— Я ведь тот самый, кого ребята так расписали... девятый председатель! А это моя дочка, Елькой зовут,— показал он на «куклу» в тулупе.

Потом достал из кузова узлы и чемоданы и поставил их на землю. В ту же минуту из тулупа вы-

— Я ведь тот самый девятый председатель.

нырнула «кукла» — это действительно была девочка в короткой заячьей шубке и лыжных штанах. Раскинув руки, она прыгнула с грузовика в объятия отцу.

— Очень приятно,— забормотал дядя Вася, вместе с ребятами вылезая из грузовика.— Значит, в наши края приехали... А на ребят не серчайте. Они по глупости чего не наболтают.

— Ну, что ж тут обижаться... Значит, такие слухи ходят...

— А вот и неправильно все.— Девочка обернулась к Никитке и Гошке.— И совсем мой папка не зашибает. Вот ни столечко. И кричать он не любит. И нечего вам всякие сплетни собирать...

— Что ж ты так сразу напустилась на них,— остановил ее Николай Иванович.— Успеете еще, разберетесь. Давай-ка вещи таскать.

Подхватив узел, девочка пошла вслед за отцом. Дядя Вася с ребятами направился в другой конец деревни.

НОВЕНЬКАЯ

Вскоре после того, как Николай Иванович с дочерью поселился в Клинцах, к ним зашел Митька Кузяев.

— Я знаю, ты в нашем классе будешь учиться. В пятом...— сказал он Ельке, вызвав ее за дверь.— Давай я тебя в школу провожу.

— Я и сама дорогу найду.

— А знаешь, какие у нас собаки на улице злые!

— Я хлеба возьму...

— И мальчишки могут пристать. Они у нас такие.

— Я мальчишек не боюсь.

— Все равно, держись за меня,— упрямо твердил Митяй.— Со мной не пропадешь.

Елька окинула взглядом сбитую, рослую фигуру Митяя.

— Ты ничего... упитанный. Спортом занимаешься! Да!

— Ага...— улыбнулся Митяй.— Бегаю, плаваю. Гирю могу выжимать...

Потом Елька принялась расспрашивать о пятом классе: кто из учеников самый сильный и слабый, смелый и трусливый, добрый и злой.

— Хвастать не буду,— Митяй погладил мускулы на руках,— но пока я всех перебарываю. Насчет слабого это, наверно, Никитка Краюхин. Он всем уступает. Добрых ребят у нас мало. А вот кто злой — так это Гошка Шарапов. На всех кидается...

— Это какой Гошка! — оживилась Елька.— Александры Шараповой сын! Свинарки!

— Он... А ты откуда знаешь его мать! — удивился Митька.

— Знаю,— сказала Елька.— А Гошка этот... он с ребятами поросят выращивает... Подарок колхозу готовят.

— Забавляются, «поросячьи хвостики»,— отмахнулся Митяй.— Делать им нечего...

— Что ты! Это очень интересно,— заявила Елька и попросила познакомить ее с Гошкиной компанией.

— Еще чего! — буркнул было Митяй, но вспомнив наказ отца подружиться с председателевой дочкой, повел ее к Шараповым.

Гошка, Никитка и Борька только что подогрели молоко для «шпитомцев», когда в избу неожиданно ввалился Митяй. Вслед за ним вошла девочка в короткой заячьей шубке, в синих лыжных штанах и пушистой вязаной шапочке. Из-под шапочки торчали жесткие косички, похожие на закругленные рожки молодого барашка.

— Вот,— кивнул Митяй на заячью шубку.— Дочка нового председателя Карасева. В нашем классе будет учиться.

— Здравствуйте! — тряхнув косичками, сказала девочка.— Меня зовут Нелли, Нелька, а проще всего Елька. А вас как!

Помявшись, мальчики назвали свои имена.

Елька улыбнулась и покосилась на бутылочки с молоком.

— «Шпитомцев» поить будете! Да! Где они у вас, покажите!

Гошка нахмурился.

— Каких «шпитомцев»!

— Ну, ну, не хитри...— Елька погрозила ему пальцем.— Помнишь, в машине вместе ехали. Я все слышала...

Гошка переглянулся с Никиткой и прикусил язык.

— Чего уж там! — махнул рукой Борька.— Показывайте, раз проболтались.

— Не бойтесь, я вас не выдам. Раз тайна, это

очень интересно.— И она принялась рассказывать, как пионеры их городской школы ходили в пригородный совхоз и помогали телятницам и свинаркам. Она, Елька, с подружками ухаживала за поросятами, кормила их, чистила, даже получила за хорошую упитанность молодняка благодарность от заведующего фермой. Так что ребята могут смело взять ее в свою компанию.

— Вот хоть сейчас проверьте... Давайте, я «шпитомцев» покормлю,— заявила Елька, взяв у Гошки бутылочку с молоком.

Пришлось мальчишкам показать девочке своих поросят.

И верно, Елька довольно ловко управлялась с ними. Ласково разговаривала с поросятами, чесала им спины, шеи; у особенно нахальных вовремя отбирала соску.

— Да они же у вас крепенькие, резвые,— похвалила Елька «шпитомцев».-Им пора уже кисели готовить, кашу. И минеральную подкормку надо давать.

— А ничего девчонка... дело понимает,— шепнул Борька ребятам.— Может, примем ее к себе!

— Примем, коли так,— кивнул Гошка.

— А знаете, чего я вам привезла! — сказала Елька мальчишкам, когда, покормив поросят, все вернулись в избу.

Она вытащила из кармана бумажный сверток, сорвала с него веревочку и принялась раскладывать на столе пожелтевшие газетные вырезки. Были тут и статьи о делах и людях Клинцовского колхоза, и очерки, и короткие заметки, и фотографии отдельных колхозников.

— Это все пионеры нашего звена собрали, когда узнали, что я с папой в деревню еду,— пояснила девочка.— Все газеты передали. Ты, говорят, Елька, должна знать, куда едешь. Какие там люди в Клинцах, что они делают, чем славятся...— Елька подтолкнула ребят к столу.— А может, мы в школе уголок откроем... «Люди нашего колхоза»... Пусть ходят все, смотрят, учатся. Посмотрите, какой снимок. И подпись под ним: «Лучшая свинарка колхоза Клинцы Александра Степановна Шарапова». А вот и статья про нее. Гоша, это ведь мама твоя!

Мальчишка долго рассматривает тусклую газетную фотографию.

— Только это когда было-то! — заметил Борька.— Еще при шестом председателе, а сейчас в нашем колхозе уже девятый...

— А вот еще снимок,— не унималась Елька.— Два дяденьки у трактора, а им знамя подносят. Руки жмут, поздравляют.— Она с трудом разобрала надпись над снимком: «В районном соревновании первое место завоевали механизаторы колхоза Клинцы Павел Григорьевич Шарапов и Василий Егорыч Краюхин».

Мальчишки, отведя глаза в сторону, молчали.

— Да вы что, как воды в рот набрали! — удивилась Елька и обернулась к Гошке.— Шарапов, это твой папа!

— Отец,— кивнул Борька.— Только его... похоронили в позапрошлом году... А дядя Вася Краюхин в город ушел.

— Вот как,— в замешательстве пробормотала Елька.— Я не знала...

— Так вот знай! — вырвалось у Гошки.— Нечего тут старину ворошить. Забирай свои бумажки...— Он торопливо собрал со стола газетные вырезки, сунул их в руки девочки.

— Ну, чего ты, Гоша, чего! — попытался остановить его Никитка.— Никакой тут обиды нет... Все ж так и было...

Но, увидев глаза приятеля, он понял, что с Гошкой сейчас лучше не разговаривать.

Никитка кивнул Борьке с Елькой, и ребята поспешно вышли за дверь.

А Гошка остановился у комода, выдвинул средний ящик и принялся вытаскивать из-под белья почетные грамоты отца и матери, газетные вырезки, дипломы сельскохозяйственных выставок, фотографии — весь семейный архив.

Вот отец с матерью, совсем еще молодые, сняты на курсах трактористов; вот мать на сельскохозяйственной выставке, в городке животноводства; вот отец мчится полевой дорогой на мотоцикле — тогда он работал бригадиром тракторной бригады. А рядом с ним в коляске сидит он, Гошка...

Это был добрый мотоцикл. Отец купил его за полцены — разбитый, изношенный,— починил своими руками, покрасил в ядовито-зеленый цвет, и

— Да они же у вас крепенькие, резвые,— похвалила Елька «шпитомцев».

«конек-горбунок», как прозвали в колхозе шараповскую тарахтелку, с бешеной скоростью стал носиться по полевым дорогам.

Мчишься, бывало, на «коньке-горбунке» полевой дорогой, ветер бьет в лицо, придорожная трава хлещет по стенкам коляски, сизая пыль встает за мотоциклом плотной дымовой завесой. Мелькают деревни, полевые станы, тракторные будки, подводы, коровы на лугу, а Гошка сидит, словно в кино, на самом лучшем месте. Попробуй кто-нибудь из мальчишек обойти все эти места своими ногами — никаких сил не хватит.

Но самое интересное еще впереди — в тракторной бригаде.

Пока отец чинит разладившийся мотор или меняет какую-нибудь часть, можно потолкаться среди трактористов, послушать их разговоры, узнать, кто сегодня вышел на первое место, а кто застрял в борозде или допустил пережог горючего.

А бывали совсем счастливые дни, когда отец сам садился за руль трактора, брал вместе с собой в кабину Гошку, и они до позднего вечера бороздили по полю.

Каким же неописуемо вкусным казался после этого борщ в полевом стане! Дома никогда такого борща почему-то не бывало. Гошка съедал полную алюминиевую миску, живот его становился тугим, как пионерский барабан, но он храбро просил добавки.

— Ешь, дитя полей, заправляйся,— смеялась стряпуха.

Проведя в тракторных бригадах вместе с отцом иногда несколько дней, Гошка возвращался домой пропечённый солнцем, пропахший керосином, с масляными пятнами на рубахе, с бурой шеей и черными руками.

— Вижу, вижу, мы тоже пахали,— качала головой мать.— Грязи и копоти на десятерых трактористов хватит.— И, сунув сыну в руки чистое белье, мочалку и мыло, она прогоняла его на речку мыться.

Гошка не раз слышал, как мать высказывала отцу свои обиды: ему, мол, хорошо в поле, у него машины, моторы, железные помощники, а каково им, свинаркам на ферме, где все делается вручную: качай воду из колодца, носи ее ведрами, лопатой вычищай навоз, охапками разноси корма по кормушкам. Неужто ничего придумать нельзя!

И отец стал частенько заглядывать на ферму. Он осматривал помещение, замерял его рулеткой, потом чертил что-то на большом листе бумаги, производил расчеты.

— Сделаем, Саша. Трактористы все могут,— сказал он как-то жене.— Моторы на ферме поставим, воду проведем по трубам, корма на вагонетках будете развозить... Вот только наше правление надо раскачать...

Но сделать отец ничего не успел.

Осенью он простудился, заболел, и его отвезли в больницу. Оттуда он уже не вышел. А отцовские чертежи и планы так и остались лежать в правлении колхоза.

ПРИМУСНЫЕ ИГОЛКИ

Примус никак не хотел разгораться.

Елька изо всех сил накачивала его и подносила к головке примуса зажженную спичку.

С угрожающим шумом вспыхивал венчик огня, распускался пышным оранжево-голубым цветком, но потом вдруг сникал, начиная моргать, потухал, и комната наполнялась вонючим синеватым чадом.

С ужасом поглядев на сковородку с ломтиками сырой картошки, Елька вновь принялась накачивать примус: отец вот-вот придет завтракать.

Когда Елька ехала с отцом в деревню, ей казалось, что все будет хорошо и необыкновенно.

Утром они вместе готовят завтрак, потом Елька уходит в школу, а отец отправляется в правление колхоза. Он наряжает бригадиров на работу, объезжает на машине все поля и фермы, проверяет, как идет работа.

В обед они встречаются снова, вечером ходят вместе в кино, слушают радио, вместе читают книги. А еще они с отцом часто будут выбираться в лес, в поле, на речку: Елька очень любит природу и хочет многое узнать о травах, о птицах, о деревьях.

А потом, когда вернется из экспедиции мама, они будут жить втроем.

Но в деревне все оказалось иначе.

Отец с утра до вечера пропадал в правлении, на фермах, в мастерской. Его будили даже ночью. То и дело приходили к нему бригадиры, животноводы, механизаторы, требовали кормов для скота, покрышки для грузовиков, запасные части к тракторам.

Отец писал письма, звонил по телефону, ездил в район, связывался с соседними колхозами, с заводом-шефом.

Он так уставал за день, что, возвращаясь поздно вечером на квартиру, нередко засыпал в одежде, и Ельке приходилось стаскивать с него сапоги.

Заниматься домашним хозяйством отцу, конечно, было некогда, и все заботы легли на плечи Ельки. Без привычки у нее все не ладилось: то что-нибудь пересолит, то пережарит или недожарит.

Да вот еще этот проклятый примус...

Примус никак не хотел разгораться.

Из соседней комнаты выглянула Таня Покатилова, приземистая скуластая девочка с густым смуглым румянцем на щеках, дочка хозяйки дома, у которой Карасевы снимали квартиру.

— Ну и начадила ты...— Таня открыла форточку и кинула взгляд на сковородку на примусе.— И чего ты, Елька, изводишь себя! Пусть твой отец только распорядится, и все у вас будет: и продукты из колхозной кладовой, и завтрак с обедом вам приготовят. Прежние председатели все так делали.

— Нет, нет...— поспешно сказала Елька.— Мы с папой сами все можем... и всего у нас хватает.

— Так уж и хватает,— усмехнулась Таня.— А ты знаешь, что в колхозе говорят... не заживется у нас Николай Иваныч, раз по трудодням получать согласился.

— Почему это не заживется! — обиделась Елька.— Он же слово дал, что никуда не уедет, пока трудодень богатым не станет. А папа болтать не любит...

— Это когда-то да что-то,— вздохнула Таня.— А пока на «трудный день» шиш с маслом приходится. А может, и не сбежит,— задумчиво продолжала Таня.— Про Николая Иваныча в деревне еще и по-другому говорят. Видать, смелый он, шибко партийный, если за наш колхоз взялся...

Елька потупилась и, ничего не ответив, принялась вновь накачивать примус.

— Хватит тебе, еще взорвется,— предупредила Таня.— Надо иголкой прочистить... Смотри-ка, Николай Иваныч идет! — вскрикнула вдруг Таня, глянув в окно на улицу.— Чем ты его кормить будешь! — Она схватила с примуса сковородку с недожаренной картошкой и убежала на другую половину избы.

В комнату вошел Елькин отец. Сбросил пальто и потер озябшие руки.

— А ну, молодая хозяйка, корми скорее. Я здорово проголодался.— Он принюхался к чадному воздуху.— Совсем, значит, техника отказала! — Покосился на примус.— Ну что ж, обойдемся без горячего. Ждать мне сегодня некогда...

— Сейчас, сейчас... все будет готово,— сконфуженно забормотала Елька.

Николай Иванович попил холодного молока с хлебом, оделся, собрал какие-то бумаги и, прежде чем выйти за дверь, пристально посмотрел на Ельку.

— Слушай, дочка... По всему видно, не получается у нас домашнее хозяйство. Может, тебе лучше в город вернуться! Поживешь в школе-интернате до приезда матери, а там видно будет.— Елька прикусила губу. Как же так! Она ведь твердо решила, что едет с отцом в деревню, будет ему во всем помогать. А как хорошо проводили ее ребята из городской школы! И вдруг — вернуться в город, оставить отца!

— Нет, я лучше никуда не поеду,— упрямо сказала Елька.— Это все примус виноват... Надо иголок купить... А готовить я научусь, вот увидишь.

— Ну, если дело только в примусе — тогда сдаюсь,— невесело улыбнулся отец.— Эту технику мы уж как-нибудь освоим.

Не успел Николай Иванович уйти, как в комнату вошла мать Тани, Катерина, держа в руках сковородку с жареной картошкой.

— Поешьте, Николай Иваныч... Чего вы с дочкой всухомятку перебиваетесь — непорядок это. И чай у нас берите без стеснения и печкой можете пользоваться.

Николай Иванович снял пальто и, подмигнув Ельке, сел за стол.

— Позавтракаем еще раз, коли так.— И он попросил Танину мать взять его с дочкой на довольствие — готовить им обеды и завтраки. Временно, конечно. Придет срок, и у них в колхозе будет столовая.

— Это можно,— согласилась Катерина и обратилась к председателю.— Вас-то мы накормим и напоим, только и вы про людей не забудьте. Встряхните их, на ноги поставьте...

ПЕРВЫЕ ШАГИ

С этого дня Ельке стало легче: она больше не мучилась с завтраками и обедами.

Но забот у Ельки не убавилось. Отец то и дело посылал ее оповестить членов правления о заседании, отыскать кого-либо в колхозе, передать какие-нибудь поручения.

Не отставала от Ельки и Таня. Еще бы, у них в доме живет новый председатель, который так непохож на прошлого! Он не пьет с дружками, не пропадает неделями в городе. Ходит по бригадам, по фермам, знакомится с людьми. На двери правления сняли табличку «Прием от... и до...», как это было при старом председателе.

А по вечерам новый председатель нередко приглашал к себе на квартиру колхозников и советовался с ними, как жить колхозу дальше.

Колхозники шумели, горячились, спорили до хрипоты.

В такие вечера Елька с Таней прямо-таки сбивались с ног. Они то и дело подогревали ведерный самовар и без конца поили собравшихся чаем.

Прошло несколько дней, и Николай Иванович, собрав молодежь на субботник, отремонтировал и утеплил скотные дворы. Горы навоза, накопившиеся около коровников, были вывезены на поля. На болоте Николай Иванович разыскал залежи торфа и решил использовать его для удобрения. По дворам начали собирать золу и куриный помет.

Колхозных лошадей, которые зимой ничего не делали, Николай Иванович отправил в извоз. У конюха кончилась тихая, покойная жизнь, он стал бригадиром возчиков, которые за плату стали доставлять товары из города для сельпо.

Видя, что к их советам прислушиваются, колхозники все чаще и чаще обращались к новому председателю.

По их подсказке Николай Иванович организовал в артели бондарную мастерскую, в которой стали делать на продажу кадки, ушаты, бочки. Потом председатель купил пилораму, пустил ее в ход. За первые же недели она принесла колхозу несколько тысяч рублей доходу.

Как-то раз Николай Иванович зашел в свинарник к Александре и Ульяне. Поздоровался с ними и с Гошкой и Никиткой, которые помогали матерям.

— Ишь какой вежливый...— буркнула Ульяна.— Сначала-то они все такие.

Когда председатель сказал, что правление будет выплачивать им дополнительную оплату за сохранение поголовья, Ульяна заметила:

— Были такие посулы и раньше. А из каких доходов, спрашивается!

— Есть кое-какие доходы для начала, да и государство нам ссуду дает,— сказал Николай Иванович.— Ведь вы хорошо работали, Александра Степановна, ничего не скажешь.

— Так это ж когда было-то... А теперь вон куда скатились и зацепиться не за что.

— А зацепиться надо. Главное — животноводство вытянуть. Вот правление и вынесло постановление: прикупить в соседних колхозах поросят зимнего приплода.

Ульяна с недоумением переглянулась с Александрой.

— Понимаю, трудно будет,— сказал председатель.— Но без свинофермы нам колхоз на ноги не поставить. И я к вам вот зачем зашел. Поедемте завтра со мной по соседям. Вы и свинарки опытные, толк в поросятах понимаете, поможете мне отобрать поросят получше.

— Совсем он, совсем рехнулся,— сказала сердито Ульяна, когда председатель ушел.— У нас свои-то поросята каждый год дохнут, а он на зиму глядя чужих покупать собрался.

— А может быть, все-таки поможем ему! — задумчиво заметила Александра.— Видала, как он рьяно за дело берется...

— Ну вот и поезжай с ним,— отмахнулась Ульяна.— Ты у нас податливая. А я не хочу позориться.

И на другой день, когда председатель заехал на подводе за Ульяной, ее не оказалось дома. Никитка сказал, что мать ушла в больницу.

Николай Иванович поехал с Александрой.

Купленных поросят разместили в старых свинарниках, тесных, холодных. Начнись сильные морозы — и поросята замерзнут. Построить новые свинарники колхоз сейчас не мог: не было ни леса, ни рабочих рук, ни времени.

«Да он и впрямь рехнулся,— подумала Александра о новом председателе.— А вдруг морозы грянут... долго ли до беды».

Она сказала о своих сомнениях Николаю Ивановичу.

— Знаю, на что иду, знаю,— сказал председатель.— Я давно на сараи колхозников поглядываю. Вполне подойдут для поросят, если их утеплить. А ведь без дела стоят, пустуют. Вот хоть бы у вас на усадьбе, Александра Степановна...

Александра согласилась: сарай ей не очень нужен.

— Вот тогда и подайте голос, поддержите меня...— попросил Николай Иванович.

На очередном собрании с легкой руки Александры отдали свои сараи и еще несколько колхозников. В них разместили несколько сот поросят.

ОТСТРАНИЛИ

В сумерки, как обычно, Гошка с Никиткой вошли в закуток, чтобы накормить «шпитомцев». Поросята дружной стайкой ринулись к ногам мальчишек. Только один Лебеденок остался лежать на подстилке, в углу. Никитка почмокал губами, позвал поросенка, но Лебеденок не шевельнулся. Никитка подошел к нему, тронул рукой и тут же отдернул ее.

— Гошка, да он же...

Забыв про бутылки с молоком, Гошка кинулся в угол и склонился над Лебеденком, погладил его спину, потрогал скрюченные ноги.

— Да будет тебе,— взмолился Никитка, оттаскивая приятеля от Лебеденка.— Он же околел... не видишь разве!..

Насупившись, Гошка принялся кормить остальных поросят. Но делал он это кое-как: «шпитомцы» сердились, визжали, толкали друг друга, а нахальный Черныш все норовил утащить бутылку с молоком.

«Что же это такое! — раздумывал Гошка.— Неужели обкормили поросенка зеленым овсом! А может, застудили! Вон ведь какие щели в углу закутка».

— Знаешь что,— сказал Никитка,— давай закопаем Лебеденка в овраге. Никто ничего и не узнает.

— Скажешь тоже! — с досадой отмахнулся Гошка.— У Кузяева каждый наш поросенок на учете. А Лебеденка он лучше всех знает.

— Ну, какой с нас спрос! Если бы не мы, «шпитомцы» все равно давно бы подохли,— упорствовал Никитка.

— Ну и придумал,— рассердился Гошка.— Зачем же мы тогда брались! Чтобы в овраг таскать да в землю закапывать...

Гошка кинулся в угол и склонился над Лебеденком, погладил его, потрогал скрюченные ноги.

В закуток заглянула Гошкина мать. Она осмотрела Лебеденка и встревожилась.

— Уж не эпидемия ли какая началась! Надо будет Ефиму сказать, пусть он ветеринара вызовет.

Она ушла, а минут через десять явился Кузяев. Вместе с ним пришел и Борька Покатилов.

Кузяев долго осматривал поросенка, потом спросил Гошку:

— Зеленый овес давал!

— Давал,— признался Гошка.— Я мамку спраши-

вал. Она сказала, понемножку можно... Может, это какая заразная болезнь, ветеринара бы позвать.

— Тут дело и без ветеринара ясное... отравление,— заявил Кузяев.— Я кому говорил: зеленкой поросят не баловать.

— Что вы, дядя,— заспорил Гошка,— мы в книжке читали. Зеленый овес поросятам только на пользу: в нем витамины.

— Хороша польза! — вышел из себя Кузяев.— Какого поросенка загубили... породистого, племенного. Цены ему нет! — Он строго поглядел на Гошку.— А ну-ка, где у тебя замок от хлева!

Гошка протянул Кузяеву замок.

— Нет, не вашего ума дело поросят выхаживать. То недокорм у вас, то перекорм. Так дальше пойдет, всех прикончите. Придется к поросятам другого человека приставить.

Кузяев выбросил из закутка Лебеденка, повесил на дверь замок, запер его и ключ сунул себе в карман. Вот так-то, народец!

— Дядя Ефим,— растерянно забормотал Борька.— А как же наш подарок колхозу! К Первому-то мая!

— Уже поднесли подарочек, спасибо вам,— ухмыльнулся Кузяев и пошел со двора.

Ребята остались одни.

— Вот это дядечка у тебя,— протянул Борька.— Родной, родной, а сурьезный... Вон как распетушился.

Гошка, прикусив губу, смотрел в сторону.

— А может, и впрямь мы не так чего делали...— осторожно заметил Никитка.

— Знамо дело, не так,— хмуро сказал Борька, обернувшись к Гошке.— А все ты виноват. Все сам да сам, не посоветуешься ни с кем. Вот и завалил дело с первомайским подарком... И правильно тебя из свинарей выгнали...

— Меня!! Правильно!! — вспыхнул Гошка.— А я вот докажу... голову на отсечение даю... Я правильно ухаживал, правильно...

Он схватил пустой мешок и завернул в него Лебеденка.

— Закапывать потащишь! Да! — спросил Никитка.

Гошка покачал головой. Нет, он отнесет Лебеденка в городскую ветлечебницу. Пусть там врачи точно скажут, почему он погиб.

— Так до города же восемнадцать километров,— удивился Никитка.

— Ну и что... А я напрямик, на лыжах.

— И лыжни уже нет... А проталины на пригорках появились.

— Тогда пешком пойду...

— Пустой разговор! — Борька пренебрежительно махнул рукой.— Да в лечебнице никто дохлого поросенка и смотреть не будет.

— Как это не будет! — взорвался Гошка.— А если у нас заболевание какое началось! Эпидемия!

Никитка понял, Гошку не отговоришь, и предложил Борьке пойти в ветлечебницу всем троим.

— Охота была за зря ноги бить,— фыркнул Борька.— Дядя же Ефим прямо сказал: отравление...

— И не надо... Один пойду! — крикнул Гошка.

В ЛЕЧЕБНИЦЕ

Гошка проснулся рано. За окнами только еще начинал брезжить рассвет.

Мать, Клава и Мишка крепко спали.

Гошка написал на листке бумаги записку: «Ушел ставить силки»,— сунул за пазуху кусок хлеба и осторожно вышел в сени. Привязал к мешку с Лебеденком веревочки, пристроил мешок за спину и только было вышел на улицу, как встретил Никитку с лыжами в руках.

— А ты зачем! — подозрительно оглядел его Гошка.— Я же сказал: обойдусь один!

— Нет, вместе так уж вместе,— сказал Никитка.

— Только я быстро пойду...— предупредил Гошка.— Отстанешь — ждать не буду.

Он привязал к обсоюженным валенкам лыжи-самоделки и первым, прямо через огороды, выехал в поле. Никитка заскользил за ним следом.

Гошка, как и обещал, шел быстро, но Никитка не отставал от него, хотя и обливался потом.

«А ничего идет... не пищит, не хнычет»,— с одобрением подумал Гошка и пропустил приятеля вперед.

К полудню мальчишки добрались до города и отыскали на его окраине ветеринарную лечебницу — приземистое здание с загоном для скота.

Здесь стояли больные коровы, понурые лошади, визжали в корзинках покрытые паршой поросята. Какая-то тетка держала на веревке тощую, как кощей бессмертный, козу, которая, по словам хозяйки, целую неделю маялась животом.

Гошка с Никиткой заняли место в очереди.

— А вы с какой живностью заявились! — спросила их хозяйка козы, косясь на мешок за спиной у Гошки. — Поросеночка принесли! Тоже животом мается!

— Нет, он уже не мается, — ответил Никитка.— Еще вчера околел.

Женщина всплеснула руками:

— Ох вы, чудики! Так ему же на скотомогильнике место, а не здесь...

— Нам все равно к доктору нужно,— упрямо сказал Гошка.

Очередь подвигалась медленно, но в конце концов ребята добрались до ветврача. Врач был пожилой, строгий, с обветренным лицом. Он долго не мог понять, чего добиваются от него два колхозных паренька, за восемнадцать километров пришедшие в лечебницу на лыжах.

— А может, он от какой заразной болезни подох,— допытывался Гошка, вытащив из мешка синего, застывшего Лебеденка.— И других поросят заразил... Вы нам лекарство дайте... самое лучшее.

— Конечно, самое лучшее... всем самое лучшее,— усмехнулся врач, осматривая поросенка.— А почему, собственно, в лечебницу явились вы, а не кто-нибудь из взрослых!

Пришлось ребятам рассказать о колхозных дохляках, ставших потом пионерскими «шпитомцами», о подготовке первомайского подарка, о проросшем зеленом овсе, о ссоре с Кузяевым и даже об изгнании их с фермы.

— Понимаю теперь,— кивнул врач.— Не сработались, значит, со своим Кузяевым, нравом не сошлись... Ну что ж, придется сделать вскрытие вашему «шпитомцу».

Он унес поросенка и, вернувшись минут через пятнадцать, сказал, что Лебеденок погиб от укуса больной крысы.

Такое сообщение несказанно обрадовало ребят.

— Это правда, что крысы покусали! — допытывался Гошка.— И никакой другой болезни нет!.. Совсем никакой!

— Да, да, молодые люди. Вскрытие показало, что во всем виноваты только крысы,— подтвердил врач.—

Но радоваться тут нечему. Помещение у вас, как видно, совсем непригодно для поросят.

Он выписал ребятам рецепт на крысиный яд и объяснил, что им надо засыпать в свинарнике все дыры и щели.

Гошка с Никиткой, не скупясь на многочисленные «спасибо», горячо поблагодарили врача и направились разыскивать ветеринарную аптеку.

Солнце сильно пригревало, с крыш застучала капель, ледок на улицах растаял, и ребятам пришлось тащить лыжи на плечах. Прохожие с удивлением поглядывали на необычных лыжников. Но они ни на кого не обращали внимания.

В аптеке ребята получили три пакетика крысиного яда и стали раздумывать, что делать дальше.

— Надо домой скорее, — напомнил Никитка. — Там, поди, ребята нас ждут.

— Тогда на базар пошли,— сказал Гошка.— Попутную подводу поищем.

РАСПРОДАЖА

На базаре было людно и шумно. С колхозных грузовиков и подвод торговали картошкой, морковью, солеными огурцами, мочеными яблоками. На длинных дощатых столах лежали туши парной говядины и бело-розовой свинины.

В дальнем углу базара продавали всякую живность. Над подводами стояло неумолчное хлопанье крыльев, кудахтанье кур, кряканье уток, гогот гусей. То и дело слышалось трубное мычание молодых бычков и пронзительный визг поросят.

Ребята обошли почти все ряды и не встретили ни одной знакомой подводы.

— Пожалуй, пешком переть придется,— вздохнул Гошка и, достав из-за пазухи ломоть хлеба, поделился с Никиткой.— Давай подзаправимся — и айда...

Неожиданно Никитка толкнул приятеля:

— Глянь-ка!.. Мамка твоя...

Гошка поднял голову и обмер. Его мать стояла у широких саней-розвальней и продавала поросят. Голова ее по самые брови была закутана темным шерстяным платком, воротник кожушка приподнят, подбородок тоже завязан платком, только белым, и со стороны казалось, что у матери болят зубы или ей сильно нездоровится. Да и торговала она как-то странно: на покупателей не смотрела, ни с кем не спорила, свой товар не расхваливала, а только безучастно доставала из плетеной корзинки визжащих поросят и передавала их покупателям.

Какие-то мужчины и женщины толпились вокруг саней, спорили из-за очереди, совали в руки Александре деньги, а она, не считая, опускала их в карман.

— Отменные поросята! Здоровые, чистенькие! — расхваливал кто-то из очереди.

Никитка толкнул оцепеневшего Гошку.

— Видишь, видишь!.. Это же наши «шпитомцы». Вон Вьюн, вот Простофиля... Да что ж она делает, мамка твоя!!

Гошка наконец пришел в себя. Он бросился в толпу и, ожесточенно двигая локтями, продрался к матери. Никитка еле поспевал за ним.

— Мамка! Что ты! Зачем! — отчаянно зашептал Гошка.

Но было уже поздно. Какая-то сухонькая, с утиным носом старушка выхватила у Александры из рук последнего поросенка — это был Черныш,— сунула ей пачку замусоленных денег и торопливо полезла в толпу.

— Все, граждане, все... Вчистую расторговалась... — устало сказала Александра, закрывая брезентом пустую корзину.

Покупатели стали неохотно расходиться.

Александра обернулась к сыну, схватила за плечо и, загородив от чужих глаз, встревоженно зашептала:

— Откуда ты, лихо мое! Пошто здесь! Следил, что ли, за мной!

— Ты зачем поросят продала! Зачем! — вне себя забормотал Гошка. Потом перешел на крик: — Они же наши! Мы их для колхоза...

— Ну, погоди, Гоша, погоди! Так уж вышло... Я сейчас все обтолкую... Да не кричи ты на весь базар, ради бога, не кричи...

Гошку трясло, как в лихорадке.

Он вдруг выхватил из рук матери пачку денег, которую та еще не успела сунуть в карман, и кинулся догонять старуху. К счастью, та была недалеко. Она сидела за овощным ларьком на ящике и держала Черныша на коленях.

— Этот не продается...— хрипло выдавил Гошка.— Забирайте свои деньги!

И не успела старуха понять, что к чему, как Гошка выхватил у нее поросенка и бросил ей на колени пачку денег.

Но старуха была не из уступчивых. Размахивая деньгами, она с криком затрусила вслед за мальчишкой.

За старухой двинулись любопытные. Вскоре около саней собралась большая группа зевак.

— Отдай бабушке поросенка,— багровея от сму-

щения, упрашивала сына Александра.— Что продано, то продано...

— Не отдам! — упрямо твердил Гошка, прижимая к груди задыхающегося от визга Черныша.— Не твой «шпитомец»! И продавать права не имеешь!..

Старуха продолжала кричать, что это не колхозная торговля, а чистый разбой и пусть добрые люди вступятся за нее.

Какие-то дюжие тетки стали проталкиваться к Гошке.

Александра вдруг метнулась к сыну, загородила его спиной и, обернувшись к старухе, принялась перед ней извиняться:

— Неувязочка получилась... Этого поросенка мой сынок вырастил, привязался к нему, а я, глупая, на базар его прихватила. Ну, сынку и обидно, понятное дело. Ты уж не гневись, бабуся, отступись, а я тебе вот что за это...— Она достала из кармана трехрублевку и поспешно сунула ее старухе в руку.

Старуха посмотрела бумажку на свет, потом пересчитала деньги в пачке и, покачав головой, успокоилась:

— Ну, бог с вами... А коли так, зачем на базар выехали!.. Морока одна, а не торговля...

Она побрела прочь от саней, за ней разошлись и зеваки.

— А где остальные «шпитомцы»! — подступил к матери Гошка.

— Ладно, помолчи пока,— перебила его мать.— Поехали-ка отсюда. В дороге поговорим.— Она подтолкнула сына к саням и кивнула на поросенка.— Суй в корзину свое золотце. Да не бойся: никто больше на него не польстится.

Гошка опустил Черныша в корзину и вдруг вспомнил про Никитку:

— Так я же не один... Никитка со мной.

— Никитка! — испуганно переспросила Александра.— И он все видел!. А ну, где он! Зови его!

Гошка огляделся по сторонам и увидел Никитку. Тот стоял шагах в пяти от саней и не сводил глаз с Александры. Гошка кивнул ему на сани: давай, мол, поехали.

Никитка робко присел на задок саней.

Александра суетливо затянула чересседельник, коекак поправила дугу и, подобрав вожжи, тронула лошадь.

Гошка сидел на соломе и ничего не понимал: мать правила, точно пьяная. За вожжи дергала зря, кричала на лошадь, два раза хлестнула ее ременным, узловатым кнутом. Лошадь, не понимая, чего от нее хотят, бросалась из стороны в сторону, с треском цепляла розвальнями за придорожные столбы, за встречные сани и едва не сбила оглоблей какого-то старичка в шляпе.

— Дай-ка мне вожжи,— попросил Гошка.— Еще беды натворишь.

Но мать только отмахнулась, круто повернула влево и остановила лошадь около чайной.

В душной и парной, как баня, чайной Александра приметила в углу около двери свободный столик, усадила ребят и заказала три обеда. Кроме щей и котлет, мать попросила принести для себя сто граммов водки.

— Зачем это! — насторожился Гошка.

— Смерзла я, окоченела...— Александра зябко поежилась, покрутила головой.— Ну, сынок, закатил ты мне спектакль нынче... При всем народе, на весь базар... Хоть сквозь землю провались...

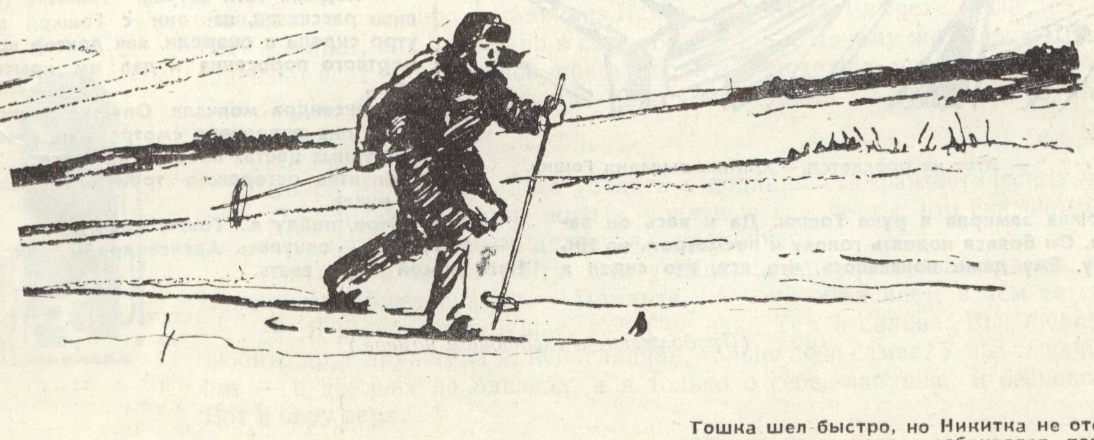
— А зачем ты наших «шпитомцев» продала! Кто позволил!

— Не сама же, понятное дело... Не по своей воле,— устало призналась мать.— Что прикажут, то и делаю...

Официантка принесла обед, водку. Александра отпила из стакана, поперхнулась и закашлялась.

— Ну вот... с души воротит, а пьешь,— поморщился Гошка. Он отодвинул стакан с водкой за вазочку с бумажными цветами и, пристально посмотрев на мать, принялся допытываться, кто же распорядился продать «шпитомцев».

— Да мало ли начальников у нас в колхозе! — помолчав, уклончиво сказала Александра.— Ведь сам знаешь: околел вчера один ваш «шпитомец». Мне начальство приказало: «Вези, Александра, поросят в лечебницу, показывай доктору. А если больные окажутся, продавай кому ни на есть». Я и повезла. А в лечебнице, как глянули, так сразу и сказали: «Больные, заразные, на ферму не пригодны». Куда же их после этого, как не на базар!.. Только я, глупая, торговать-то не умею... Почти что за полцены спустила.

Гошка шел быстро, но Никитка не отставал от него, хотя и обливался потом.

— Этот не продается,— хрипло выдавил Гошка.

Ложка замерла в руке Гошки. Да и весь он застыл. Он боялся поднять голову и посмотреть на Никитку. Ему даже показалось, что все, кто сидел в чайной, перестали пить и есть и прислушиваются.

— Мама,— еле слышно спросил Гошка.— А когда... когда ты в лечебнице была?

— Так сегодня же...— Глаза у Александры забегали.— Все утро там проторчала... И доктор такой солидный попался, в очках... Всех ваших «шпитомцев» осмотрел...

— А чем они заболели, сказал? — спросил Никитка, искоса поглядев на Гошку.

— А как же!.. Полное им освидетельствование было, по всем статьям,— продолжала Александра, склонившись над столом.— И болезнь доктор назвал... Это, как ее... Вот уж не вспомню... Слово-то трудное, язык поломаешь. Ну, вроде нутром поросята маются. От зеленого овса, значит...

Гошка еле слышно застонал, словно от боли.

— Мама... Ну зачем так, зачем? Неправда это!.. Ничего такого не было.

Александра подняла голову и встретилась глазами с сыном. Они смотрели на нее в упор, с ожиданием и тревогой. Кровь бросилась матери в лицо.

— Да ты... ты что? Рехнулся? Такое матери смеешь сказать!.. Что ж я, вруха, по-твоему... обманщица? А ну, повинись, сейчас же!..— И она схватила сына за плечо.

Гошка вырвался и резко вскочил из-за стола, так что табуретка с грохотом отлетела в сторону.

— А вот и вруха! Вруха! — не помня себя, громким и каким-то свистящим шепотом выкрикнул он, торопливо роясь в карманах пиджака. Наконец Гошка вытащил пакетики с крысиным ядом, кинул их на стол и бросился к двери.

Александра перевела взгляд на Никитку, который, забыв про обед, беспокойно поглядывал на дверь чайной.

— Чего это он, как чумной, сорвался?

Никитка пододвинул пакетики ближе к Гошкиной матери.

— Это что? — спросила Александра.

— Яд, тетя Шура.

— Какой еще яд?

— Крысиный.. Нам его с Гошкой в лечебнице дали.

— В лечебнице? Да разве вы...— Александра запнулась.

— Ходили, тетя Шура...— Никитка торопливо рассказал, как они с Гошкой целое утро сидели в очереди, как доктор вскрыл мертвого поросенка и дал им крысиного яду...

Александра молчала. Опустив на колени руки, она оцепенело смотрела на веселую, в крупных цветах клеенку на столе.

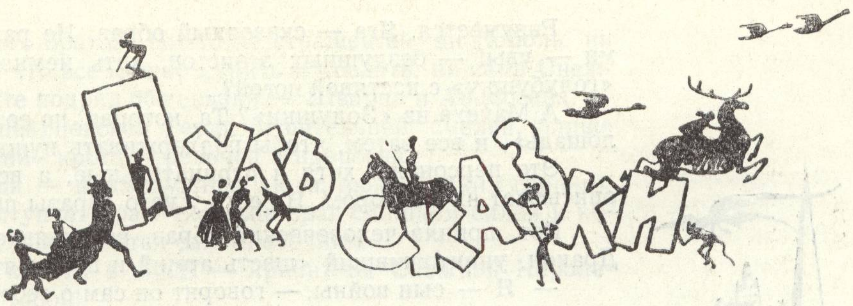
Никитка осторожно тронул Александру за рукав.

— Тетя Шура, пойду я... Гошку поищу.

— Иди, иди,— очнулась Александра.— Зови его... Нам домой пора ехать.

(Продолжение в следующем номере.)

Снип-снап-снурре!.. Поговорим о сказке.

Сказка родилась так давно, что имя первого сказочника все забыли. Поэтому мы с вами поговорим лучше о последнем или по крайней мере одном из последних сказочников. Его имя вы хорошо помните. Звали его Евгений Шварц.

В старину сказку передавали из уст в уста. Шварц рос в современном городе, сказка пришла к нему из книг и из театра. В театр он попал впервые пятилетним малышом. Уходя, он простился со стульями и со сценой, как с живыми, а театральной афише сказал, — он не знал, как ее зовут: «Прощай, писаная!»

Похоже, что уже тогда он был сказочником, для которого все вещи живые.

Шварц вырос и стал актером, потом — журналистом и только потом стал писать сказки. Как многие сказочники, он редко придумывал новые сюжеты, а больше пересказывал то, что читал и слышал. Но — удивительная вещь! — в устах Шварца старая сказка тотчас же менялась и молодела.

Так оно и бывает с настоящими сказочниками. По-пушкински зазвучали, сохранив всю свою простодушную прелесть, сказки Арины Родионовны. Старинные датские предания обернулись для нас андерсеновской поэзией.

Шварц брал сюжеты из русских народных сказок, у Перро и чаще всего у Андерсена. Но при этом он как будто взмахивал волшебной палочкой и — снип-снап-снурре! — андерсеновская сказка превращалась в сказку наших дней. Веселая, печальная, а иной раз и страшноватая, она во всех случаях кончалась хорошо. Не только потому, что так свойственно сказке, а потому еще, что автор ее верил: как бы ни сгущались тучи, в конце концов доброта и отвага — крабле-крибле-бумс! — победят.

Чем же так пленительны для нас сказки Евгения Шварца?

С шумом и свистом проносится в ступе Баба Яга. Снежная Королева обращает в лед сердце мальчика Кая. Изрыгает пламя трехглавый Дракон... Все, все идет, как положено в сказочном мире... Почему же сказки Шварца задевают всех нас за живое, почему волнуют не только малышей, но и читателя самого старшего возраста? Ведь мы-то с вами знаем, что ни ведьм, ни драконов нет на свете!

Да точно ли нет?

Шварц может хоть кого убедить в подлинности фантастических чудовищ. Он придает им такие живые, понятные нам черты, что сказочный образ, оставаясь сказочным, делается современным.

Взять хотя бы Бабу Ягу. Она у Шварца не только злая ведьма, а самовлюбленнейшее существо. Помните, как она объясняет, в чем ее сила?

— Я в себе, голубушке, души не чаю. Тем и сильна. Вы, людишки, любите друг дружку, а я, ненаглядная, только себя самое. У вас тысячи забот — о друзьях да близких, а я только о себе, лапушке, и беспокоюсь. Вот и беру верх.

Разумеется, Яга — сказочный образ. Но разве не встречали мы с вами — увы! — бездушных эгоистов, хоть немного да напоминающих эту «голубушку» с костяной ногой?..

А Мачеха из «Золушки»? Та, которая, по ее же словам, «работает, как лошадь», и все затем, чтобы поддерживать нужные связи?

Это персонажи хотя и отрицательные, а все же смешные. Шварц и описывает их с юмором. Но есть у него образы пострашней.

Вот, приняв человеческий образ, разгуливает по молчаливому городу Дракон, уничтоживший «шесть армий и пять мятежных толп».

— Я — сын войны, — говорит он сам о себе. — Война — это я. Кровь мертвых гуннов течет в моих жилах.

Гитлер?.. Вероятно. Но Гитлер, взятый по-сказочному широко. Это не только фашистский фюрер, это олицетворение тупой, жестокой силы, для которой человеческая жизнь — ничто.

Широко открытыми печальными глазами смотрит Сказочник на жителей драконьего города. Сердце Сказочника обливается кровью: ведь Дракон не просто убивает людей, он уродует их души...

— Я же их, любезный мой, лично покалечил, — хладнокровно поясняет чудовище рыцарю Ланцелоту. — Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи!.. Душу разорвешь — станет послушной, и только... Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души...

Дракон не хвастает: немало сработал он таких душ — послушных, цепных...

И, как ни больно доброму Сказочнику, обожающему верность, благородство, умение любить и другие прекрасные человеческие свойства, как ни обидно ему, во имя правды он вводит в сказки этих калек. Есть среди них совершенные нравственные уроды — наушники, подлецы, угодники. Сказочник осыпает их стрелами своих гневных насмешек. Есть просто жалкие, сломленные люди. Они несчастны, конечно, но благодаря им зло держится дольше, чем могло бы держаться. Из-за их слабости гибнут самые сильные, самые добрые, самые нетерпеливые...

— Махните на все рукой!.. Смотрите на все сквозь пальцы!.. — заклинает отважного Ученого Доктор в сказке «Тень».

Этот Доктор — незлой и неглупый человек, отлично сознающий, что сказочным королевством управляет всего-навсего Тень. Он даже талантливый человек, этот Доктор. Он нашел источник живой воды, которая излечивает от всех болезней и воскрешает мертвых. Но Министр приказал Доктору закрыть источник, на Доктора двинулись чиновники, те, кому все безразлично — «и жизнь, и смерть, и великие открытья». И Доктор сдался, закрыл источник и махнул на все рукой... Он больше не вмешивается в чужие дела. И, хотя ему жаль чудака Ученого, которому грозит гибель, он не подумает его защищать и только дает ему робкие советы:

— ...Махните на все рукой и живите, как я!

— Не могу, — отвечает Доктору Ученый.

И тут мы слышим голос одного из любимых героев Шварца, того, кто не может мириться со злом, кого нельзя запугать.

Не страшась смерти, вступает Ученый в единоборство с могущественной Тенью. И в отличие от героя одноименной сказки Андерсена он все-таки побеждает черную Тень.

Не боится гибели и странствующий рыцарь Ланцелот, вызывающий на поединок Дракона. Он, Ланцелот, прочитал тайную книгу, где записаны преступления Дракона и ему подобных, и поднял свой меч на защиту людей. Одну за другой срубает Ланцелот все три драконьи головы. Истекая кровью, он утешается мыслью, что Дракон убит.

И даже Герда, маленькая Герда из «Снежной Королевы», тоже ничего не боится. Дерзко проникает она в царство снегов и спасает из ледя-

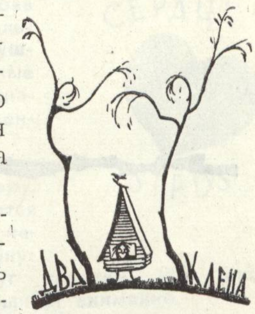
ного плена своего названного братца. Никто не страшен ей: ни Король, ни Советник, тот, кто считает, что все можно купить и продать, ни сама Снежная Владычица!.. Прочитайте подряд обе сказки — Шварца и Андерсена, — и вы увидите, насколько шварцевская Герда решительней, смелей, ближе нам, чем милая, но неизменно кроткая девочка Андерсена.

Любимые герои Шварца — прямодушные люди, люди с таким горячим сердцем, что перед ним отступает враг. Если же враг слишком силен и коварен, в драку, не утерпев, ввязывается сам Сказочник.

— Вой, свисти, пой, колоти в окна! — кричит он Снежной Королеве. — Мы еще поборемся с тобой!

Грудью заслоняет Сказочник свою героиню Герду. А уж ему-то, Сказочнику, известно, что хотя хорошие люди и побеждают в конце концов, «иные из них погибают, не дождавшись победы»...

Правда, все это совершает выдуманный Сказочник — персонаж пьесы «Снежная Королева». Но нет у нас сомнений в том, что точно так же поступил бы и сам автор пьесы Евгений Шварц. Да разве он и не поступил так, написав свои сказки?..

Сказки Шварца в свое время пришлись не по вкусу литературным чиновникам и прочим «мачехам» нашей детской и взрослой литературы. Пьесы его редко ставили в театре. Прелестную киноповесть «Золушка» нещадно ругали в газете. А Шварц все писал и писал свои сказки, упрямо убеждая нас, что жизнь всегда одерживает победу над смертью, что черная Тень не может властвовать вечно, если даже на время она и заслонила солнце.

Исчезнет Тень. Погибнет Дракон. С позором скроется Снежная Королева... Все будет хорошо, милые люди!.. — говорил он каждый строкой своих добрых и мудрых сказок. — Только не смейте смотреть на зло сквозь пальцы!.. Только не машите рукой!.. И, пожалуйста, оставайтесь любящими, честными и, главное, отважными!.. Тогда все будет очень, очень хорошо!

...А теперь поглядите кругом и — снип-снап-снурре! — почитайте театральные афиши. Нет детского театра, который не ставил бы «Снежную

Евгений Львович Шварц часто встречался со своими читателями.

Королеву» или «Два клена». Нет, пожалуй, и театра для взрослых, где не шла бы «Тень», или же «Голый король», или «Обыкновенное чудо», или же другая сказка Шварца.

Умер добрый Сказочник, а сказка продолжает свой путь. Она приходит к нам из книги и из театра. Большие и маленькие улыбаются и украдкой отирают слезы, следя за судьбой благородных героев Шварца, а когда им грозит беда, даже самые робкие из нас готовы — крибле-крабле-бумс! — вступить за них в бой.

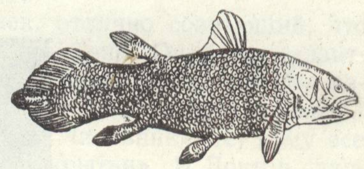
Сказка продолжает свой путь к человеческим сердцам.

Чудо?.. Ну да, чудо!.. Обыкновенное чудо!

Ю. НОВИКОВА

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ЦЕЛАКАНТОМ

За свою жизнь я интересовался многим, чтобы не сказать всем, но было одно, о чем я никогда до вчерашнего дня не думал.

Что же это?

Ископаемые рыбы...

Никогда, никогда не приходили ко мне мысли о них.

А вот вчера...

Вчера в книжном киоске я увидел книгу **Дж. Л. Б. Смита**, изданную Государственным издательством географической литературы, **«Старина четвероног»**, купил просто потому, что понравилось это странное слово «четвероног» (по-английски «fourlegs»), купил, еще не зная, какое сокровище досталось мне, пришел домой, раскрыл, и тут оказалось, что интереснее ископаемых рыб на свете, пожалуй, нет ничего.

Судите сами.

Их находили в окаменелостях и считали, что они вымерли за пятьдесят — семьдесят миллионов лет до нашего времени. Я нарочно написал эти цифры прописью, чтобы у вас при чтении не было никакой ошибки, да, да, за пятьдесят — семьдесят миллионов лет до нашего времени! И вдруг в 1938 году, в декабре, из пучин

моря в улове одного южноафриканского рыболовного траулера явился живой целакант, точно такой, какие до того находили лишь в окаменелостях.

Это действительно был посланец из глубины веков. Химик и ихтиолог профессор Дж. Л. Б. Смит начал изучать его.

Он написал об этом книгу. Книгу столь же удивительную, как и явление живого целаканта. Каждая ее страница трепещет жизнью, хотя она повествует о временах, исчисляющихся не десятками, не сотнями, даже не тысячами, а миллионами лет.

Перед нами раскрываются увлекательные картины далеких экспедиций в южных морях, мы сами словно участвуем в них.

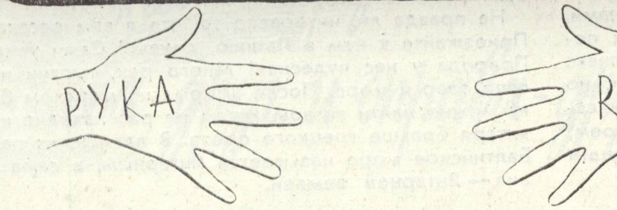
Я очень рекомендую вам прочесть книгу «Старина четвероног».

И. РАХТАНОВ

ЯЗЫКИ — РОДСТВЕННИКИ

Л. ДАУКА

Рисунки О. Зотова.

Как-то ехал я в поезде. День был пасмурный и такой унылый, что даже не хотелось смотреть в окно. Я вынул из чемодана книгу и стал читать. Я вообще люблю читать в поезде. Колеса ритмично стучат. Никуда не надо спешить. Никто тебя не отвлекает.

Напротив меня у окна сидел паренек лет двенадцати. Когда солнышко выглянуло из-за облаков, я оторвался от книги, глянул в окно. И тут я заметил, что паренек внимательно рассматривает мою книгу. Вдруг он спросил меня:

— Это немецкая книга, да?

— Откуда ты это взял? — удивился я.

— Буквы-то немецкие, сразу видно!

Паренек ошибся. Я читал латышскую книгу. Буквы в ней были латинские. Латинским шрифтом пользуются не только латыши и немцы, но и французы, и поляки, и многие другие народы. Но шрифт не роднит языки. Латышский ничего общего с немецким не имеет. Слов немецкого происхождения в нем гораздо меньше, чем русских.

Русский, например, говорит **рука,** а латыш — **рока** (ударение в латышском языке почти всегда на первом слоге); русское **голова** по-латышски звучит **галва, человек — цилвекс, день — диена.**

Русский говорит **сердце,** а латыш — **сирдс.** Русские называют **страдой** горячую рабочую пору. А у латышей **страдат** — значит работать.

Как по-латышски **коза! Каза.** А как **вести козу! Вест казу.**

Как по-латышски **бодает! Бада. А рога! Раги.**

Ну, а **книга** как? **Грамата.** Не удивительно ли? Русское слово, только значение его другое.

В латышском языке много слов со славянскими корнями. Вот, например, **стол** по-латышски называется **галдс,** а **кукушка — дзегузе.** Как будто совсем разные слова, не правда ли? И все же не совсем разные. Есть такие старинные русские слова **галода** (подставка под точильный камень) и **зегзица (кукушка).** Выходит, что такие разные по звучанию латышские и славянские слова тоже родственники.

Со временем смысл слов может изменяться. К примеру, **духи** по-чешски называются **вонявки.** У многих из вас, наверно, это вызовет улыбку: ароматные духи, и вдруг вонявки. Или еще: по-чешски слово **позор** означает **внимание.**

Но вернемся к латышскому языку.

Грамматика латышская тоже похожа на русскую. Такие же падежи. Много одинаковых окончаний. Свои мысли латыши выражают примерно так же, как русские.

Есть группа балтийских языков, которые когда-то очень давно отделились от славянского языка и развивались самостоятельно. Их три: латышский, литовский и старопрусский.

Старопрусский язык умер давно. Старопруссы когда-то населяли теперешнюю Калининградскую область. Это было давно. Однако тысячи лет назад немцы-завоеватели уничтожили почти всех старопруссов, а оставшиеся в живых постепенно онемечились. Старопрусский язык сохранился только в надписях на надгробных камнях. Ни одного старопрусса нет больше в живых.

Но латыши и литовцы выстояли, сохранили свой язык, хотя это было совсем нелегко.

Наверно, вы спросите меня: а эстонцы? Их язык не родственник латышского и литовского языков? Нет, у эстонцев другой язык, близкий родственник финского и карельского и дальний родственник венгерского. Он входит в группу финно-угорских языков.

Когда латыши еще жили отдельными племенами, то на морском берегу и у устья Даугавы (так по-латышски называется Западная Двина) жили ливы. Ливы были близкими родственниками эстонцам, но за многие столетия ливы слились с латышами, и сегодня «чистых» ливов, которые говорят на своем, ливском, языке не больше пятнадцати — двадцати человек. Все они уже глубокие старики.

А знаете ли вы, друзья, как по-латышски будет **русский! Криевс.** Откуда это название? Рядом с латышскими племенами на востоке когда-то жило большое, сильное славянское племя кривичей, с которым латыши крепко дружили. Вот они и стали всех русских называть кривичами.

Не правда ли, интересно то, что я вам рассказал? Приезжайте к нам в Латвию, друзья! Сами увидите. Природа у нас чудесная! Много рек, тысячи и тысячи озер и море. После шторма на морском берегу можно найти янтарь. Я сам не раз находил куски янтаря больше грецкого ореха. В латышских песнях Балтийское море называется Янтарным, а сама Латвия — Янтарной землей.

Это не игра! Так в кружке юных автомобилистов при Дворце пионеров города Алма-Аты изучают правила уличного движения.

Фото И. Будневича.

Встанем в круг! Слева — друг и справа — друг!

ГДР

Зимняя песня

Русский текст К. Алемасовой.
Музыка З. Бимберг.

Толстый снеговик стоит,
Как не любить зимы!
Снегом весь наш двор покрыт.
В санках помчимся мы.
Хал-ли, хал-ло! Хал-ли, хал-ло!
В санках помчимся мы.
2 раза

Весело снежки летят,
Как не любить зимы!
Тру́сы дома пусть сидят,
В санках помчимся мы.
Хал-ли, хал-ло, хал-ли, хал-ло!
В санках помчимся мы.
2 раза

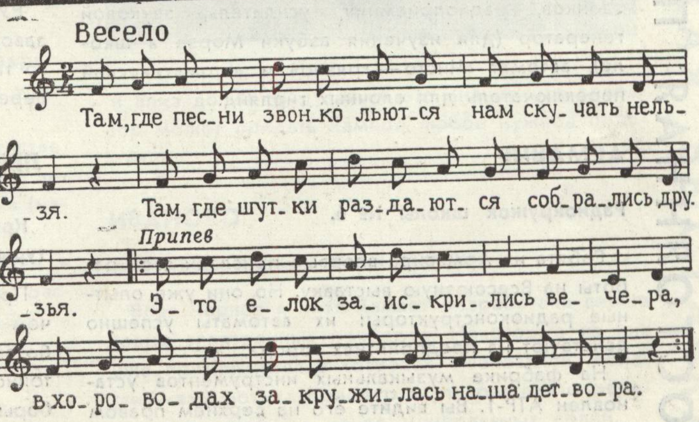
Белы брови, красен нос,
Как не любить зимы!
Не пугает нас мороз,
В санках помчимся мы.
Хал-ли, хал-ло, хал-ли, хал-ло!
В санках помчимся мы.
2 раза

Венгрия

Праздник у ёлки

Русский текст В. Ширяевой.
Музыка З. Кодан.

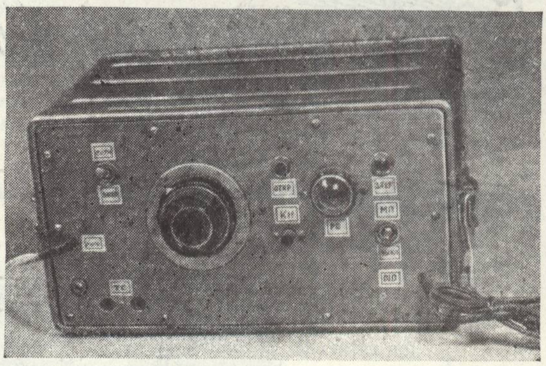
Там, где песни звонко льются,
Нам скучать нельзя.
Там, где шутки раздаются,
Собрались друзья.
Припев:
Это елок заискрились вечера,
В хороводах закружилась
Наша детвора.
2 раза

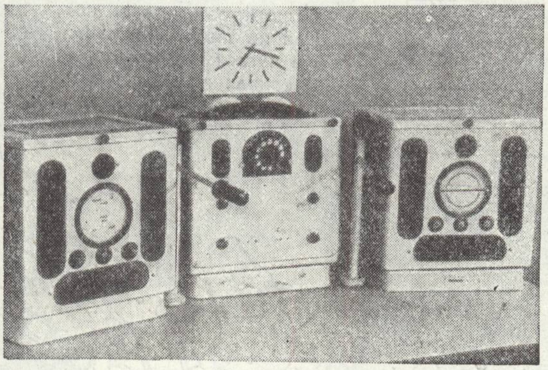
Много радости и света
В танцах, песнях тех,
Полон счастья и привета
Наш веселый смех.
Припев:
Это елок заискрились вечера,
В хороводах закружилась
Наша детвора.
2 раза

ЗАЛ РАДИО

Здесь собраны лучшие работы юных радиолюбителей. Не так давно они демонстрировались в Москве на 18-й Всесоюзной выставке творчества радиолюбителей. Ребята участвовали в ней наравне со взрослыми. Они заслужили это право. Ведь многие из них уже видели свои приборы в действии — в цехах заводов и фабрик, в лабораториях институтов, в школах, на полях и фермах колхозов.

Тех из вас, кто хочет сам смастерить такие приборы, приглашаем в нашу мастерскую «Золотые руки».

НОГИНСК

Радиотехнический кружок Дома пионеров.

На снимке — школьный радиокомбайн. В трех его блоках собрано шесть разных приборов: электрические часы с автоматической подачей звонков, радиоприемник, усилитель, звуковой генератор (для изучения азбуки Морзе в школе), автомат «Чисто — грязно» и автоматический переключатель для елочных гирлянд.

АРМАВИР

Радиокружок школы № 6.

Ребята из Армавира впервые прислали свои работы на Всесоюзную выставку. Но они уже опытные радиоконструкторы: их автоматы успешно действуют на предприятиях города.

На фабрике музыкальных инструментов установлен АТР-1. Вы видите его на верхнем правом снимке. Это автоматический регулятор температур. Он контролирует температуру в сушильной камере. Ребята задумали сделать такой автомат, когда впервые были на этой фабрике. А сейчас по заказу фабрики они начали делать еще три таких аппарата. Деньги идут на приобретение приборов и радиодеталей для кружка.

И самые первые приборы, нужные для кружка, ребята тоже купили на заработанные ими деньги. Выручил металлолом — ребята сдали его и смогли купить все самое необходимое.

Такой же АРТ установлен в сушильных печах макаронной фабрики. На одном из заводов — автомат для поддержания уровня давления в компрессорной установке. А в городскую сеть включен автомат для управления уличным освещением. Его тоже сделали кружковцы шестой школы!

ГОРЬКИЙ

Радиотехнический кружок Дома пионеров Автозаводского района.

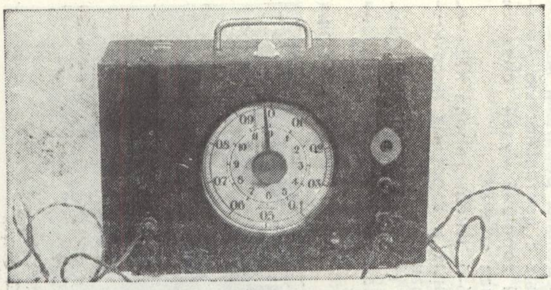
РУШ — это радиоузел школы. Ребята из Автозаводского Дома пионеров изготовили уже много таких узлов. По хорошей традиции кружковцы передают их своим друзьям в сельские школы.

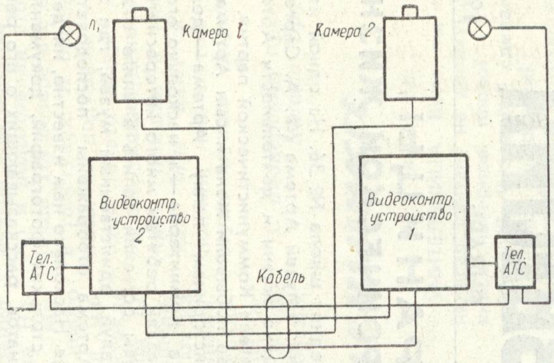
ЛЕНИНГРАД

Кружок радиоэлектроники при Дворце культуры имени 1-й пятилетки

Приборы для медицинских исследований — вот чем увлекаются ребята из этого кружка. Они работают по заданию Ленинградского отделения автоинспекции. Уже действуют в лабораториях приборы для исследования быстроты реакции у водителей (рефлексометр, фонорефлексометр) и прибор для определения частоты дыхания.

ПОСТОЯННАЯ ПИОНЕРСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

На этом снимке — старт-финишная установка. На спортивных соревнованиях этот прибор автоматически регистрирует время финиша победителя. Включается в момент старта.

Установку сделали Володя Нестеров и Володя Акуленко по заданию кафедры физической подготовки Ленинградского университета.

Лаборатория автоматики и телемеханики Ленинградского Дворца пионеров имени Жданова.

Первая в нашей стране линия видеотелефона Москва — Ленинград открылась немногим больше года назад.

А вторую построили кружковцы Михаил Каберзух и Геннадий Антонов, и открылась она во Дворце пионеров почти одновременно с первой.

Как действует видеотелефон, вы видите на снимке. Перед вами один конец переговорной линии. На другом — такое же видеоконтрольное устройство с телефонным аппаратом и съемочной камерой.

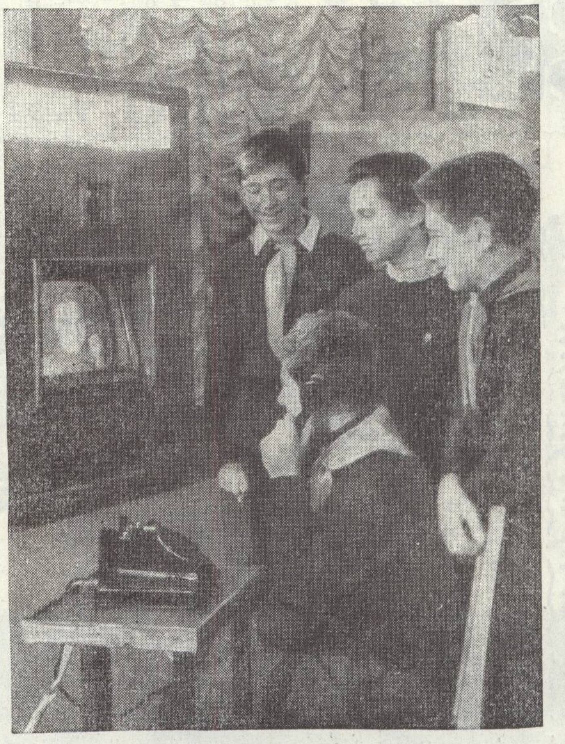
Когда на одном конце снимают телефонную трубку и набирают номер, на другом раздается звонок. Обе съемочные камеры автоматически включаются, когда вызванный звонком абонент снимает трубку. На экранах появляются изображения говорящих. Если вы посмотрите на схему, она пояснит вам работу видеотелефона.

У ленинградцев есть еще одна очень интересная работа — промышленная телевизионная установка с дистанционным управлением.

Такие приборы очень нужны на производстве, чтобы облегчить труд человека или совсем заменить его там, где это вредно для человека (например, на химическом производстве).

Оператор, который принимает изображение и управляет камерой, может находиться на расстоянии до 500 метров от самой камеры. Это и означает дистанционное управление, то есть управление на расстоянии.

Телевизионная передающая камера очень подвижная. Особый механизм позволяет камере поворачиваться на 300 градусов и наклоняться вверх и вниз до 20 градусов. А это значит, что оператор может придать камере любое нужное положение.

ИВАНОВО

Областная станция юных техников.

Вова Чернов и Витя Камаев разработали серию новых электронных приборов. Некоторые из них уже применяются в совхозах Ивановской области — это фотокалориметр и аппарат для определения движения в почве минеральных солей.

В. РЕЗНИКОВ.

9 Интересно ли вы придумали?

По-разному можно проводить соревнование между отрядами. Можно интересно, а можно и скучно.

Мы в прошлом году так придумали. Вся наша дружина превратилась в морскую флотилию, а каждый пионерский отряд — в экипаж боевого корабля. Началось все с неожиданно появившегося приказа.

Приказ № 1.

«Приказываю:

1. Сформировать пионерскую флотилию из двенадцати боевых кораблей.

Нет морской формы? Можно сшить.

2. Флотилии приказываю следовать по маршруту: порт «Трудовой», порт «Веселый», порт «Исторический», порт «Интернациональный»...

3. Назначаю командующим флотилии капитана 1-го ранга Голева Юрия (5-й класс «Б»).

Помощником командующего—капитана 2-го ранга Бабкина Николая (5-й класс «А»).

Знаменосцем флотилии — Николая Сапрыкина».

Корабли начали свой путь. Путь был нелегкий.

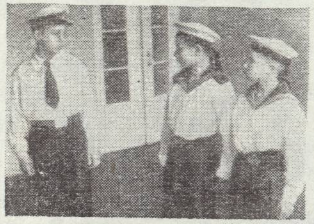

Обед готов.

Когда корабли прибывали в порт (вы, наверное, заметили, что каждый

Рапортуют командиры.

Капитан отчитывает списанных на берег.

порт носит символическое название), экипаж боевого корабля должен был проявить себя, иначе его не пускали в порт, и он отставал от флотилии. Кроме того, экипаж должен был быть в полном составе. А за малейшую провинность списывали с корабля: кого на остров Двоечников, кого на остров Курильщиков, кого на остров Бездельников.

В конце соревнования командиры подвели итоги всех хороших дел. На параде личным составам лучшего корабля «Варяг» и атомохода «Ленин» вручили награды.

А как идет соревнование у вас? Интересно ли вы придумали?

Юра Заворин

г. Новосибирск.

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 26 ЯНВАРЬ 1963

СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Харьковская средняя школа № 36. На одной из дверей висит табличка: «Музей Артема (Ф. А. Сергеева)». Здесь все посвящено жизни и деятельности Артема — выдающегося деятеля Коммунистической партии.

Недавно в музее побывали жена и сын Артема. Они подарили юным историкам папку Артема — делегата Второго конгресса Коминтерна — и несколько его личных вещей, рассказали ребятам много интересного.

Уезжая, Сергеевы оставили запись в книге отзывов: «Сейчас это, пожалуй, единственный музей, где жизнь и деятельность Артема отображены последовательно от начала до конца. Насколько нам известно, нигде нет в настоящее время стольких фотографий, документов и уникальных экспонатов, рассказывающих о его революционной борьбе. Прекрасно сделаны ребятами макеты исторических зданий, связанных с деятельностью Артема. Очень отрадно, что такой хороший музей создали школьники — наша боевая юная смена».

Комсомольцы и пионеры 36-й школы города Харькова с радостью принимают юных и взрослых посетителей из многих городов страны.

На снимке: Е. Л. Сергеева и генерал-майор А. Ф. Сергеев среди ребят и преподавателей в школьном музее Артема.

Г. Магальник

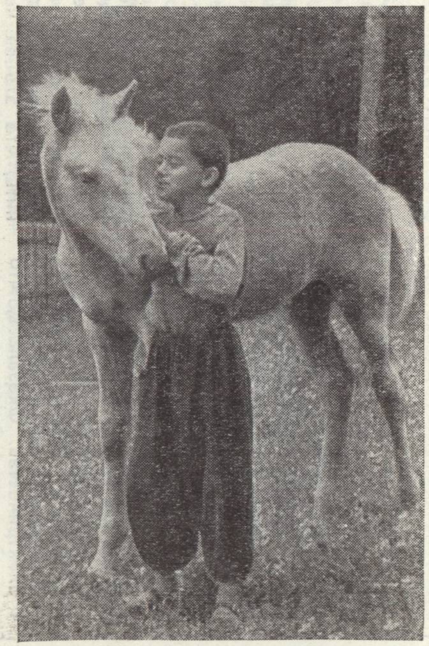
Отряд без клякс

Кончилась пионерская двухлетка, и снова отряды на старте. Идет соревнование на лучший пионерский отряд. В 4-й тбилисской школе отряды превратились в небольшие космические станции. За год эти станции должны вырасти в космические города.

Космический город — это отряд без клякс. Отряд, где нет клякс не только в тетрадях, но и в жизни, в отношении к работе, к друзьям, к классу. В отряде без клякс у всех ребят дело по душе, никто не скучает, все помогают друг другу, живут по принципу: «Один — за всех, все — за одного».

Мы прочитали о том, как соревнуются пионеры 4-й школы Тбилиси, в газете «Молодежь Грузии». Напишите и вы нам, ребята, как идет соревнование у вас.

Юнкоры Коля Булгаков, Женя Акимов и Саша Жужгов.

Сережа мечтает стать таким, как Чапаев. Он любит лошадей и хочет научиться ловко держаться в седле.
Летом Сереже повезло. Он отдыхал в Кудряшевском бору. Рядом с лагерем паслась лошадь с жеребенком. Каждый день приходил Сережа к жеребенку, и они подружились.

Г. Смольянов
г. Новосибирск.

НА СЦЕНАХ ПИОНЕРСКИХ ТЕАТРОВ

«Снежная королева» Шварца — последний спектакль пионерского театра Дворца культуры Уралвагонзавода г. Тагила. В театре 40 артистов. Много спектаклей показали они зрителям. Лучшие из них — «Великий волшебник» Губарева, «Приключения Незнайки» Носова, «Сомбреро» Михалкова, «Королевство кривых зеркал» Губарева и Успенского. Сейчас коллектив пионерского театра Дворца культуры Уралвагонзавода работает над новыми постановками.

НАША ПЕРЕПИСКА

«Дорогая редакция!

Я учусь в 7-м классе 62-й школы г. Воронежа. У нас мальчики и девочки не очень дружные. Большинство ребят пионеры, но мальчики считают позором носить пионерский галстук. А мне, председателю дружины, стыдно за них. Из-за этого я часто ссорюсь с мальчиками.

С пионерским приветом
Наташа Юркова».

Редколлегия «Пионерских известий» поручила ответить на это письмо юнкору Гале Кухтенковой. Галя рассказала Наташе о спектакле Московского театра юного зрителя «Загорается маяк». В этом спектакле есть сцена, в которой по совету старого большевика ребята складывают из своих галстуков знамя. Знамя получается неряшливое, запятнанное чернилами и даже кое-где прожженное папиросами. Это производит на ребят большое впечатление.

И Галя посоветовала Наташе сделать то же.

И вот второе письмо от Наташи Юрковой:

«Здравствуй, Галя!

По твоему совету я рассказала о сшитом знамени. Ребята меня слушали внимательно, но и на следующий день пришли без галстуков. Я очень огорчилась и решила дать мальчикам поручение — организовать вечер, посвященный пионерам-героям. За организацию вечера они взялись горячо и подготовили его хорошо. На вечере все были в галстуках. Я обрадовалась, но подумала: не на один ли это вечер?! Но и на следующий день мальчики пришли в галстуках. Мне кажется, они поняли, что честью галстука нужно дорожить.

С пионерским приветом
Наташа Юркова».

Смешинка

В классе.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Коля, ты опять написал диктант на двойку! Готовился, наверное, плохо?

УЧЕНИК. Что вы! Я сделал целых четыре шпаргалки!

Сережа Акувис. г. Архангельск.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Галя Кухтенкова (редактор), Коля Булгаков, Наташа Жидкова, Миша Пятковка.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

Жирафа по имени Отто из франкфуртского зоопарка сфотографировали широкоугольным объективом, и вот на снимке — фантастическое существо с шеей чуть не в полкилометра.

Горящий лед

— А разве лед может гореть? — спросите вы.

— Может. Ученые предложили разрушать ледяные заторы с помощью термитного порошка. Это смесь алюминиевого порошка с измельченной окисью железа.

Если термитный порошок высыпать на лед и поджечь, начнется бурная химическая реакция. Температура поднимется до 3 000 градусов. Расплавленное железо потечет огненными струйками по льду. Произойдет новая химическая реакция. Железо разложит воду на кислород и водород. Кислород соединится с железом и образует окисел, а водород загорится. Лед растрескается, разрыхлится и «сгорит».

«Пожар на льду» совершенно бесшумный, не глушит рыбы и не причиняет водникам никаких неприятностей.

Б. Розен

Селедки-чемпионы

По данным статистиков, население земного шара ежегодно съедает 10 миллиардов селедок. Селедки держат первенство в мировом улове. На втором месте — близкие родственницы селедок, сардины. Они составляют четвертую часть рыб, вылавливаемых рыбаками всех стран и континентов. Вряд ли остальные рыбы завидуют «чемпионам».

Трикотажные артерии

В одной из лабораторий Чехословацкой Социалистической Республики ведутся испытания искусственных артерий из трикотажа.

Нити трикотажных артерий сделаны из нового синтетического материала — тергаля. Это вещество не разрушается и не изменяется под действием ферментов, вырабатываемых человеческими тканями.

Из тергаля вяжется длинная трубка. Затем плиссируется в тончайшие поперечные складки и принимает вид гармошки, только с круглым, а не прямоугольным сечением. Плиссировка придает вязаным стенкам упругость. Когда трубку пришивают на место поврежденного участка настоящей артерии, она не продавливается и не сминается. Через некоторое время в петли вязаной артерии врастает живая ткань, и протез как бы начинает жить в организме человека.

Кошачья электростанция

Каждому случалось заметить, что, когда гладишь кошку по шерстке, слышится легкое потрескивание. Но не каждый знает, что это электрический разряд. С помощью высокочувствительных приборов одному физику удалось измерить силу кошачьего электричества. Оказалось, что для питания одной лампочки мощностью в пятнадцать свечей надо гладить одновременно полтора миллиарда кошек.

Робинзон по доброй воле

Антораш — маленький островок в архипелаге Кука — считался до сей поры необитаемым. Но недавно с вертолета, принадлежащего одному из американских кораблей, заметили на острове человека. Капитан корабля выслал к острову шлюпку, чтобы выяснить, что это за человек, не нужна ли помощь.

Оказалось, что это житель Новой Зеландии Том Нил. Два с половиной года назад он приплыл на Антораш, выстроил крошечную хижину, разводит кур, поросят и голубей.

Единственный друг, составляющий компанию Тому Нилу,— его верный пес.

Добровольный Робинзон наотрез отказался покинуть остров и даже не захотел взять газеты и журналы, предложенные ему моряками. Он возвратил их со словами:

«Жизнь вашего мира меня совсем не интересует».

Чемодан с сюрпризом

В Англии за последнее время ни одной недели не проходит без крупного грабежа. Особенно часто подвергаются нападениям банковские служащие во время перевозки больших денежных сумм.

Пришлось снабдить этих банковских служащих специально изобретенными чемоданами. Как только грабители схватят чемодан, он моментально выбрасывает в разные стороны три стальных стержня и начинает свистеть заливисто и пронзительно, будто в свисток полисмена. Ощетинившийся чемодан нельзя засунуть в автомобиль. Не унесешь его и пешком, потому что на свист сбежится полиция. Остается одно: бросить добычу и удирать со всех ног, пока цел.

Обеззвученная музыка

Объяснять правила умножения, закон Архимеда или причины упадка Римской империи можно сразу нескольким десяткам ребят, целому классу.

А вот с музыкой это до сих пор считалось невозможным. Ведь если хотя бы четверо ребят начнут играть одновременно, ни учитель, ни ученики ничего не поймут и не разберут.

Американский профессор музыки Эдвард Гофман придумал, как давать урок сразу нескольким ученикам. Для этого он... обеззвучил инструменты. Точнее, он построил электронные пианино, которые играют «молча». Извлекаемые из них звуки слышны только через наушники. Каждый ученик в свои наушники слышит свой инструмент. А профессор слышит всех поочередно, подключаясь то к одному, то к другому.

Голуби под арестом

Голубиная почта была еще в Древнем Риме. Отправляясь в театр, римские патриции брали с собой голубей. Если надо было что-то сообщить домой, голубя выпускали с письмом, привязанным к ножке. Некоторые птицы были обучены возвращаться и приносить ответ.

Но и сейчас, когда есть радио, телеграф и телефон, голубиная почта не забыта. В Токио, например, корреспонденты часто пользуются ею для быстрой связи с редакцией. В японской столице очень большое движение, и, чтобы добраться из пригорода в центр, надо затратить немало времени. И голуби выручают.

А в США недавно были арестованы несколько десятков голубей. Они переносили через границу пакетики с опиумом. Это торговцы опиумом использовали голубиную почту, чтобы обойти запреты полиции и ввезти в страну запрещенный товар.

С. Фролов

Заводы на водопое

Чем выше развита промышленность, тем больше она «выпивает» воды.

Для рафинирования одного литра нефти нужно 20 литров воды; для получения одного килограмма стали — 260 литров; 800 литров нужно для одного килограмма искусственного шелка; 2 000 литров — для одного килограмма высокосортной бумаги и 2 400 литров — для килограмма синтетического каучука.

Необычный груз

Маленькое каботажное судно, совершающее регулярные рейсы между Италией и Сардинией, приняло на борт в Чивиттавекии необычный груз: три тонны муравьев. Этих муравьев, собранных в итальянских Альпах, перевозили в Сардинию для уничтожения других, местных муравьев, которые губят плантации драгоценного пробкового дуба.

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

— Ребята! Вы меня, конечно, узнали? Ну да, я Веселый барабанщик!

Ну, а сейчас вы меня узнаете?.. Нет, я не доктор Айболит, я просто возвращаюсь с новогоднего карнавала. Скажу вам по секрету, ребята меня всерьез приняли за доктора... И столько там оказалось работы, что даже не успел всех вылечить...

— Ну, кто тут записан первым?.. Ага, Вася Тяпкин. Производственная травма... Посмотрим...

*

Леня Лентяев и Петя Прогульщиков. Тяжелый грипп. Приготовим термометр...

Успокоился, зазнался и... сорвался.

— Вы целый день здесь катаетесь на коньках? Интересно, когда вы ходите в школу?

— А мы, дяденька, не ходим в школу.

— Как же так?

— Мы гриппом болеем.

*

— Скажите, вы больной?
— Я болельщик.

Глеб болеет за «Ракету»,
На трибуне поднял крик...
Но зато минуты нету
Поболеть за свой дневник.
И летят туда голы:
Тройки, двойки да колы!

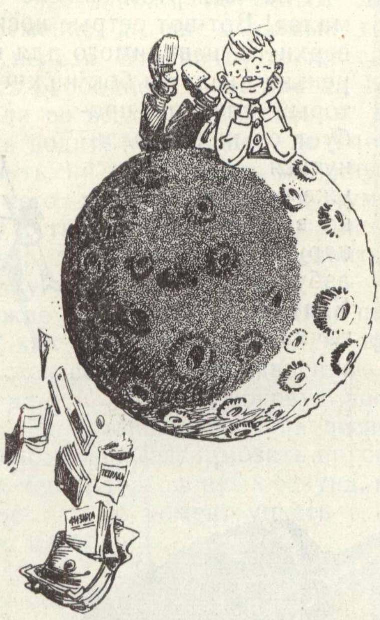
ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

— От кого это все бегут? Куда? Не нужна ли моя помощь?..

Лора шла по тротуару
И увидела Тамару.
Говорит подруге Лора:
— Поболтаем у забора!
— Тары-бары-растабары!..—
Звон стоит в ушах Тамары.
День и ночь готова Лора
Заниматься разговором,
И язык, как жернова,
Мелет разные слова...
Надоела всем подружкам
Лора окончательно!
Лора —

Это радиола,
Но без выключателя.
Озабочены подружки:
— Что же делать нам с болтушкой?
И сегодня возле школы
Собрались они решать:
Как же Лору-радиолу
Научиться выключать?

— Какой странный случай лунатизма!.. Не созвать ли нам консилиум?..

На Луну глядит Ахмед:
«Вот бы прилуниться!
На Луне ведь школы нет,
Можно не учиться...»

— А это что такое?! Это уже не вызов!.. Ах, это то самое письмо, которое мне дала редакция журнала «Пионер»!.. Ну-ка, что там написано?..

Дорогая редакция!

Отчего у нас в пионерском отряде такая неорганизованность?

Вожатой у нас нет. Хороших учеников очень мало. Часто их бьют. В классе почти каждый день драка.

Пожалуйста, посоветуйте, как нам привести класс в порядок?

Красноярский край, ст. Решеты.

— Ну, тут, пожалуй, доктору нечего делать! Тут нужен Веселый барабанщик!.. Я вам советую, друзья... Нет, лучше я вам пока ничего не скажу. Пусть вам ответят все Веселые барабанщики (я уверен, они есть в каждом отряде). Жду ваших писем, мои друзья и помощники, Веселые барабанщики отрядов!

Рисунки А. Елисеева, М. Скобелева, Д. Белова, А. Цветкова, Ю. Узбякова. Стихи Ю. Андрианова.

СПОРТ

Учись падать

Мастер спорта
В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Скажете, странное предложение? Привычнее, если говорят: учись быстро бегать на лыжах, учись спускаться с горы, учись делать повороты, учись прыгать с трамплина. А тут — падать!

И все же давайте поучимся, потому что все неприятные случаи, все повреждения бывают у начинающих лыжников именно оттого, что они не умеют падать.

Посмотрите на «коллекцию падений», собранную фотокорреспондентом Анатолием Бочининым.

Первый снимок. Лыжница, спускаясь с горы, увидела внизу препятствие (дерево, канаву, речку) и решила предотвратить неприятную встречу, нарочно упав на склоне. Но, не зная, как это сделать, она села на свои лыжи, закрыла глаза от страха и продолжает ехать, словно на санках, к препятствию. Что с ней будет?

Снимок второй. Упавшая оперлась на руки и пытается встать на ходу. Но разве можно подняться, когда твои руки оказались ниже ног и туловища?

Снимок третий. Левая лыжа повернулась поперек движения и тормозит так, что снег клубится облаком. Еще секунда — и лыжница шлепнется на живот. С целью страховки она выставила вперед руки. Это мало поможет. Левая нога остается в опасном положении.

В таких случаях чаще всего повреждаются связки и мениски коленного сустава.

А на четвертом снимке — «куча мала»! Вот-вот острые носки лыж верхнего, невидимого для нас паренька въедут в бок нижнему, который спешно пробует от них отодвинуться... Но здесь уже ошибка не только в падении. Здесь нарушение другого азбучного правила. Ехать гуськом или начинать спуск по

склону нескольким неумелым лыжникам одновременно, да еще с разных точек, конечно, нельзя. Это почти то же самое, что открыть свободное движение на городской площади во всех направлениях и притом пустить водителями людей, не умеющих ни повернуть, ни затормозить машину.

Из чего же складывается «умение падать»? Есть несколько простых истин, которые нетрудно запомнить и освоить любому лыжнику.

Прежде всего, самое выгодное падение не назад, как думают многие, и не вперед головой, как советуют «отъявленные смельчаки», а на бок, на задне-боковую поверхность бедра. Если ты потерял равновесие на спуске (или хочешь затормозить спуск падением), не теряй драгоценных секунд, постарайся в последний момент упасть именно на бедро.

А дальше? Едва прикоснувшись к снегу, выпрями ноги в коленных и тазобедренных суставах, напряги мышцы ног, раскинь руки в стороны, чтобы «положить себя на обе лопатки» и распластаться на склоне. Так — на бедре и спине — скользи вниз до полной остановки.

Важно, чтобы во время этого скольжения лыжи не перекрещивались между собой, а оставались параллельными. И важно, чтобы тело, ноги, руки и лыжи твои, если уж начали вращаться, то вращались бы в параллельной склону плоскости, словно ледянка, пущенная с горы, а не в вертикальной плоскости, как крутится колесо. При вертикальном вращении твое тело будет нахлестом ударяться о склон, лыжи — втыкаться то носками, то пятками в снег, действуя, как большие рычаги, выворачивая ноги так, что могут получиться и вывихи суставов и растяжения или разрывы связок.

На пятом снимке ты видишь лыжника, который упал удачно: лыжи его параллельны, ноги выпрямлены, лежит человек на бедре... Эх, вот только зря он приподнялся на локте! Явная ошибка. Зато рядом мы помещаем рисунок «образцового» падения. Посмотри на него и постарайся запомнить. Тут и ноги выпрямлены, и лыжи параллельны, и туловище распластано.

А теперь, когда ты уже кое-что знаешь, давай остановимся на некоторых «теоретических» подробностях.

Почему нужно выпрямлять ноги, когда упал?

Во-первых, согнутая в коленном суставе нога менее прочна; таково уж ее устройство. Во-вторых, в согнутом виде она представляет собой как бы дополнительные выступы-рычаги и вызывает неправильные и опасные положения тела. В-третьих, выпрямляя ноги в суставах и раскидывая руки в стороны, мы увеличиваем длину и

ширину своего тела, чем замедляем или даже совсем гасим вращение на склоне. Это противоположно тому, что делают фигуристы на льду, чтобы ускорить вращение. Помнишь? Они прижимают руки к туловищу, сжимаются в комок. Так используется известный из физики закон инерции.

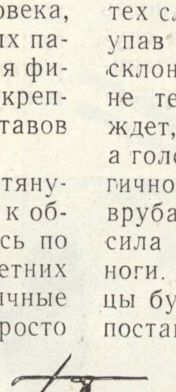
А напряжение мышц? Почему нужно напрягать мышцы во время падения?

Даже от опытных лыжников иногда приходится слышать странный совет: «При падении расслабься!» Чтобы докопаться до истины, давай представим себе анатомическое строение хотя бы коленного сустава. Его образуют суставные поверхности костей голени и бедра. Они соединены друг с другом при помощи боковых и внутренних связок, а поверх них со всех сторон проходят мощные сухожилия, которыми мышцы прикреплены к костям. Когда мышцы расслаблены, сухожилия тоже не натянуты, и все внезапные рывки, возникающие во время падения (лыжа зацепилась за бугорок, воткнулась в снег), передаются на связки сустава. А если мышцы будут заранее напряжены, сухожилия, оплетающие коленный сустав, как амортизаторы, возьмут на себя большую часть нагрузок, возникающих от этих рывков.

И чем сильнее развиты мышцы у человека, тем лучше он защищен от всевозможных падений, не говоря уже о том, что во время физических упражнений развиваются и крепнут вместе с мышцами сами связки суставов и даже кости.

Вот у нас с тобою незаметно и протянулась ниточка от падений к гимнастике, к общефизической подготовке. Передвигаясь по пересеченной местности в осенних и летних походах, бегая кроссы, играя в различные игры, занимаясь акробатикой да и просто физическим трудом, ты становишься сильным. Сильному безопаснее падать. Но сильному по силам и вовсе не упасть.

А почему мы советовали тебе не вставать на ходу, а, распластавшись, скользить на боку и спине до полной остановки? Потому, что, неумело вставая (взгляни-ка еще раз на второй снимок!) ты можешь упасть вторично и, как правило, еще менее удачно.

Из этого, конечно, не следует делать вывод, что вставать на ходу вообще ни при каких условиях нельзя. Есть лыжники, которые ухитряются встать даже на очень высокой скорости. Но такое мастерство приходит постепенно, с большой лыжной практикой. Так, например, двадцатидвухкратный чемпион страны по горнолыжному спорту Александр Филатов не раз выигрывал состязания по слалому и в тех случаях, когда падал. Как же он встает, упав на большой скорости? Его крутит по склону, а он, распластавшись, ни на секунду не теряет ориентировку в пространстве и ждет, когда его повернет лыжами под склон, а головой к вершине. В этот момент он энергично тормозит кантами лыж, буквально врубается ими в снег, и еще не погашенная сила инерции сама ставит его на крепкие ноги. Я подчеркиваю, на крепкие. Если мышцы будут расслаблены, никакая инерция не поставит спортсмена на ноги.

Ну вот, теперь ты в теории знаешь, как падать. Остается разучить это на практике. Выходи смелее на маленькую горку и без стеснений приступай к делу. Помни: все опытные тренеры на первых же занятиях обучают своих учеников правильным падениям.

АВТОМАТ «ЧИСТО—ГРЯЗНО»

Этот автомат вы уже, наверно, видели на ППТВ. Вот схема, по которой вы можете сделать его сами.

Аппарат устанавливается при входе в школу и контролирует чистоту обуви. Теперь уж никому не удастся проскочить в школу с мокрыми и грязными ногами!

Футляр от телефонного аппарата и коврик, соединенные проводом,— вот и весь аппарат. В футляр вмонтированы реле P_1, батарейка $Б_1$, контрольные лампы $Л_1$ и $Л_2$ и тумблер. Вместо телефонного диска — световое табло с надписями: «Чисто», «Грязно». В резиновый коврик вмонтированы электроды из оголенных медных проводничков.

Вот как работает этот аппарат: после включения тумблера $Вк_1$ загорается лампочка с надписью «Чисто». В этот момент электрическая цепь (батарейки — реле — коврик) разомкнута.

Если ученик наступит на коврик сырыми ботинками, цепь замкнется. Реле сработает, и загорится лампочка с надписью «Грязно».

Электроды коврика и обмотки реле питаются от батареек карманного фонаря типа «КБС-Л-0,5» напряжением 3,7 вольта. Сопротивление обмотки реле от 30 до 100 ом. Предварительно реле регулируется так, чтобы оно надежно срабатывало от 3 вольт. Для этого нужно ослабить пружины и контакты пластин реле, чтобы оно работало от тока меньшей силы.

Контактная система реле и лампы питаются от сети.

Но ведь далеко не во всех школах электрическая розетка расположена недалеко от входа. Поэтому мы и даем вторую схему (2), более простую. Она позволяет поместить автомат в любом месте, независимо от розетки. Вся система здесь питается от той же батарейки карманного фонаря, что и обмотка реле P_1.

АВТОМАТ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ УЛИЧНЫМ ОСВЕЩЕНИЕМ

Этот прибор можно сделать только в радиотехническом кружке под руководством педагога. Новичку в одиночку с ним не справиться.

Автомат состоит из фотореле и реле времени.

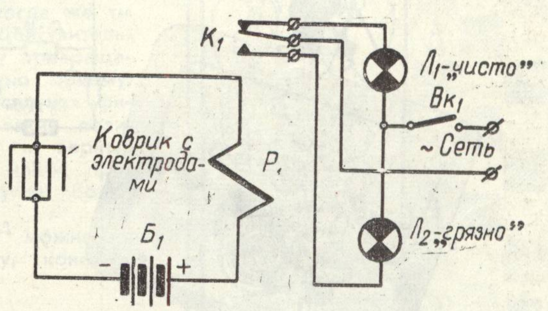
Фотореле собрано на полупроводниковых триодах T_1 и T_2 типа «П6В» («П13»—«П16Б»). В цепь база-эмиттер этих триодов включено фотосопротивление типа «ФСК-1» (по схеме — Фс). Регулировка чувствительности производится переменным сопротивлением R_2.

Реле времени собрано на термосопротивлении типа «ММТ-4» с сопротивлением 1,5 кило/ом. В цепь термосопротивления включены электромагнитное реле P_2, сопротивления R_8, R_9, R_{10} и конденсатор C_2.

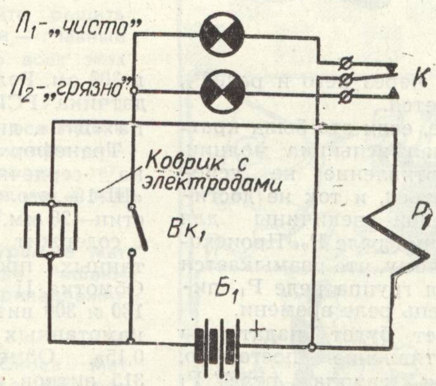
Реле времени нужно для того, чтобы не было ложных включений освещения. Такие случаи могут быть во время

1

2

грозы, при кратковременных вспышках молний.

Как работает реле времени?

Как только луч света попадает на фотосопротивление, срабатывает реле $Р_1$. Контактная группа этого реле, в свою очередь, замыкает цепь питания реле времени. Термосопротивление нагревается, ток, протекающий через него и реле $Р_2$, увеличивается.

В случае, если это была кратковременная вспышка молнии, термосопротивление не успевает нагреться, и ток не достигает нужной величины для срабатывания реле $Р_2$. Происходит это потому, что размыкается контактная группа реле $Р_1$, питающая цепь реле времени.

Если свет будет падать на фотосопротивление постоянно, контактная группа реле $Р_1$ останется замкнутой. Пятнадцать секунд — срок, достаточный для того, чтобы термосопротивление нагрелось и ток, протекающий через него и обмотку реле, достиг значительной величины, необходимой для срабатывания реле $Р_2$. Контактная группа реле $Р_2$ и включает промежуточное реле цепи управления освещением.

Чтобы термосопротивление надежно работало и в зимнее время, при помощи выключателя $Вк_1$ параллельно ему подключается сопротивление R_9.

Детали: электромагнитное реле $Р_1$ и $Р_2$ телефонные, типа «100», с сопротивлением обмотки в 300 ом. Реле $Р_3$ взято от передатчика «РСИ». Диоды $Д_1$—$Д_6$ типа «Д7Г», диод $Д_7$ типа «Д7Ж».

Трансформатор Тр выполнен на сердечнике из пластин «Ш-19», толщина пакета пластин—28 мм. Первичная обмотка I содержит 3 300 витков, намотанных проводом «ПЭЛ-0,12». Обмотка II и III содержит по 180 и 300 витков соответственно, намотанных проводом «ПЭВ-0,15». Обмотка IV содержит 315 витков провода «ПЭВ-0,25».

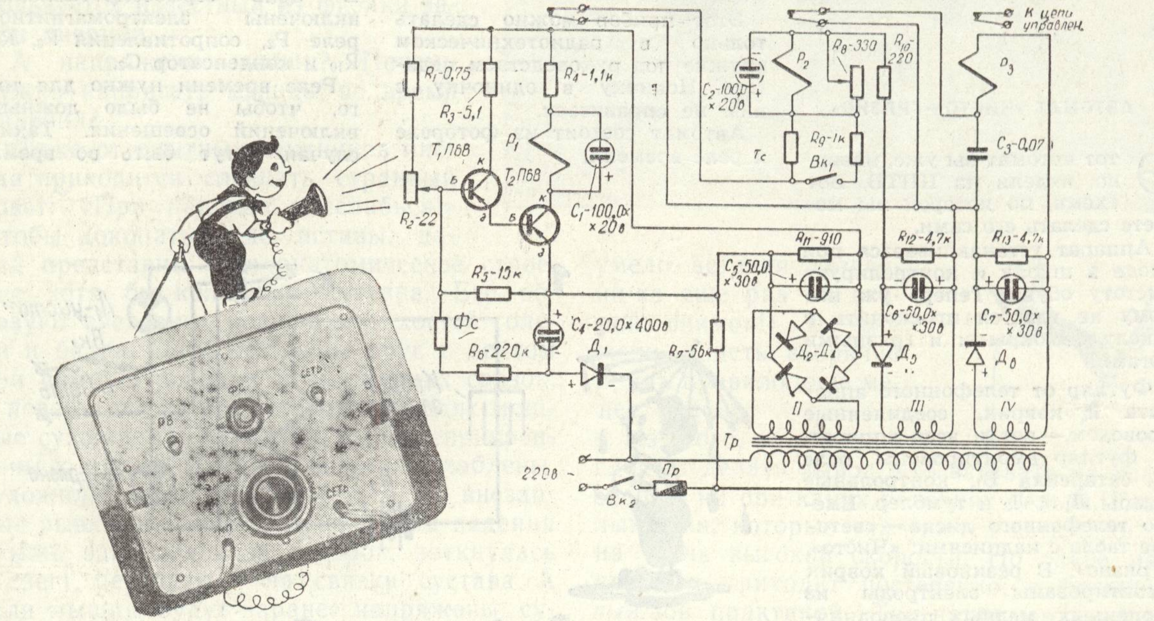
Режим работы: средняя мощность, потребляемая от сети, составляет 2 ватта. Автомат устойчиво работает при колебаниях напряжения сети ± 10 вольт. Для участков цепи с большими колебаниями напряжения сети рекомендуется подключать автомат через феррорезонансный стабилизатор или любой другой автоматический регулятор напряжения. Он позволит поддерживать постоянное напряжение сети на выходе 220 вольт при колебаниях напряжения сети от 180 до 250 вольт.

Цепи коллекторов транзисторов, реле времени и реле $Р_3$ получают постоянные напряжения 12, 18 и 21 вольт соответственно от отдельных выпрямителей.

В ночное время через фотосопротивление, коллекторы транзисторов $Т_1$ и $Т_2$ протекает ток, равный 1 мка, 7 мка, 0,55 ма, а при дневном освещении — 0,6 ма, 2,5 ма и 12,5 ма соответственно.

Конструкция прибора: автомат выполнен в виде переносного блока. Кожух и передняя панель изготовлены из алюминия или дюралюминия. На передней панели расположены все ручки управления прибором, фотосопротивление, тумблеры $Вк_1$ и $Вк_2$.

Прибор прост и экономичен.

В. РЕЗНИКОВ

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ПЕШКИН!

Пешкин. Так меня зовут. И неспроста появился я на этой странице. Приятно познакомиться с ребятами — любителями шахмат. А главное, хочу потолковать с **Володей Шишовым** из Гомеля и **Игорем Безруковым** из Донецкой области.

Не сговаривались Володя и Игорь, а написали об одном. «Верно ли, что пешка имеет в шахматах такое большое значение?» — спрашивают они. А Володя добавляет: «У нас, когда ребята играют, пешки в счет не идут».

И напрасно! Это потому, Володя, что вы только начинаете знакомиться с шахматами. Сильные, опытные шахматисты прекрасно понимают, какая большая сила у скромной пешечки. И вам, ребята, учиться надо как следует пользоваться этой силой. Это я, Пешкин, вам советую! Ведь недаром даже поговорки есть такие: «Мала пешка, а иной раз всей игрой владеет», «Пешка — душа шахматной партии».

Припомните, как часто бывает, что пешка в середине партии удерживает важные пункты, прикрывает своего короля от губительного нападения и сама смело бросается в атаку.

И еще одну шахматную поговорку вам напомню: хорошее начало — половина дела, а конец — всей партии венец. Не забывайте: пешка, дойдя до крайней линии, может превратиться в другую фигуру. Вот почему в конце игры пешка становится главной боевой единицей.

Как же шахматисту пешки не считать, о них не заботиться?

«КОГДА ЖЕ ТЫ СТАНЕШЬ ФЕРЗЕМ!»

Отвечаю Светлане Никольской из Тамбовской области. Светлана недавно научилась играть в шахматы и хочет знать, всегда ли пешку надо превращать в ферзя и может ли на доске быть несколько одинаковых фигур одного цвета.

Есть такая старинная арабская пословица: «Пешка, когда же ты станешь ферзем?» Действительно, чаще всего пешку превращают в ферзя. И понятно почему. Ведь ферзь — самая сильная фигура. Но бывают и такие позиции, где кратчайший и верный путь к цели можно найти, превратив пешку в другие, более слабые фигуры.

Превращать пешку можно в любую свою фигуру, конечно, кроме короля.

ЗАГАДКИ ПЕШКИНА

А теперь попробуйте решить мои загадки. Пешки — главные действующие лица во всех этих позициях.

На первой диаграмме все пешки белых на старте, все готовы двинуться вперед. Как должны играть белые, чтобы дать мат в три хода черному королю?

И на следующей диаграмме мат достигается в три хода. Решающее слово, конечно, принадлежит пешке f7.

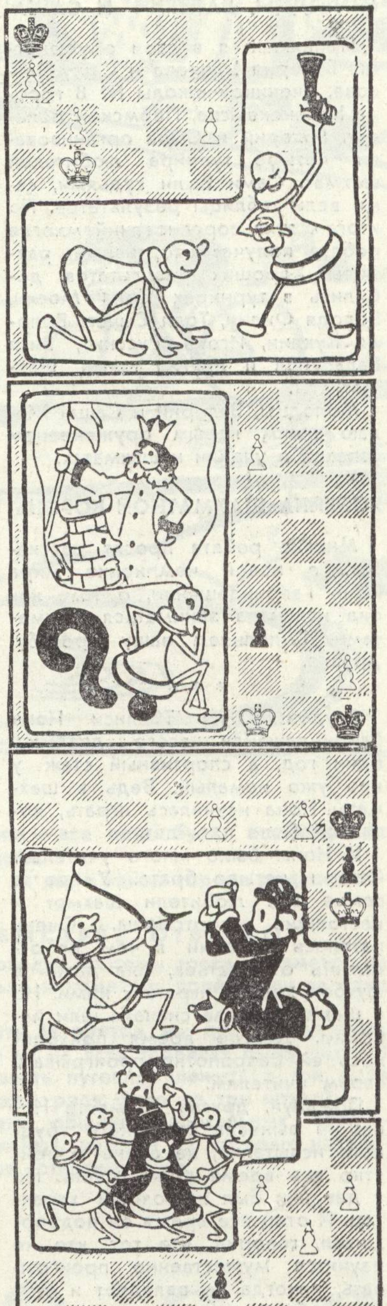
Третья диаграмма. Снова мат достигается в три хода. Как решается эта хитрая загадка?

Хоровод пешек собрался на вертикалях f, g и h в **моей четвертой задаче.** Как надо играть белым, чтобы заматовать в три хода черному королю?

Напоминаю: во всех позициях игру начинают белые.

ГРАМОТЫ ДРУЗЬЯМ ПЕШКИНА

Конечно, вы знаете, что есть у меня, владыки черных и белых полей, грамоты. И хотя на этих грамотах изображены ферзь и

ладья, охотно вручу я их тем ребятам, которые разгадают все загадки хитрого Пешкина. Жду ваших писем, друзья!

МОЛОДЦЫ, ВАЛЕРИЙ И САША!

Принимаю я в свои оруженосцы Валерия Удалова и Сашу Власова, учеников школы № 8 города Краснокамска, Пермской области. Валерий и Саша организовали четыре турнира любителей шахмат. Сами были судьями, сами вели таблицы результатов. По итогам этих соревнований многие ребята получат спортивные разряды. Хороших результатов добились в турнирах Коля Мосин, Володя Филин, Толя Сычев, Володя Куклин, Игорь Русских, Витя Балабанов и другие юные шахматисты.

Молодцы, Валерий и Саша! Желаю моим новым оруженосцам успехов в учении и шахматах.

ХОЗЯЙКА ШАХМАТНОЙ КОРОНЫ

Многие ребята просят рассказать о новой чемпионке мира Ноне Гаприндашвили, о том, как она начинала заниматься шахматами. Выполняем вашу просьбу, друзья.

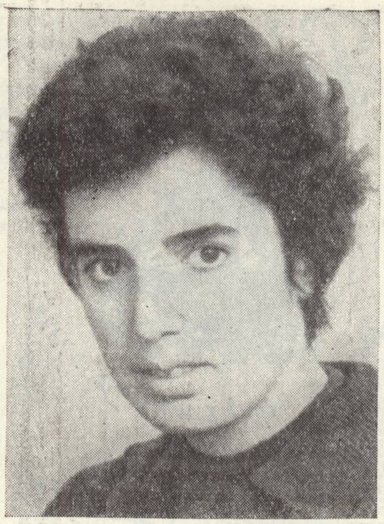
* * *

Студентке из Тбилиси Ноне Гаприндашвили всего двадцать один год, а спортивный стаж у нее уже немалый. Ведь в шахматы Нона научилась играть, когда ей было пять лет.

У Ноны было много учителей. Отец и четыре брата. У нее в семье все любители шахмат и настоящие спортсмены. Очень хотелось Ноне ни в чем не отставать от братьев, она даже в футбол ходила играть с ними. Но в шахматах дела сначала шли неважно. Долгое время приходилось ей безропотно проигрывать своим учителям.

Пожалуй, другая на месте Ноны не вынесла бы такого трудного испытания, не очень-то приятно все время проигрывать. Но у девочки был настоящий характер. И отец все время поддерживал, говорил, что тот, кто не научится мужественно проигрывать, никогда не овладеет и наукой побеждать.

Ох, уж эта наука! Много воды

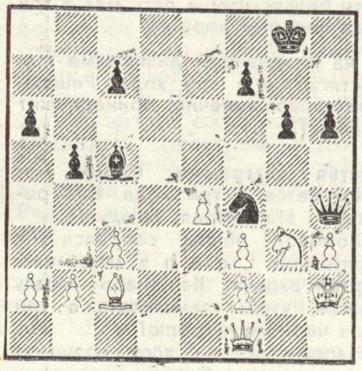

Новая чемпионка мира Нона Гаприндашвили.

утекло до той поры, пока и Нона научилась наносить тяжелые ответные удары. Все чаще и чаще получалось так, что ее противники, уверенные в себе и начинавшие игру со снисходительным видом, терпели поражение.

Во многих соревнованиях участвовала Нона и никогда не боялась поражения, не отступала перед трудностями.

Когда Ноне минуло 14 лет, она стала заниматься шахматами в Тбилисском Дворце пионеров. Здесь опытные тренеры помогли ей разобраться в хитростях шахматной теории, стали учить ее тому, что давалось Ноне труднее всего,— искусству упорной защиты.

Больше всего Нона любила в шахматах смелые атаки, рискованные комбинации, но ведь борьба подчас складывается так, что нужно не только нападать, но и уметь отражать атаку противника.

1958 год особенно памятен Ноне. Она получила тогда две большие награды: закончила школу с серебряной медалью, а в женском шахматном чемпионате страны ее наградили бронзовой медалью.

Игра Ноны становилась все более разносторонней, интересной, многому научили Нону встречи с сильнейшими нашими шахматистками.

После первых побед Нона работала над шахматами еще больше, чем раньше. Скромная и требовательная к себе, она понимала, что ей надо еще очень многое сделать, чтобы стать настоящим мастером.

Быстро росли успехи талантливой шахматистки. Она завоевала право играть матч на мировое первенство с москвичкой Елизаветой Быковой.

И вот встретились лучшие шахматистки мира. С большим преимуществом победила Нона. Счет матча 9 : 2 говорит о высоком классе игры молодой чемпионки. Шахматная корона мира попала в надежные руки.

— Мои планы теперь,— сказала Нона корреспондентам,— наверстать пропущенное в учении. А потом снова начну заниматься шахматами, буду играть в турнирах, хочу встречаться с сильными противниками.

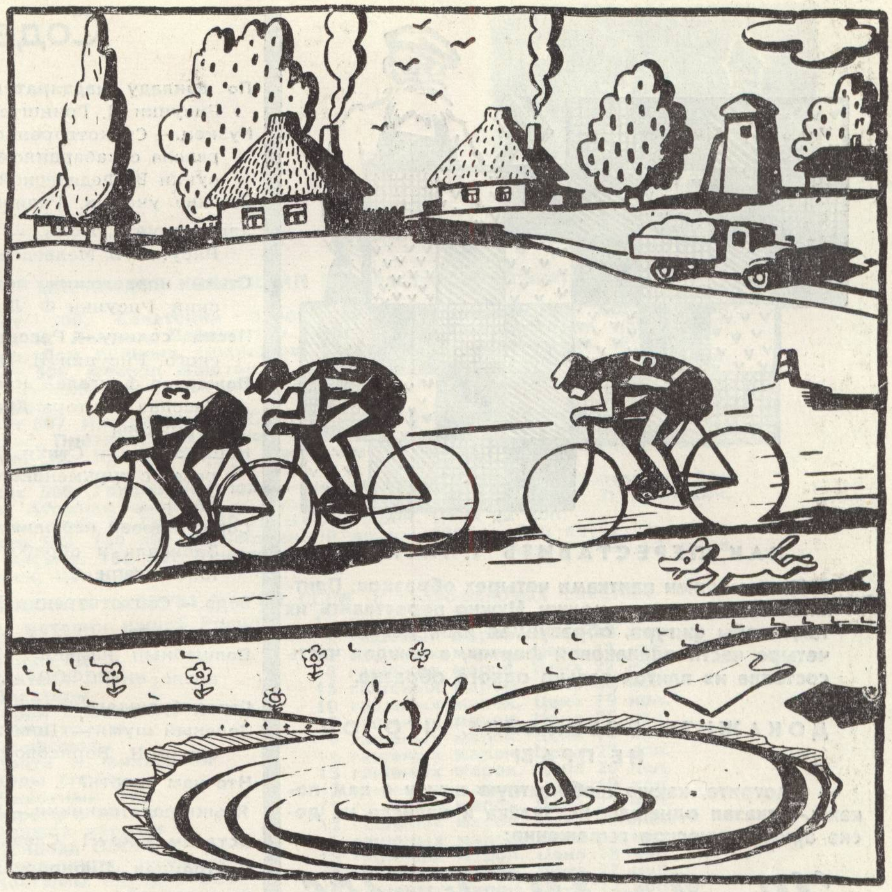
Посмотрите на диаграмму. Вот как закончилась одна из партий матча на первенство мира. Белыми играла Быкова, черными — Гаприндашвили.

Гаприндашвили сильно провела решающую атаку.

29... Сс5 : f2! 30. Фf1 : f2 Кf4 : h3 31. Фf2 — e1 (плохо 31. Фd2 Кf4 + и т. д.) 31... Кh3 — g5 + 32. Крh2 — g2 (нельзя играть 32. Крg1 из-за 32... К : f3+) 32... Фh4 — h3 + 33. Крg2 — f2 Фh3 — h2 + 34. Крf2 — e3 Фh2 : c2.

Черные выиграли пешку. Как вы уже знаете, это большое преимущество. В дальнейшем Гаприндашвили четко реализовала свой перевес.

ВЕЛОПРОБЕГ

Эти спортсмены совершают велопробег по маршруту Москва — Варшава — Москва. Внимательно рассмотрев картинку, попытайтесь установить: какой момент велопробега изображен художником: на пути из Москвы в Варшаву или из Варшавы в Москву! Подкрепите свой ответ доказательствами.

В КАКОМ ГОРОДЕ

Однажды в поезде пятеро пассажиров завели разговор о том, кто в каком городе родился.

— Моя родина — Рязань,— сказал один.

— Есть в Калужской области небольшой городок Медынь,— сказал второй,— вот там я и родился.

— А я коренной москвич,— заявил третий.

— Я родился в Пензе,— сказал четвертый.

Пятый, немного подумав, сказал:

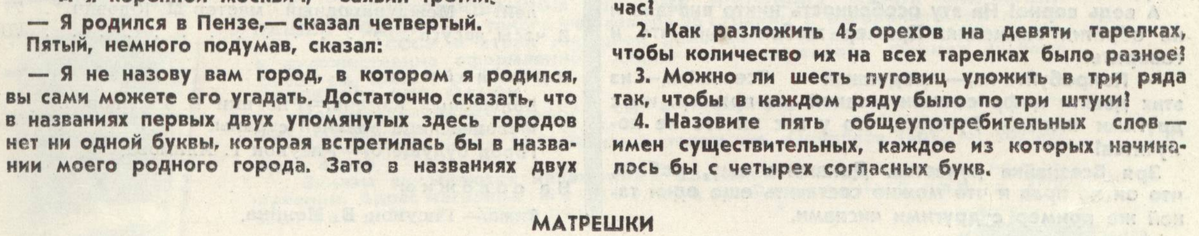
— Я не назову вам город, в котором я родился, вы сами можете его угадать. Достаточно сказать, что в названиях первых двух упомянутых здесь городов нет ни одной буквы, которая встретилась бы в названии моего родного города. Зато в названиях двух последних городов — все пять букв, необходимых для решения задачи.

Не догадаетесь ли вы, в каком городе родился пятый пассажир!

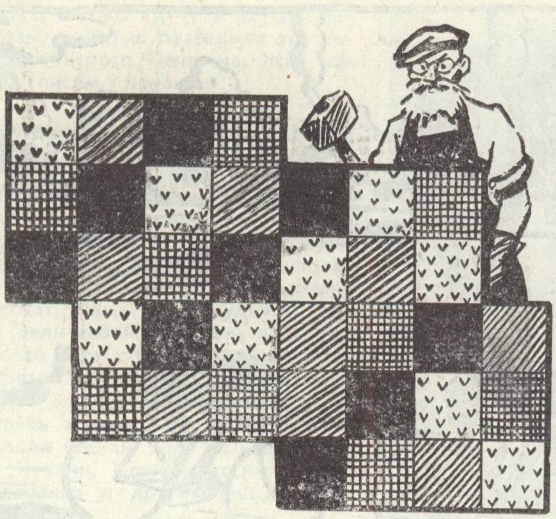
КТО БЫСТРЕЕ ОТВЕТИТ!

1. Пешеход проходит полторы трети километра за пять минут. Сколько километров пройдет он за один час!
2. Как разложить 45 орехов на девяти тарелках, чтобы количество их на всех тарелках было разное!
3. Можно ли шесть пуговиц уложить в три ряда так, чтобы в каждом ряду было по три штуки!
4. Назовите пять общеупотребительных слов — имен существительных, каждое из которых начиналось бы с четырех согласных букв.

МАТРЕШКИ

Две из этих матрешек совершенно одинаковые. Какие?

КАК ПЕРЕСТАВИТЬ ПЛИТКИ

Пол выложен плитками четырех образцов. Плитки поставлены вперемешку. Нужно переставить их так, чтобы фигура, образуемая ими, делилась на четыре части одинаковой формы, а каждая часть состояла из плиток только одного образца.

ДОКАЖИТЕ ВСЕЗНАЙКЕ, ЧТО ОН НЕ ПРАВ!

— Смотрите, какую любопытную штуку я вам покажу,— сказал однажды Всезнайка и написал на доске арифметическое выражение:

$$78 \times 2 = 39 \times 4 = 156$$

— Что ж тут особенного! — удивились ребята.— Если множимое уменьшить вдвое, а множитель тоже вдвое увеличить, то произведение, конечно, не изменится.

— Не в том дело,— возразил Всезнайка.— Разве вы не заметили, что цифры в этом примере все разные, начиная с единицы и кончая девяткой! Ни одна цифра не повторяется!

А ведь верно! На эту особенность никто вначале и не обратил внимания. Пример любопытный, что и говорить!

— Попробуйте-ка,— продолжал Всезнайка,— из этих девяти цифр составить такой же пример, но с другими числами. Ручаюсь, что у вас ничего не получится!

Зря Всезнайка ручается. Докажите ему, ребята, что он не прав и что можно составить еще один такой же пример с другими числами.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73. Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00006. Подписано к печати 8/I 1963 г. Тираж 593 000 экз. Изд. № 164. Заказ № 3353.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ

МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ (в целлофановых пакетах).

Пакет 505. Советский балет. 40 лет пионерской организации имени В. И. Ленина. Первенство мира по лыжам. Малярия побеждена. Л. Пастер. Дом пушных аукционов. 12 гашеных марок. Цена 20 коп.

Пакет 506. Месроп Маштоц. И. Гончаров. Первенство мира по спорту. 100 лет Библиотеке имени Ленина. Татарская АССР. 10 гашеных марок. Цена 22 коп.

Пакет 507. Программа КПСС. Конгресс за разоружение и мир. Я. Купала и Я. Колас. Противораковый конгресс. Поэт Сабир. Н. Зинин. Оборона Севастополя. И. Крамской, М. Нестеров, И. Шадр. 11 гашеных марок. Цена 21 коп.

Пакет 508. Годовщина полета космического корабля «Восток-2». Дом дружбы. Атомная энергия в мирных целях. А. Николаев, П. Попович. Ф. Дзержинский, О. Генри. 10 гашеных марок. Цена 22 коп.

Пакет 509. 150 лет Отечественной войны 1812 г. 600 лет г. Виннице. Неделя письма. 150 лет Никитскому ботаническому саду. Рыбы. 12 гашеных марок. Цена 24 коп.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАБОРЫ МАРОК СССР (в целлофановых пакетах).

Из истории нашей Родины	16 гашеных марок. Цена 30 коп.
Курорты	9 гашеных марок. Цена 18 коп.
Искусство	12 гашеных марок. Цена 18 коп.
Деятели науки	12 гашеных марок. Цена 22 коп.
Писатели	15 гашеных марок. Цена 22 коп.
Герои Советского Союза	10 гашеных марок. Цена 19 коп.
Слава труду!	15 гашеных марок. Цена 25 коп.
Профсоюзы	9 гашеных марок. Цена 14 коп.
Почта и филателия	14 гашеных марок. Цена 23 коп.
Виды спорта	15 гашеных марок. Цена 20 коп.
Животный мир	13 гашеных марок. Цена 19 коп.
Дорога в космос	11 гашеных марок. Цена 22 коп.
Дружба народов	12 гашеных марок. Цена 17 коп.
Природа СССР	6 гашеных марок. Цена 15 коп.
Скульптура, памятники	13 гашеных марок. Цена 18 коп.
Костюмы народов СССР	10 гашеных марок. Цена 17 коп.
Семилетка в действии	10 гашеных марок. Цена 12 коп.

100 МНОГОКРАСОЧНЫХ МАРОК СССР (в пяти художественно оформленных пакетах).

Наборы «А», «Б», «В», «Г», «Д» — каждый состоит из 20 гашеных марок, стоимостью по 30 коп. каждый. Во всех пяти наборах марки разные.

КОЛЛЕКЦИИ из 200 советских марок (в тетради на 20 листах). Цена коллекции — 4 руб.

Листы тетради (на каждом листе 10 марок) продаются и отдельно. Цена каждого листа 20 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМ ПОЧТОВЫХ МАРОК СССР выпуска 1958—1961 годов размером 23 см×30 см в художественно оформленном переплете. В альбоме 56 страниц с изображениями марок и 23 запасные страницы для марок новых выпусков. Цена альбома — 2 р. 30 к.

В ИЛЛЮСТРИРОВАННОМ АЛЬБОМЕ ПОЧТОВЫХ МАРОК «ПИСАТЕЛИ НАШЕЙ РОДИНЫ» — такого же размера 96 страниц с изображениями почтовых марок СССР и стран народной демократии (с аннотациями). Альбом в художественно оформленном ледериновом переплете. Формат альбома 23×30 см. Цена 2 р. 05 коп.

КЛЯССЕРЫ ДЛЯ МАРОК

Восьмистворчатые 14,5×19 см в переплете из технической ткани (арт. МГ-087-38). Цена 1 р. 60 к.

Восьмистворчатые 22,5×30 см в таком же переплете (арт. МГ-087-30). Цена 4 руб.

Заказы высылаются наложенным платежом. Оплата на почте при получении. Адрес магазина: Москва, Ж-4, Б. Факельный пер., д. 2/22. Магазин № 111 «Москниги».

Цена 25 коп.

70694

Ура! К развязке близок матч!
И так накал страстей горяч,
Что даже старый снеговик
Охвачен жаром в этот миг!

Рисунок Ю. Узбякова